Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
(ННГУ)

Институт филологии и журналистики
Кафедра современного русского языка и общего языкознания

На правах рукописи

Бинштейн Маргарита Михайловна

Коммуникативные стратегии и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале российских политических ток–шоу)

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Луцеева Надежда Александровна
кандидат филологических наук, доцент

Нижний Новгород – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
Глава 1. Коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе 18
1.1. Политическая коммуникация и политический дискурс 18
1.2. Коммуникативно-прагматические особенности политического дискурса 24
1.3. Речевое воздействие и речевая манипуляция. Политическая метафора 33
1.4. Коммуникативные стратегии и речевые тактики в политическом дискурсе в теории речевого воздействия 43
1.5. Прикладные аспекты изучения коммуникативных стратегий и тактик в русскоязычном политическом медиадискурсе 63
Выводы 78
Глава 2. Анализ речевого поведения участников российских политических ток–шоу 81
2.1. Специфика жанра ток–шоу в политическом массмедийном пространстве 81
2.2. Коммуникативные стратегии и тактики в российских политических ток–шоу («60 минут», «Время покажет», «Место встречи») 88
2.2.1. Стратегия на понижение 91
2.2.2. Стратегия на повышение 153
2.2.3. Стратегия театральности 197
2.3. Анализ текстов политического медиадискурса с применением методики лингвистической экспертизы 227
Выводы 242
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 250
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 257

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние русской речевой культуры определяется рядом взаимосвязанных и взаимодействующих факторов, главным образом экстралингвистических. На развитие языка оказывают влияние трансформации государственного устройства, политической системы, идеологических доминант, экономического уклада, а также межъязыковые контакты и языковая политика. Поскольку актуальные научные исследования характеризуются междисциплинарным подходом, то и политическая лингвистика не является исключением, следовательно, политический дискурс необходимо анализировать с учетом различных социокультурных контекстов. Общей тенденцией является растущее влияние телевидения как наиболее удобного и доступного способа получения информации о современном состоянии мира. Однако телевидение – это не только средство массовой коммуникации, но и вид творчества, которое «имеет свой специфический художественный язык – совокупность технических приемов и изобразительно–выразительных средств, с помощью которых творец воплощает свой замысел» [Киселев 2009: 146]. Значимыми оказываются социально–психологические последствия влияния «телевизионного» языка на общественное сознание.

С точки зрения современной лингвистики, политический дискурс – это материал изучения эффективности речевого воздействия на аудиторию. Телевизионная программа приобрела статус высокоэффективного способа пропаганды идей, а также особой формы воздействия на многомиллионную аудиторию: «факты телевизионной речи оказываются весьма интересными для исследования в сугубо лингвистическом отношении. Они могут служить примерами актов повседневной устной словесности, обычных для языкового коллектива <...>, но также иллюстрируют сложные процессы формирования узуса, поскольку в сознании многих телезрителей по–прежнему присутствуют представления о СМИ как рупоре и непременном атрибуте высшей государственной власти, никогда не ошибающейся» [Васильев 2000: 3]. По мнению

американского исследователя Д. А. Грэйбер, факты и идеи «не могут обрести власть, пока они не станут известными. В большинстве случаев требуется язык, сформулированный должным образом, чтобы передать эти факты и идеи так, что они окажутся важными для реципиентов в данных конкретных условиях» [цит. по: Детинко, Куликова 2017: 21].

При анализе особенностей политического дискурса политическая речь может пониматься как «форма публичной речи, произнесенной оратором, как процесс коммуникации, как один из видов социального действия, как само политическое действие» [Юдина 2004: 172–185]. Отправитель сообщения в процессе коммуникации осуществляет выбор средств и способов выражения идей, мыслей. Этот выбор «структурирует и обусловливает представление, получаемое реципиентом» [Blakar 1979: 88]. Следствием обозначенной тенденции стало превращение современных средств массовой информации, посвященных политическим вопросам, из информативных в воздействующие.

Необходимо отметить и тот факт, что доступ к микрофону в телеэфире имеют, как правило, известные политики, высокопоставленные государственные чиновники, популярные общественные деятели, т.е. люди, которые должны восприниматься аудиторией как носители интеллектуального и культурного знания. Их речь многими телезрителями воспринимается в качестве образца, достойного подражания. В условиях плюрализма мнений существуют фундаментальные различия интересов, целей и ценностей, поэтому принятие и обсуждение политических решений – это состязательный процесс, в котором участники порой отстаивают диаметрально противоположные мнения. Значимым оказывается анализ практической аргументации, коммуникативных стратегий и речевых тактик, а также реализующих их языковых средств и коммуникативных приемов, используемых в политическом диалоге.

Актуальность исследования обусловлена популярностью жанра ток–шоу на российском телевидении, ставшим ключевым каналом осуществления политической коммуникации; стремительным ростом трансляций данного жанра, которые еще не были подвергнуты детальному лингвистическому анализу.

Поскольку исследования в области политической лингвистики способствуют выявлению новых средств и приемов, оказывающих речевое воздействие на аудиторию, то анализ речи политического медиадискурса позволяет определить и объяснить функциональные закономерности в языке, возникающие в результате взаимодействия современных СМИ с другими политическими институтами, а также отражающие различные изменения в мировой политике. Открытой остается проблема уточнения языковых маркеров – специфических выразительных средств, «которые позволяют выделить конкретный речевой ход, реализующий определенную речевую тактику, что позволяет признать предложенный ракурс исследования востребованным и своевременным» [Бурмакова 2025: 4]. Необходимость изучения речи участников политического ток–шоу заключается и в том, что данный анализ позволяет представить особый языковой портрет эпохи, речь общества в ее социальных, возрастных, профессиональных и культурных проявлениях. Поскольку политические ток-шоу оказываются эффективными проводниками патриотических идей, то возрастает потребность в осмыслении особенностей построения речи экспертов, выступающих на общественном телевидении, мощном средстве воспитания, формирования и поддержания культурных и социальных ценностей.

Степень разработанности темы. В языкознании разрабатываются разные термины, определяющие взаимосвязь языка и политики: язык политики и языковая политика [Okulska, Cap 2010; Юдина, Ковалева 2020]; политический язык [Баранов, Казакевич 1991; Graber 1982]; политический дискурс [Базылев 1998, Базылев 2005; Бакумова 2002; Демьянков, 2002; Куликова 2009; Михалева 2009; Паршина 2007; Филинский, 2002; Шейгал, 2000; Dijk 2003б, Fairclough 2001; J. Wilson 2003]; политическая коммуникация [Будаев, Чудинов 2008; Шейгал 2000]; политическая риторика [Bitzer 1982]. Особое внимание разграничению данных понятий уделяет в своей монографии Е.И. Шейгал [Шейгал 2000]. Среди исследователей, чьи научные труды посвящены комплексному изучению политической лингвистики, можно выделить работы в области 1) теории дискурсивного анализа [Карасик 1991, 2000, 2002, 2016; Кубрякова 2000, Русакова 2007, 2012; Горбачева 2007; Jørgensen,

Phillips 2008]; 2) теории коммуникативных стратегий и тактик, применяемых в политической коммуникации [Михалева 2004; Иссерс 2005; Верещагин, Костомаров 2005; Паршина 2007; Малышева 2009; Чернявская 2012; Киданова 2015; Нейман 2022; Fetzer 2013]; в том числе труды, в которых освещаются конфронтационные речевые стратеги и тактики [Мулькеева 2005; Певнева 2008; Вознесенская 2004; Хлопотунов 2022; Караулова 2023], стратегии положительной оценки [Малышев 2016; Мощева 2025] и труды, в которых отмечается возможность комбинирования коммуникативных стратегий и тактик [Руженцева 2004; Головаш, 2008; Эйсфельд, 2015; Гунькова 2020; Лисюткина 2021]; 3) общей теории политического дискурса [Филинский 2002; Шейгал 2004; Чудинов 2009; Blakar 1997; Wodak 1997; Dijk T. A 1998; I. Fairclough, N. Fairclough 2012].

В трудах лингвистов широко рассмотрены процессы речевого планирования и контроля, способы и механизмы оказания воздействия на адресата, выведены и систематизированы основные тактики и стратегии русской политической речи, описаны приемы интерпретации действительности. Взгляды и установки исследователей варьируются от скептицизма по поводу использования языка в качестве основного инструмента политической сферы до описательных и структурных «подходов, позволяющих рассматривать обсуждение как значимый элемент политических процессов, основу для принятия рациональных решений» [Бинштейн, Самыличева 2024:82].

Как показал анализ монографий, диссертационных исследований и научных публикаций, вопросам лингвистического направления, деятельность которого сосредоточена на изучении речевых особенностей политических медиатекстов, посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых [Кожин 1979; Костомаров 1971; Рогова 1975; Солганик 1976; Васильева 1982; Кожин 1987; Коньков 1995; Михальская 1996; Купина 1995; Демьянков 2003; Добросклонская 2008, 2020; Васильев 2012; Казаков 2013; Дускаева 2015; Чернышов 2016; Лущинская 2017; Шестак 2017; Шмелева 2018; Чжан Хуэйцинь 2014; Вальтер 2016; Landtsheer 1980; Bell 1991; Montgomery 1992; Mermin 1997; Roese 2018; Schroeder 2018; Rogers, Niederer 2020]. Количество работ «в сфере лингвистического

исследования медиатекстов, качество этих работ, фундаментальные лингвистические исследования, которые были проведены в этой сфере, позволяют говорить о медиалингвистике как о науке, в сфере которой были проведены наиболее значимые базовые исследования политического медиадискурса» [Коньков 2018: 161].

При этом в современной лингвистической науке проблемы дискурсивного анализа текстов, относящихся к жанру политического ток–шоу, не были подробно рассмотрены и потому нуждаются в дальнейшей доработке. При этом специалистами–гуманитариями признается, что данный вид текста выступает в числе актуальных объектов политического дискурса [Вартанов 2003; Желтухина 2003; Долгова 2017; Грабельников, Гегелова 2018; Грибовод 2016; Погребняк 2021 и т.д.]. Также в науке отмечается, что при игнорировании политических дискуссий как части политического дискурса возрастает риск упустить из виду важный способ, посредством которого граждане активно и (или) пассивно взаимодействуют друг с другом на общественной арене [Bennett, Flickinger, Rhine 2000: 118]. Результаты настоящего исследования должны стать вкладом не только в изучение дискурса в рамках медиалингвистики, прагмалингвистики и стилистики, но и в лингвокультурологию, политологию, медиакультурологию и социальные науки в целом.

Общетеоретическую и методологическую базу работы составили труды отечественных и зарубежных ученых в области теории дискурса *и критического дискурс-анализа* [Карасик 2000; Бергельсон 2005; Радбиль 2006; Чудинов 2009, 2013; Blakar 1997; Wodak 1997; Dijk T. A 1998; Fairclough, N. Fairclough 2012]; *политической коммуникации* [Юдина 2001; Сковородников 2003; Михалева 2004; Шейгал 2004; Иссерс 2005; Паршина 2007; Чернявская 2012], *медиалингвистики* [Желтухина 2003; Клушина 2010, 2016, 2021; Добросклонская 2016; Коньков 2018; Петрова, Рацибурская 2022; Широкова 2021, 2024]; работы, посвященные анализу жанра *политического ток-шоу* [Гуленко 2017; Бурмакова 2025; Ilie 2001]; и вопросам *лингвистической экспертизы* [Голев 1999; Бринев 2009; Кара–Мурза 2009; Россинская 2011; Радбиль, Юматов 2014; Кукушкина 2016; Баранов 2020;

Ярощук, Жукова, Долженко 2020; Галяшина 2021; Колтунова, Жарков 2022; Шарифуллин 2023].

Объектом исследования являются языковые особенности речевого поведения участников российских политических ток–шоу «60 минут», «Время покажет», «Место встречи».

Предмет исследования – лексико-стилистические и грамматические средства, а также коммуникативные приемы реализации коммуникативных стратегий и тактик в политическом дискурсе, оказывающие речевое воздействие на аудиторию и тем самым обеспечивающие совпадение интересов и взглядов в мире постоянных разногласий.

Материалом исследования стали стенограммы тридцати выпусков политических ток–шоу за 2019–2025 гг., включающие такие передачи как *«60 минут»* (**19 часов 16 минут 22 секунд записи:** дневной выпуск от 01.02.2019; вечерний выпуск от 12.02.2019; вечерний выпуск от 25.02.2019; дневной выпуск от 19.09.2019; вечерний выпуск от 19.09.2019; вечерний выпуск от 29.07.2020; вечерний выпуск от 03.08.2020; дневной выпуск от 11.09.2020; дневной выпуск от 25.09.2020; дневной выпуск от 15.12.2020; дневной выпуск от 21.12.2021; вечерний выпуск от 24.12.2021; вечерний выпуск от 11.01.2022; вечерний выпуск от 27.06.2022; вечерний выпуск от 20.07.2022) *«Время покажет»* (**21 час 31 минута 16 секунд записи:** выпуски от 15.09.2021, 05.05.2023, 16.11.2023, 19.12.2023, 29.02.2024, 07.06.2024, 13.06.2024, 19.02.2024, 18.03.2024, 05.08.2024), *«Место встречи»* (**7 часов 50 минут 6 секунд записи**: выпуски от 06.05.2024, 17.05.2024, 10.06.2024, 27.06.2024, 14.08.2024). Из исследуемого материала, общая продолжительность которого составила **48 часов 37 минут 44 секунды**, было выявлено и проанализировано **288** наиболее иллюстративных фрагмента, в которых эксплицитно или имплицитно актуализированы лингвистические, грамматические коммуникативно-прагматические признаки стратегий на понижение, на повышение и театральности. Критериями при выборе телепередач стал широкий спектр обсуждаемых тем, наличие наиболее распространенных дискурсивных особенностей политического ток–шоу, таких как активная роль

ведущего, информативно–развлекательный характер, ориентированность на зрителя и т.д.

Цель исследования заключается в выявлении и рассмотрении языковых средств и коммуникативных приемов, посредством которых реализуются коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе, а также в описании речевого поведения участников российских политических ток-шоу в различных коммуникативных ситуациях.

Исходя из поставленной цели, формулируются следующие **задачи** исследования:

1) определить природу политического дискурса и коммуникативно-прагматические особенности, отличающие его от других видов дискурса, с акцентом на уточнение ключевых понятий, таких как «политический дискурс», «политическая речь» и «политический язык»;
2) через призму языковых средств и коммуникативных приемов изучить научную литературу по проблемам выявления и классификации коммуникативных стратегий, тактик и приемов, применяемых в политическим дискурсе;
3) выявить и описать языковые средства и коммуникативные приемы, эксплицирующие в речи участников российских ток–шоу «60 минут», «Время покажет», «Место встречи» коммуникативные стратегии и тактики;
4) проанализировать тексты политического медиадискурса, отличающегося выраженным агональным характером, с позиций лингвистической экспертизы.

Решение поставленных задач предполагает использование определенных **методов исследования**, базирующихся на комплексном подходе к лингвистическому анализу и включающих в себя оценку параметров коммуникативной ситуации. **Методологическую** основу работы составили общенаучный (описательный и классифицирующий), а также собственно лингвистические методы компонентного и лингвопрагматического анализа. В исследовании применяются метод функционально–прагматического анализа – с

целью дать характеристику иллокутивной функции высказывания, т.е. эксплицитным и имплицитным средствам выражения коммуникативной направленности; метод лингвистического контекстуального анализа – с целью выявления коммуникативных приемов и языковых средств, эксплицированных на разных уровнях структурной организации высказывания; метод анализа пропозиций (логико–грамматический) – с целью определения логической основы семантической структуры текста, а также анализа пропозициональных установок; семантический метод – с целью выявления значения слов и выражений, морфологических форм и синтаксических конструкций. Применяются возможности методов проведения лингвистических экспертиз при лингвистическом анализе текста с целью объективации полученных результатов. Анализ используемой лексики, грамматических конструкций, синтаксических связей, наличия эмотивной направленности и т.д. способствует выявлению манипулятивных техник, применяемых при создании политических текстов, что, в свою очередь, помогает подтвердить наличие воздействующего потенциала, которым обладает современный политический дискурс.

Научная новизна заключается в междисциплинарном, прагмалингвистическом, лингвоэкспертном и собственно лингвистическом исследовании средств речевого воздействия в политических ток-шоу, а также в репрезентативном языковом материале, систематизация которого позволяет уточнить качественные и количественные параметры используемых языковых средств в их корреляции с тактиками и стратегиями манипулятивного воздействия.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении методики полиаспектного анализа языковых средств и стилистических приемов реализации коммуникативных стратегий и речевых тактик на основе комплексного использования методов анализа, разработанных в рамках ряда междисциплинарных направлений современной лингвистики. Работа вносит вклад в теорию речевого воздействия, политическую лингвистику, критический дискурс-анализ, медиаисследования, риторику и другие прикладные области языкознания.

Практическая значимость работы заключается в возможности не только применения ее результатов в процессе решения исследовательских задач в области политического дискурса и риторики, но и использования полученных данных в рамках лекционных курсов по стилистике и лингвокультурологии, медиалингвистики, прагмалингвистики, а также практических занятий по лингвистическому анализу текстов и особенностям политического дискурса.

Структура работы отвечает поставленным задачам. Исследование состоит из введения, двух глав, выводов к главам, заключения и списка используемой литературы. Во введении обосновывается актуальность исследования, определяется его объект, предмет, цель, задачи и методы. В первой главе представлены теоретические аспекты: рассмотрено понятие политического дискурса, политической коммуникации, речевого воздействия и речевой манипуляции; сопоставлены разные подходы к выявлению и классификации стратегий и тактик в политическом дискурсе; раскрывается понятие лингвистической экспертизы, содержится общая характеристика методов и методик, применяемых в исследовании спорных текстов. Во второй главе исследована специфика жанра ток–шоу в политическом медийном пространстве, представлен анализ речевого поведения участников российских ток–шоу «60 минут», «Время покажет», «Место встречи», описаны способы реализации коммуникативных стратегий и тактик в рассматриваемых программах; продемонстрированы результаты анализа текстов политического медиадискурса с применением методики лингвистической экспертизы

На защиту выносятся следующие положения:

1. Одной из ключевых стратегий, применяемых в исследуемых российских ток–шоу, оказывается стратегия на понижение, для которой свойственны тактики обвинения, дискредитации, безличного обвинения, анализ–«минус», негативного прогнозирования и т.д. Для реализации указанной стратегии акторы обращаются к различным языковым средствам и коммуникативным приемам, таким как лексика с отрицательной коннотацией; номинации, содержащие описание негативно оцениваемой деятельности; пейоративы; сравнения, аналогии, метафоры,

обладающие негативным персуазивным потенциалом; гипербола и гротеск, направленные на утрированное преувеличение негативных черт; сопоставительные конструкции, устанавливающие негативные аналогии; эмоционально-экспрессивные частицы с негативной коннотацией; усилительные наречия с негативной оценочностью; «словесные ярлыки»; перифрастические обороты, содержащие негативную оценку.

2. Стратегия на повышение связана с реализацией целого ряда тактик (анализ–«плюс», отвода критики и оправдания, презентации, солидаризации, похвалы и т.д.) и с успешным применением языковых средств и коммуникативных приемов (лексика с положительной коннотацией; повтор как средство акцентирования положительной информации; апелляции к положительному лингвокультурологическому коду; лексемы с семантикой согласия, одобрения; использование «ответной критики»; актуализация «Я»-темы; нейтрализация негативного представления о себе; лексика с семантикой уважения и внимания к человеку или предмету; языковые единицы с семантикой совместности, одобрения, восхваления и т.д.)

3. Стратегия театральности в политическом дискурсе способствует речевому воздействию, что достигается через использование неожиданных образов, эмоционально насыщенных высказываний и коммуникативных приемов, которые делают политическую речь более яркой и запоминающейся (антифразис, ирония, каламбур, гротеск, аллюзия, метафора, сравнение, гипербола, риторические вопросы; стилистическая неоднородность и стилистический контраст; алогизмы; окказионализмы; провокационные вопросы). В качестве тактик следует выделить тактику иронизирования и сарказма, провокации, проведения аналогии, метафоризации речи.

4. В российских ток-шоу как ведущие, так и приглашенные эксперты выступают с ярко выраженной патриотической точкой зрения. Это означает, что они склоняются к поддержке своей страны в различных обсуждениях, посвященных анализу политических событий или проблем. В подобных условиях применение многих агональных коммуникативных тактик (дискредитация,

обвинение, конструирование образа врага и т.д.) может быть обусловлено стремлением актора «защитить» облик своей страны, мобилизовать общественное мнение в поддержку государственной политики.

5. Методика лингвистической экспертизы в полной мере применима к политическому дискурсу, в котором исследование функционирования структурных элементов языка с целью понимания логических связей между ними представляется особо важной задачей. Преимуществами методов лингвистической экспертизы при анализе текстов политического медиадискурса являются: 1) использование алгоритма, направленного на последовательное выявление денотативного (темы), оценочного (отношения) и иллокутивного (цели) компонентов текста; 2) установление форм выражения информации (утверждения о фактах, мнения, оценочного суждения, предположения), средств реализации субъективной и объективной модальности, что позволяет обоснованно и достоверно определить авторскую позицию и коммуникативную цель политического сообщения; 3) исследование коммуникативной ситуации и жанра, а также «грамматических, семантических и прагматических характеристик исследуемых фрагментов способствует принятию обоснованных решений о причинах употребления в данном контексте того или иного языкового средства» [Бинштейн 2022: 114], установлению характера коммуникативных стратегий и тактик.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационной работы были обсуждены на следующих семинарах и конференциях: XXXIII, XXXIV Международная студенческая конференция Института филологии и журналистики ННГУ им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, 2021, 2022 г.); Городская студенческая межвузовская конференция «Русский язык глазами молодого исследователя» (Нижний Новгород, 2019, 2021, 2022 г.); Международная научно–практическая конференция «Актуальные вопросы преподавания и изучения русского языка» (Луганск, 2020 г.); XII Всероссийская научно–методическая конференция с международным участием «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно–концептуальные аспекты»

(Пятигорск, 2020 г.); XI Всероссийская молодежная научно–практическая конференция «Литература и проблема интеграции искусств» (Нижний Новгород, 2020 г.); XII Всероссийская школа–семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов (Санкт–Петербург, 2021 г.); IX Международная филологическая сессия «Национальные коды в языке и литературе» (Нижний Новгород, 2021 г.); Международная научная конференция «Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи» (Нижний Новгород, 2021 г.); Международная научная конференция «Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное» (Нижний Новгород, 2021 г.); Всероссийская с международным участием очно–заочная научная конференция студентов и аспирантов высших учебных заведений «Слово и текст в культурном и политическом пространстве» (Сыктывкар, 2022 г.); Всероссийский научно–методический семинар «Филология смотрит в будущее. Лингвогендерология: проблемы, имена, опыты и результаты исследования» (Вологда, 2022 г.); XXIV Всероссийской студенческой научно–практической конференции Нижневартовского государственного университета (Нижневартовск, 2022 г.), VIII Международный научно-образовательный форум «Языковая политика и лингвистическая безопасность» (Нижний Новгород, 2026).

По теме исследования опубликована 22 статьи, из которых 6 входит в перечень ВАК (2 – в Scopus), 14 – включены в РИНЦ и 2 тезиса докладов на международных и всероссийских конференциях:

1. Бинштейн М.М., Самыличева Н.А. Особенности вербализации концептосферы «детство» в политическом дискурсе (на материале политических telegram-каналов)» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. №4. – С. 168-174. (**ВАК**)
2. Бинштейн М. М., Самыличева Н. А. Лингводискурсивные особенности использования местоимений в политическом дискурсе (на материале политического ток-шоу «60 минут») // Русский язык в школе. 2024. Т. 85. № 5. – С. 79–90. (**ВАК, Scopus**)
3. Бинштейн М. М., Самыличева Н. А. Редукционизм как коммуникативный прием

убеждения в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание.2025. Т. 24. №1. – С. 15-24. (**ВАК**)

4. Бинштейн М.М., Самыличева Н.А. Языковые средства и приемы реализации аттрактивности в текстах политического медиадискурса (на материале ток-шоу «60 минут») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. Т5. – С. 203-209. (**ВАК**)
5. Бинштейн М.М. Особенности стратегии убеждения в российском и китайском политическом дискурсе (на материале политических ток-шоу «60 минут» и «这就是中国» («Это Китай»)) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2026. № 99. С. 5–27. (**ВАК, Scopus**)
6. Бинштейн М.М. Особенности функционирования неполитического контента в публичной политической речи (на материале российских политических ток-шоу) // Филология: научные исследования. 2026. № 3. С. 84-100. (**ВАК**)
7. Бинштейн М.М. Коммуникативные стратегии и речевые тактики в политическом ток-шоу «6о минут» // Мининский университет; Русский язык глазами молодого исследователя. Нижний Новгород: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина». 2020. – С. 9-11.
8. Бинштейн М.М. Особенности реализации стратегии на понижение в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы XII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. Пятигорск: ПГУ. 2020. – С. 16-20.
9. Бинштейн М.М. Метафора и её функции в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут» // Литература и проблема интеграции искусств: сб. статей. Вып. 1. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2020. – С. 30-36.
10. Бинштейн М. М., Самыличева Н. А. Проявление гендерных аспектов в коммуникативных стратегиях и тактиках политического дискурса (на материале выступлений ведущих ток-шоу «60 минут») // Актуальные вопросы

преподавания и изучения русского языка». Луганский государственный педагогический Университет», Пятигорск: ПГУ. 2020. – С. 117-123.

11. Бинштейн М.М. Функции иронии в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // «Молодежь в меняющемся мире: современный образовательный дискурс». Устойчивое развитие науки и образования», Воронеж: ООО "Амиста". 2020. – С. 188-195.
12. Бинштейн М. М., Самыличева Н. А. Речевые средства реализации стратегии дискредитации в современном политическом ток-шоу // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. Москва: ФЛИНТА. 2021. – С. 711-718.
13. Бинштейн М.М., Самыличева Н.А. Игровая метафора в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи. сб. ст. по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе. Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи». Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – С. 275-282.
14. Бинштейн М.М. Роль гендерного фактора в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Актуальные проблемы филологии и журналистики. Сборник по итогам XXXIII Международной научной конференции Института филологии и журналистики ННГУ. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2022. – С. 15-21.
15. Бинштейн М.М. Концептуальное поле «детство» и его репрезентация в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Сборник материалов XXIV Всероссийской студенческой научно-практической конференции Нижневартовского государственного университета. Нижневартовск: изд-во НВГУ. 2022. – С. 107-121.
16. Бинштейн М.М. Игровые политические метафоры (на материале ток-шоу «60 минут») // Филология смотрит в будущее. Сборник научных статей молодых исследователей. Вологда: Вологодский государственный университет. 2022. –

С. 7-11.

17. Бинштейн М.М. Особенности применения метода редукционизма как манипулятивного приема в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Языки и культуры в цифровую эпоху. Сборник статей по материалам Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2022. – С. 330-335.
18. Бинштейн М.М. Стратегия манипулирования в политическом дискурсе (на материале ТВ-шоу «60 минут») // В сборнике: Русский язык глазами молодого исследователя. Сборник статей по материалам городской студенческой межвузовской конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2022. – С. 10-12.
19. Бинштейн М.М. Ирония как манипулятивный прием в политическом медиадискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Русский язык глазами молодого исследователя. Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. Нижний Новгород: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина». 2023. – С. 7-8.
20. Бинштейн М.М., Самыличева Н.А. Специфика речевого поведения в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Язык - речь - текст в интернет-коммуникации. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 4-12.
21. Бинштейн М.М. Роль гендерного фактора в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Среда. Культура. Текст. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической междисциплинарной конференции «Среда. Культура. Текст». Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 148-157.
22. Бинштейн М. М. Языковые средства и коммуникативные приемы реализации аттрактивности в текстах политического медиадискурса (на материале ток-шоу «60 минут») // В кн.: Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. – С. 28-36.

Глава 1. Коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе

1.1. Политическая коммуникация и политический дискурс

Само понятие «дискурс» восходит к латинским лексемам *discursus* (‘движение взад-вперед’, затем – ‘речь’, ‘разговор’, ‘рассуждение’) и *discurrere* (‘обсуждать’, ‘вести переговоры’), означающим различные формы устной коммуникации. Одним из первых исследователей, давших определение данному понятию, является З. Харрис. В своей статье «Дискурс-анализ» он описывает *дискурс* как «последовательность предложений, произнесенных или написанных одним человеком или несколькими людьми в определенной (единичной ситуации)» [Harris 1952: 3], указывая при этом на диалогическую природу исследуемого феномена. Под дискурсом в широком смысле понимается «систематизированный, внутренне согласованный корпус моделей; язык, используемый в данной социальной практике, рассматриваемой с определенной точки зрения» [Riggins 1997: 2].

Однако в современной науке дискурсом все чаще называют «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров 2000: 8]. Следовательно, при данном подходе в изучении дискурса делается акцент на «речевую ситуацию», социальные, психологические, идеологические факторы, определяющие особенности речевого поведения, выбор языковых средств и коммуникативных приемов, речевых стратегий и тактик, позволяющих оратору достичь своих коммуникативных целей. Из многочисленных определений дискурса, существующих в науке [В.Г. Борботько 1981, В.В. Красных 1999, К.Ф. Седов 1999, М.Л. Макаров 2003, Н.В. Петрова 2003, и др.], мы принимаем за основу определение Н.Д. Арутюновой, данное в Лингвистическом энциклопедическом словаре: дискурс – это «текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во

взаимодействии людей и механизмах их сознания, речь “погруженная в жизнь”» [ЛЭС 1990: 136-137]. Приведенное определение способствует пониманию политического дискурса как сферы общения и взаимодействия людей, направленной на формирование определенных социальных и политических убеждений и идеологий.

Политический дискурс считается объектом необычайно актуального и стремительно развивающегося направления лингвистики, в первую очередь, это обусловлено тем, что сами действия в политической сфере по своей природе стали преимущественно речевыми [Шейгал 2004: 17] и приобрели статус открытой и общедоступной информации. Под политическим дискурсом нередко понимается специфическая форма речевой деятельности, которая неразрывно связана с процессом обмена информацией в политической сфере. Он воплощается в совокупности текстов, сопровождающих политическую жизнь общества и обеспечивающих эффективное функционирование государственных и общественных институтов. Политический дискурс – это «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2001: 246]; «способ толкования социальной реальности в ключевых терминах политики» [Кузьмина 2011: 56]; «вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение и обоснование значимых для участвующих в нем действий, мнений, позиций и <…> культура критического обсуждения элитой вопросов, помогающих добиваться общественного согласия» [Наминова 2001].

В монографии «Семиотика политического дискурса» Е.И. Шейгал выдвигает тезис о том, что политический дискурс представляет собой знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное: «в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической» [Шейгал 2004: 9]. Первое толкование позволяет говорить об информативности исследуемого дискурса, второе – о его воздействующем характере. Следовательно, политический

дискурс создает особое информационное поле, в котором говорящий, сообщая новые сведения, оказывает воздействие на сознание аудитории с целью формирования единого общественного мнения. В этих условиях «политическое сообщение» приобретает статус ключевого аспекта политики, так как «подавляющую часть политически значимой информации мы <…> получаем именно благодаря распространяемым сообщениям, а отнюдь не из собственного опыта» [Грачев 2003: 36].

Стоит отметить, что политический дискурс играет значимую роль в конструировании мировосприятия современной аудитории: отражая многогранную систему социально-политических взаимоотношений, он транслирует определенные смыслы, которые ложатся в основу представлений адресата об окружающей действительности. При этом важно учитывать, что часто политические вопросы обсуждаются неявно, в неинституциональных условиях, людьми, оказывающими некоторое влияние на политический процесс. Итак, политический дискурс как «упорядоченное и систематизированное использование языка (и других семиотических систем), ориентированное на определенную общественную практику и обусловленное социальными, идеологическими и когнитивными факторами» [Детинко, Куликова 2017: 20], является важной частью общественных отношений из-за того, что, с одной стороны, формируется ими, а с другой – сам формирует эти отношения.

Под политической коммуникацией следует понимать «процесс общения между участниками политической деятельности» [Чудинов 2006: 26], «совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение» [Кузьмина 2011: 54]. Широкое понимание политической коммуникации позволяет включать в нее «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 1999: 35]. Более того, можно утверждать, что «политическая коммуникация является особым видом коммуникации, отражающим мир политики, имеющим свой особый язык – политический дискурс, который представляет этот мир» [Кузьмина 2011: 56]. В

качестве целей политической коммуникации традиционно называют формирование общественного мнения, пропаганду идей, стремление убедить или переубедить адресата коммуникативного процесса.

Стоит отметить, что в лингвистической науке отсутствует единое толкование феномена «политический язык». Например, А.Н. Баранов под политическим языком понимает особую знаковую систему, предназначенную «именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально–политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек является не объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия» [Баранов, Казакевич 1991: 6–7]. Так, политическая коммуникативная сфера обладает специфическим языковым аппаратом (политическим языком), «смысловыми связями между отдельными политическими концептами, базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления, построением суждений» [Кузьмина 2011: 55], обслуживающими нужды политических деятелей. Политическая коммуникация в этом случае ограничивается «смысловым аспектом взаимодействия политических акторов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление» [Грачев 2003: 36]. Аналогичный взгляд на определение лингвистического статуса политического языка представлен в трудах Е.И. Шейгал, полагающей, что политический дискурс – «это институциональное общение, использующее систему профессионально ориентированных знаков, происходящее в ситуативном контексте» [Шейгал 2004: 23].

Иную позицию занимает В.В. Петров, утверждающий, что «политические термины в основном являются полифункциональными» и что «они, радикально не меняя свой семантический статус, могут входить и в состав политических теорий, которые имеют более или менее упорядоченную логическую структуру, и в состав газетно-политических и других идеологических текстов, и в состав повседневной речи» [Петров 1983: 169]. В приведенном выше определении раскрыто широкое понимание политического дискурса, которое характеризуется включением в

исследуемое понятие любого фактического использования языка в социально-политической сфере, иными словами, политический дискурс – это «слово о политике, система суждений, наполненных политическим содержанием» [Хади 2019: 58]. В широком смысле политический дискурс включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из заданных составляющих, т.е. политическими должны быть субъект, адресат либо содержание сообщения [Колесникова 2011: 68].

В узком понимании политический дискурс – это дискурс политиков, состоящий из парламентских и правительственных дебатов, партийных программ и профессиональных политических выступлений; разновидность дискурса, «целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Колесникова 2011: 68]. Сторонник предложенной интерпретации, голландский лингвист Т.А. ван Дейк, отмечает, что дискурс является политическим лишь в том случае, когда он сопровождает политическое действие в соответствующей политической среде; то есть политический дискурс, по его мнению, формируется в рамках функционирования политических институтов (парламентских сессий, заседания правительства, партийные съезды) [Teun A. van Dijk 1998]. В то время как основной интерес лингвистов, изучающих политический дискурс, направлен на анализ «языка политиков» (представителей политических организаций, партий и государства), значительное внимание уделяется и «языку в политике». Это позволяет значительно расширить сферу анализа политического дискурса, включить в него репрезентации политических событий в СМИ, дискуссии представителей общественности по политическим вопросам. Информация, «выносимая массмедиа в публичное пространство, для подавляющей части общества становится основным контактом с политикой. Современные медиа и политическая сфера настолько переплелись, что разделить их не представляется возможным» [Сауляк., Эва да Силва 2011: 142]. Из этого следует, что процесс политической коммуникации может включать трех основных участников: политиков, выступающих в рамках различных политических мероприятий;

журналистов, сообщающих о решениях и действиях профессиональных политиков; общественность, различными способами реагирующую на политические события.

На основе существующих различий между «языком в политике» и «языком политиков» имеет смысл установить некоторые критерии, позволяющие определить дискурс как политический: прилагательное «политический» употребляется в значении ‘обращенный к проблемам политики и деятельности по ее проведению; основанный на интересах политики’ [МАС 1999], использование данного термина подразумевает наличие конкретных политических тем, обсуждаемых профессиональными (политиками, журналистами, общественными деятелями и т.д.) или случайными субъектами, а также формальные и неформальные контексты, в которых разворачивается политическое событие. Значение термина «дискурс» варьируется от сближения с понятием «речь» до общего описания тематических полей (например, гражданский, либеральный, консервативный, коммунистический и т.д.). Подобная универсальность дефиниции позволяет использовать данный термин в отношении любого значимого человеческого выражения и, как следствие, может быть предельно широким. Поскольку определение политического дискурса ограничивается актуальным использованием текста и речи, то в соответствии с данными критериями политический дискурс включает в себя все типы публичных, институциональных и частных разговоров о политических вопросах.

Таким образом, объект политического дискурса можно определить как устный или письменный текст, созданный в отношении конкретных политических вопросов профессиональными и непрофессиональными коммуникативными участниками, а также созданный институциональными акторами политического процесса даже при публичном обсуждении неполитических вопросов. Следствием вышеперечисленных тенденций, в частности, становится выделение лингвистами отдельного массмедийного (медийного) политического дискурса, в котором используются тексты, созданные журналистами и распространяемые с помощью прессы, телевидения, радио и Интернета.

1.2. Коммуникативно-прагматические особенности политического дискурса

Несмотря на значительную вариативность жанров, стилистических особенностей и риторических приемов, используемых в политической среде, исследователи работают над выявлением универсальных характеристик, объединяющих различные типы политических текстов. Учет специфики отдельных видов дискурса не мешает поиску дифференциальных признаков, типичных для данной сферы общения в целом. По мнению А.П. Чудинова, типовые свойства политической коммуникации представлены в виде противоречивых тенденций – «антиномий» [Чудинов 2009: 43]. Например, политик, должен выстраивать свою речь таким образом, чтобы она соответствовала его статусу, была понятной для аудитории, концентрировала в себе ее мысли и идеи, но при этом он также должен выражать и отстаивать собственную позицию, оказывать влияние на политические настроения в обществе.

К типовым свойствам политической коммуникации следует отнести следующие «антиномии» [Чудинов 2009].

1. Ритуальность и информативность. Первостепенной функцией политической публицистики можно назвать функцию сообщения: цель новостной программы или выпуска политического ток–шоу – информирование адресата–зрителя о происходящих за последнее время событиях. При этом, информируя общество о том или ином событии, автор должен не только сообщить о факте, но и выразить к нему свое отношение, поэтому многие тексты становятся потенциально конфликтными. Ритуальность высказываний предполагает наличие строгих правил, социальных предписаний, которые обязаны соблюдать все участники коммуникации. Однако сегодня заметна тенденция к уходу от ритуальности политической коммуникации. Особенно ярко данный процесс наблюдается в политической публицистике, в которой коммуниканты стремятся сделать свое выступление запоминающимся и потому отличающимся от принятых правил.

2. Институциональность и личностный характер. Данное свойство является закономерным следствием ритуальности политической коммуникации, поскольку институциональность текста, прежде всего, связана с выбором стиля речи, наиболее подходящего в условиях данной речевой деятельности. Политический дискурс имеет специфические особенности, которые проявляются, в частности, в авторской позиции политического текста. Политический язык традиционно делится на специальный язык политических ведомств (инструкций, переговоров, распоряжений, переписки и т.п.) и более доступный и общепонятный язык политической публичной речи.

Изначально политический дискурс предполагает жесткий, стилистически регламентированный вид коммуникации: институциональное общение происходит между представителями двух социальных институтов, поэтому строго фиксируется статус коммуникантов, который предопределяет соблюдение правил речевого поведения. Нас же интересует политическая речевая деятельность, направленная на массового адресата, поскольку в этих условиях речь политиков становится более естественной, приближенной к бытовой коммуникации, что делает допустимым совершение речевых преступлений.

3. Эзотеричность и общедоступность. Эффективность политического взаимодействия во многом определяется использованием символов, результат воздействия которых напрямую зависит от того, насколько они были близки и понятны аудитории, соответствовали ее представлениям и ожиданиям. Кажется, что политический текст должен быть максимально доступным для широких масс, однако рассматриваемая «антиномия» предполагает, что грамотно составленная политическая речь при всей ее общедоступности массовому адресату должна быть написана языком, понятным лишь «посвященной» аудитории, кругу «своих». В этих условиях следует говорить об эзотеричности политической коммуникации: под эзотеричностью мы вслед за А.П. Чудиновым понимаем доступность текста «только для специалистов, для людей, способных чувствовать в нем скрытый смысл, подтекст, для которых важно не только то, что сказал политик, но и то, как он это сказал и о чем он умолчал» [Чудинов 2007: 56].

Во многом эзотеричность политического текста обусловлена манипулятивным характером политического дискурса, а также стремлением говорящего избежать ответственности за сказанное. Использование смысловой двусмысленности, слов широкой семантики, прецедентных феноменов, выразительных средств языка, специальной терминологии и т.д. усложняет речь и делает такое выступление понятным меньшему количеству людей. Более того, в зависимости от политической позиции говорящего, от условий общения, аудитории и т.д. одно и то же явление может быть описано с помощью разных лексем. Например, об относительности обозначения стоит говорить, когда одна и та же платформа с позиций одного человека может быть названа реакционной, а с позиций другого – либеральной [Шейгал 2004: 50–52].

4. Редукционизм и полнота информации. Полнота информации предполагает предоставление адресату сведений, достаточных для погружения в проблематику рассматриваемого явления и принятия определенной политической позиции. Однако в условиях публичного общения, когда основным адресатом является аудитория, состоящая из людей далеких от политической науки, возникает необходимость о сложном говорить на понятном языке, сокращать и упрощать речь. Важно отметить, что в политическом дискурсе редукция выступает и как эффективное средство речевого манипулирования: через редуцированное объяснение автор может скрыть один из аспектов анализируемой ситуации, предоставить информацию не в полном виде, уменьшить значение каких–либо фактов. Редукционизм в политической коммуникации проявляется в категоричности высказываний, в отсутствии альтернатив. Для текста политического дискурса характерно использование однозначных характеристик, приема навешивания ярлыков, тактики «свои»–«чужие».

5. Стандартность и экспрессивность. Участники политического ток–шоу стремятся предстать перед аудиторией в наилучшем свете, выделиться на фоне своих оппонентов «как внешне, так и в речевом плане» [Борисенко, Мкртчян 2020: 85]. С этой целью многие политики прибегают к использованию в своих высказываниях различных языковых фигур и тропов. Основной принцип

построения таких текстов – смещение традиционного соотношения «стандарт – экспрессия» в сторону экспрессии. Главное в подобных материалах – «оценка, которая всегда оформляется как мнение частного лица, носит демонстративно–личностный характер» [Николаева 2011: 76].

Экспрессивность политической коммуникации сопряжена с активной метафоризацией речи, максимальным использованием фразеологизмов, различных аллюзий, окказионализмов, средств экспрессивного синтаксиса (риторических вопросов и восклицаний, парцелляции, синтаксического параллелизма и др.), стилистических фигур (антитезы, эллипсиса, сравнения и др.). Перечисленные средства выполняют развлекательную функцию: делают речь яркой, узнаваемой и интересной, но также являются маркерами манипулятивных речевых стратегий. Через использование языковых средств создания экспрессивности текста оратор способен реализовать следующие прагматические функции: функцию оценки, убеждения и акцентирования внимания. В последние годы стандартность менее свойственна массмедийным текстам политического дискурса, чем экспрессивность. Стандартность предполагает использование конкретной и общеупотребительной лексики, четко и однозначно сформулированных тезисов, метафор, утративших образность и превратившихся в речевые штампы, тем самым обеспечивает доступность высказываний для массового адресата: «при восприятии текста с высокой степенью стандартности людям не надо тратить много усилий» [Чудинов 2009: 49] для уяснения смысла.

6. Диалогичность и монологичность. «Диалогичность политической коммуникации означает, что текст <…> направлен на адресата, создается для него и на него же воздействует» [Чудинов 2009: 50]. Примечательно, что современный политический текст даже в монологических жанрах (единоличное выступление политика, программная речь, радио– или телеобращение, политическая статья и др.) воспринимается как непрекращающийся диалог с реципиентом, а потому можно сказать, что «политический текст категорически диалогичен» [Рассинская 2015: 412–413]. Одним из проявлений диалогичности в политическом дискурсе является прецедентность, то есть использование в нем цитат, аллюзий и

реминисценций, которые делают речь более интересной и наглядной, позволяют «вплести происходящие события в общеисторический контекст» [Чудинов 2009: 50]. Диалогичность также обладает манипулятивным потенциалом: например, в ситуациях, когда оратор предугадывает возможные вопросы или сомнения адресата и отвечает на них. Тем самым говорящий исключает возможность критического осмысления своего выступления.

7. Эксплицитная и имплицитная оценочность. Поскольку жанр ток–шоу относится к аналитическим жанрам, то он предполагает наличие анализа и выражения субъективных мнений, в этих условиях оценка предмета речи становится принципом создания текста. «Оценка – явление не инородное для диалога, репрезентированного массмедиа, поскольку его субъект призван самим обществом предъявлять социально–оценочный взгляд на те или иные факты. Однако все чаще эта оценка выставляется не на основе логически выверенного умозаключения, а на основе эмоции и неприятия того, что осуждено изначально, а потому нетерпимо» [Полонский 2010: 252].

Представляется необходимым разграничение лексики, обладающей положительной или отрицательной коннотацией и собственно оценочной лексики. В лингвистической литературе отсутствует унифицированное разграничение данных феноменов: согласно широкому подходу, представленному, в работах О.С. Ахмановой и В.К. Харченко, понятие коннотации аккумулирует в себе целый комплекс прагматических и семантических характеристик слова: оценочность, экспрессивность, эмоциональность и образность [СЛТ 1966, Харченко 1976]. При таком понимании оценочность выступает не самостоятельной категорией, а одним из составных компонентов коннотации, включенным в более общий оценочно-экспрессивный комплекс. Иного взгляда придерживается В.И. Телия, утверждая, что коннотация не сводится к простой аккумуляции оценочных, эмоциональных или образных признаков [Тетя 1986]. В интерпретации исследователя коннотация представляет собой, во-первых, инструмент репрезентации оценки, а во-вторых – результат оценочного восприятия действительности. Особый научный интерес в данном контексте приобретает феномен оценочности, актуализируемой

посредством «прагмалингвистического механизма инференции» [Радбиль 2023: 82]. В отличие от эксплицитной оценки, зафиксированной в семантике языковой единицы, реконструкция инференциальной оценки осуществляется по замыслу имплицитно: реципиент должен вывести оценочный смысл из содержания высказывания, дополнительно привлекая экстралингвистические знания, культурный контекст и совокупность пресуппозиций.

Таким образом, к жанрообразующему признаку современного политического дискурса стоит отнести безапелляционную оценку, описывающую рассматриваемые реалии либо с крайне положительной, либо с крайне отрицательной стороны. Данная тенденция обусловлена тем, что целью политической коммуникации в первую очередь является убеждение адресата и побуждение его к принятию определенных решений, а не объективное описание событий. Эксплицитная (открытая) оценочность ярко представлена в полемических жанрах политического дискурса (в частности, в жанре ток–шоу), в ситуациях, когда необходимо высказать противоположное мнение или дать оценку освещаемым событиям, обозначить свою позицию или сообщить определенные чувства и эмоции аудитории. Отображая актуальные проблемы современности, тексты политического дискурса имеют широкий спектр языковых средств, выражающих яркую экспрессивность и оценочность. К ним относятся языковые единицы с положительной или отрицательной коннотацией, сравнительные обороты, модальные слова и конструкции, вводные слова и словосочетания, выражающие отношение субъекта речи к высказыванию. Резко неодобрительная оценка используется в дискредитирующих тактиках, предполагающих отрицательную характеристику объекта, ослабление оппозиционных политических сил, положительная оценка – в тактиках похвалы, комплимента и стратегии самопрезентации.

В ряде случаев говорящий при описании событий стремится сохранить формальную объективность, но при этом обычно в его словах содержится неявное одобрение или неодобрение представителей, действий и мнений той или иной стороны конфликта. К имплицитным оценкам в политическом дискурсе можно

отнести метафорические и эвфемистические замены прямых наименований, иронию, использование косвенных речевых актов и двусмысленных высказываний, риторических вопросов, паремиологических единиц, аллюзий и намеков. Перечисленные средства позволяют направить интерпретацию адресата в желаемом для адресанта направлении и заставить согласиться с тезисами выступления без критического осмысления.

8. Агрессивность и толерантность. Существование данной «антиномии» обусловлено современными тенденциями в развитии политической коммуникации: зачастую участники исследуемого дискурса, политологи и общественные деятели, стремятся к максимальной степени самовыражения, преследуют идею «свободы слова», возможности высказаться и быть услышанным, но также важным остаются отстаивание собственных границ и защита от воздействия со стороны других субъектов коммуникативного процесса. Под речевой агрессией следует понимать «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [Апресян 2023: 33], в широком смысле суть речевой агрессии заключается в «нацеленности на ниспровержение оппонента, понижение его политического статуса» [Шейгал 1999: 205]. Говоря о формате политического ток–шоу, следует особо отметить агональную природу подобной коммуникации, в которой сам принцип подачи информации основан на противопоставлении позиций экспертов и их «агрессивном противоборстве в процессе дискуссии» [Громова 2019: 152]. В речевой ситуации, когда политические жанры сами создают условия активного столкновения полярных мнений и проявления речевой агрессии, стоит говорить об агональности как об одном из основополагающих свойств современного политического дискурса. При этом важно учитывать коммуникативное намерение участников политических дискуссий: ораторы высказывают свое мнение в резко отрицательной форме не только из-за стремления получить общественную реакцию, но и с целью привлечения внимания аудитории, что обусловлено ориентированностью телевизионного жанра на массового зрителя. Главной целью в этом случае становится не аргументированное представление собственных взглядов и

убеждений, а дискредитация позиции оппонента, его унижение в глазах общественности, т.е. интенцией становится «прямая ориентация на объект воздействия» [Громова 2019: 152]. Еще одним фактором, влекущим за собой проявление речевой агрессии, оказывается спонтанная и полуспонтанная речь, характерная для устных политических жанров: участники политических ток–шоу лишены возможности изменить уже произнесенное высказывание, заменить его эвфемистическим выражением.

В качестве важнейшей функции вербальной политической агрессии, определяющей саму суть данного феномена, называют «ее использование в качестве орудия политической борьбы. Из этой общей функции вытекают такие частные разновидности, как обвинение, дискредитация, унижение, деморализация политического оппонента» [Шейгал 2004: 306]. Агрессивность в речи реализуется широким спектром языковых средств: использованием эмоционально окрашенной лексики (с преимущественно негативной коннотацией), сниженной лексики и бранных инвектив, показателей умаления значимости (например, местоимений *всякий, какой–то, эта/этот/эти*), маркеров недоверия к заявлениям или действиям оппозиции (слова *якобы, так называемый, хваленый, скандально известный* и т.д.), приемов иронии и сарказма.

Агрессивные высказывания, произнесенные в процессе массовой коммуникации, влекут за собой многочисленные речевые конфликты и их последствия требуют защиты чести, достоинства, деловой репутации, выявления и наказания за экстремистскую деятельность. На основе содержательного критерия речевая агрессия делится лингвистами на девиантную и делинквентную. Первый тип хотя и предполагает нарушение коммуникативных и этических норм в процессе общения, но не выходит за границы правовой дозволенности. Подобный вид речевой агрессии можно рассматривать как «отклоняющееся общение», которое не несет за собой обязательных юридических последствий [Громова 2019: 152–153]. Делинквентная речевая агрессия связана с речевыми преступлениями, поскольку нарушает права индивида, направлена на причинение вреда объекту описания. Подобные явления стоит рассматривать с позиций судебной

лингвистической экспертизы, поскольку «при таких формах речевого поведения и коммуникативного взаимодействия всегда права личности адресата будут ущемлены и даже узурпированы автором высказывания» [Шарифуллин 2004: 121]. Также в рамках данной категории в ситуации, когда текст направлен против группы лиц или против отдельной личности как представителя некой группы, надлежит использовать термин «язык вражды» как проявление «любого публичного «языкового» действа, прямо или косвенно способствующего возбуждению национальной, религиозной, социальной и иной вражды» [Соколова 2010: 277]; «вербальный экстремизм, являющийся крайней формой <…> речевой агрессии с точки зрения возможных последствий такого правонарушения» [Громова 2019: 153]. Речевая агрессия как свойство политической коммуникации представляет особый интерес для данного исследования, поскольку сопряжена с понятиями оскорбления и унижения.

Таким образом, изначально политический дискурс предполагает жесткий, стилистически регламентированный вид коммуникации: институциональное общение происходит между представителями определенных социальных институтов, поэтому строго фиксируется статус коммуникантов, который предопределяет соблюдение правил речевого поведения. Однако поскольку политическое ток–шоу относится к аналитическим жанрам, то оно предполагает выражение субъективных мнений – в этих условиях оценка предмета речи становится принципом создания текста. Существование данной «антиномии» обусловлено современными тенденциями в развитии политической коммуникации: зачастую участники исследуемого дискурса, политологи и общественные деятели стремятся к максимальной степени самовыражения, преследуют идею свободы слова, возможности высказаться и быть услышанным, но также важным остаются отстаивание собственных границ и защита от воздействия со стороны других субъектов коммуникативного процесса.

1.3. Речевое воздействие и речевая манипуляция. Политическая метафора

Не вызывает сомнений, что политический дискурс относится к области коммуникации, тесно связанной с манипуляцией, и потому выявление его особенностей, прежде всего связано с анализом языка как средства речевого воздействия. Под речевым воздействием следует понимать «любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности» (в широком смысле) и «рассчитанный эффект, коммуникативное намерение пишущего убедить читателя в чем–либо» (в узком смысле) [Федорова 1991: 46]. Исследователи отмечают, что «глубинные неречевые задачи находят себе применение в речевом воздействии, осуществляемом посредством реконструкции модели мира реципиента» [Баранов 1990: 11], т.е. в политическом дискурсе оратор существенно влияет на смысл сообщаемых сведений, конструирует контекст, обслуживая те или иные группы интересов. Стремление к эффективному речевому воздействию может приобретать разные формы: от более агрессивной по отношению к адресату (манипуляция) [Доценко 1997; Шейгал 1999; Купина 2020] к менее агрессивной и ненасильственной.

В способности индивида интерпретировать действительность, то есть передавать одно и то же значение или сообщение с помощью нескольких различных выражений [Blakar 1979: 93] заложена способность к манипулятивному построению диалога. Так, правильно подобранный набор вербальных и невербальных средств обеспечивает эффективность общения. Воздействие в широком понимании «связано с перестройкой индивидуального сознания, смысловой сферы личности, или, иными словами, с перестройкой картины мира субъекта в процессе речевого общения» [Космодемьянская 2016: 102]. Кроме того, под речевым воздействием понимается «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [Стернин 2001: 51]. В любом акте общения собеседники преследуют неречевые цели, регулирующие поведение сторон во время коммуникации [Blakar 1979]. Феномен речевого воздействия

связан с целевой установкой говорящего: при помощи определенных средств направить оппонента в нужном направлении, заставить его поменять взгляды на определенную ситуацию, побудить к конкретному действию и т.д. Исследователи политического дискурса также рассматривают понятие речевого воздействия в рамках концепции «мягкой силы» [Юдина, Селиверстова 2017: 362].

Выделяют два основных аспекта речевого воздействия: вербальный и невербальный. Если вербальное речевое воздействие – это коммуникативное воздействие, осуществляемое при помощи средств языка, то невербальное – при помощи несловесных средств, которые сопровождают коммуникацию (жесты, мимика, речевое поведение, облик говорящего и т.д.). В процессе вербального речевого воздействия для «максимально успешного результата используются средства разных уровней языка (лексического, грамматического, стилистического), которые являются основой для манипуляции вниманием и для апеллирования различными смыслами» [Бинштейн, Самыличева 2024: 80]. Например, языковые единицы с положительной или отрицательной коннотацией позволяют актору создать в сознании аудитории соответствующий образ, а употребление местоимений нередко используется как средство формирования групповой идентичности.

Значимыми для вербального речевого воздействия оказываются «выбор языковых средств для выражения мысли, само содержание речи – ее смысл, приводимая аргументация, расположение элементов текста относительно друг друга, использование приемов речевого воздействия и др. В результате вербального воздействия возникает также подтекст – скрытый смысл сообщения, косвенно передаваемый текстом» [Стернин 2001: 77]. В потоке общения речевое воздействие осуществляется с помощью коммуникативных стратегий и тактик.

Распространенными средствами реализации стратегий при вербальном воздействии являются риторические фигуры и тропы: метафоры, метонимии, сравнения, каламбуры, рифмы и т.д. Эффективно реализуются в воздействующей речи средства диалогизации и интимизации изложения, поскольку они позволяют установить контакт с адресатом: формы обращения по имени, использование

личных местоимений. Все вышеперечисленное привлекает внимание адресата, дает почву для создания запоминающегося образа и поэтому, конечно, участвует в регулировании коммуникативного поведения и понимания сообщения адресатом.

Невербальное речевое воздействие – «это воздействие, осуществляемое сопровождающими речь несловесными сигналами» [Стернин 2001: 77]. Невербальное воздействие может быть не только речевым, но и зрительным, физическим и т.д. Невербальные факторы сопровождают речь, дополняют и корректируют ее, иногда несут новую информацию.

Общение в условиях речевого воздействия может быть названо эффективным, если позволяет говорящему достичь своих целей в акте речевой коммуникации. О.С. Иссерс под термином «речевая манипуляция» понимает стратегический процесс, основой для которого является выбор оптимальных языковых ресурсов. В этих условиях передача информации в процессе коммуникации может быть рассмотрена как «серия решений говорящего» [Иссерс 2008: 10]. Речевое воздействие, оказываемое говорящим на адресата, также осуществляется различными способами: некоторые действия происходят неосознанно, автоматически, но в отдельных ситуациях наблюдается осознанный поиск средств и методов внушения и возбуждения.

При бессознательном проявлении речевого воздействия оратор намеренно не ставит перед собой цели повлиять на решения адресата, т.е. в его речи не реализуются коммуникативные стратегии и тактики, методы речевого манипулирования. Влияние говорящего на аудиторию в таких случаях обусловлено ораторскими способностями говорящего, его авторитетом и аргументированностью высказываний.

Однако все чаще в современном коммуникативном пространстве заметна тенденция к осознанному речевому воздействию со стороны адресанта. Исходя из желаний добиться максимально выгодного результата в процессе общения определяются план и стратегии говорящего, а сам акт речевой коммуникации направляется на достижение конкретных целей. Таким образом, перед говорящим встает задача определить свой потенциальный репертуар тактик и стратегий для

успешного проведения коммуникации в рамках обозначенной сферы. Продуктивность их решения является одним из важнейших критериев, по которому акторы осуществляют выбор языковых средств. «Эффективность речевой коммуникации в полной мере проявляется в политическом дискурсе, в котором свойства и особенности языка открывают широкие возможности для воздействия» [Акопова 2013: 403].

Вопрос осознанности речевых действий часто затрагивается исследователями. Различают намеренное (интенциональное) и побочное (неинтенциональное) воздействие. Намеренное речевое воздействие, по мнению лингвистов, может осуществляться с помощь авторитета говорящего; средств манипуляции; аргументации; силы [Карасик 1999: 47–85]. О.С. Иссерс в своих научных трудах говорит о возможности применения всех четырех речевых способов и в «неинтенциональном речевом воздействии», когда говорящий «не осознает цели речевых действий и способов ее достижения, но имеет мотив либо установку» [Иссерс 2008: 103]. Под речевым понимается «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности, планируемой эффективности» [Иссерс 2008: 20].

По определению Л.Л. Федоровой: «Речевое воздействие – однонаправленное речевое действие, содержанием которого является социальное воздействие на говорящего в процессе общения» [Федорова 1991: 100]. В такой коммуникации партнер рассматривается как объект, воспринимающий действие со стороны говорящего. В работах Г.Г. Почепцова, занимающегося изучением теории коммуникации, раскрывается иной подход к классификации речевого воздействия (экстралингвистический). Исследователь обозначает следующие реакции со стороны адресата: 1) изменение отношения, коннотативного значения, к рассматриваемому вопросу (наблюдаем в призывах, лозунгах, рекламе); 2) формирование общего эмоционального настроя (характерно для политического дискурса); 3) перестройка структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий [Почепцов 1987: 131]. По способу воздействия говорящего на другого человека различают основные виды речевого воздействия: доказывание,

убеждение, уговаривание, клянченье, внушение, приказ, просьба, принуждение [Радбиль 2006: 23].

Поскольку современная речевая коммуникация отличается ярко выраженным агональным характером, то различают агрессивное и неагрессивное речевое воздействие. Неагрессивный тип вербального воздействия отличается от агрессивного тем, что связан с открытыми высказываниями, лишенными «дискриминирующих или подавляющих волю адресата характеристик» [Диманте 2011: 73]. Неагрессивное воздействие осуществляется через использование косвенных высказываний. Например, успешным средством ведения речевой стратегии является непрямая коммуникация. Это вновь обусловлено тем, что любая реалия действительности может быть описана несколькими способами, которые зачастую создают ситуацию двоякого понимания. Подобный результат достигается при помощи формул вежливости, просьб, косвенных речевых актов, обладающих силой вопроса, а также при применении различных фигур речи (гипербола, ирония, метафора, эвфемизм и т.д.).

Таким образом, ученые считают, что «язык – это средство скрывать мысли, а не только выражать их: язык в его знаковой функции может быть злоупотреблен для искажения действительности и стать средством сокрытия истины» [Чернявская 2012: 9]. При интерпретации информации, полученной адресатом, происходит декодирование дополнительных латентных смыслов, а эксплицитные и имплицитные компоненты являются предпосылкой и источником неоднозначной вариативной интерпретации.

Зачастую исследователи полагают, что в коммуникативном акте речевого воздействия четко разграничиваются роли активного выступающего и пассивного партнера по речевому общению, воспринимающего воздействие со стороны говорящего. Однако важной оказывается мысль о близости речевого воздействия и речевого взаимодействия: основные положения данной концепции строятся на идее отражения реальной картины мира через призму понятий, символов, прошедших через сознание человека, и обмен которыми идентифицирует представления об окружающей действительности. «Описание той или иной

ситуации включает выбор символов, и этот выбор не нейтрален. Процесс общения посредством обмена символов включает идентификацию говорящего и аудитории; основные ценности и идеи говорящего соотносятся с идеями и установками аудитории, одни модифицируют другие» [Полякова 2010: 120]. Следовательно, в процесс речевого общения включается фактор аудитории, ценности и идеи говорящего, которые постоянно соотносятся и видоизменяются в соответствии с мироощущением слушателей [Иссерс 2008: 24]. В речевой коммуникации наблюдается речевое взаимодействие двух коммуникативных сторон, даже в акте целенаправленного речевого воздействия, поскольку «при обмене символами происходит коррекция модели мира» [Полякова 2010: 120] обоих участников общения. Аналогичную идею высказывает Ч. Ларсен: «убеждение – это совместная идентификация, которая происходит при использовании символов говорящим, причем в процессе участвуют оба – говорящий и слушающий» [Larson 1995: 146].

Таким образом, речевое воздействие на личность в конкретной коммуникативной ситуации состоит в умении правильно сочетать различные вербальные и невербальные средства для максимального достижения своих целей в условиях общения. Учение о речевом воздействии связано с выбором подходящего способа оказания влияния на кого–либо посредством речи, с умением правильно сочетать различные приемы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения. Задача речевого воздействия заключается в целенаправленном изменении поведения или позиции противоположной стороны (собеседника или группы лиц), стремлении скорректировать отношение адресата в необходимом говорящему направлении.

Значимым в изучении особенностей характера речевого воздействия является вопрос разграничения речевого воздействия и манипулирования. Задача речевого воздействия заключается в том, чтобы при помощи вербальных и невербальных средств убедить коммуникативного оппонента сознательно отказаться от своей позиции и принять иную точку зрения, побудить его к какому–либо действию и т.д. По другому пути идет речевое манипулирование – форма воздействия на человека с целью изменить его мнение или поведение «неосознанно или вопреки его

собственному мнению намерению» [Стернин 2001: 67]. Однако также не стоит противопоставлять речевое воздействие манипуляции. Эти явления стоят рядом и часто проявляются в комплексе коммуникативных стратегий и тактик. Встречаются ситуации, когда в общении единственным удачным средством влияния остается только речевая манипуляция. Некоторые исследователи полагают, что «манипулятивное воздействие как тип речевого воздействия не является <…> морально осуждаемым способом» [Стернин 2001: 67] ведения диалога.

Под манипуляцией понимают вид психологического воздействия, «искусство управлять поведением человека с помощью целеустремленного воздействия на общественную психологию, на сознание и инстинкты человека» [Желтухина 2003: 75]. Сегодня психологические механизмы воздействия особенно ярко представлены в коммерческой рекламе и политической коммуникации. Существует целый ряд факторов, влияющих на восприятие и усваивание предлагаемой информации. Играет роль гендерная принадлежность говорящего, тембр голоса, темп речи, внешний вид, возрастной и социальный статус человека, есть исследования даже о запахах–манипуляторах.

В широком смысле манипуляция – «это вид психологического воздействия для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Доценко 1997, Чернявская 2012]; «языковая манипуляция представляет собой особую организацию текста, предполагающую избирательную технику построения речи при искусном использовании ресурсов языка, что в целом подводит адресата к принятию решения, нужного манипулятору» [Диманте 2011: 74]; речевую манипуляцию понимают как «вид речевого воздействия, который осуществляется путем использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата в интересах манипулятора» [Сковородников, Копнина 2012: 36].

Дефиниции манипуляции отражают главные признаки, на которые исследователи обращают внимание при анализе данного вида речевого

воздействия: 1) манипуляция – это вид психологического воздействия; 2) манипуляция – это скрытое воздействие, т.е. конечная цель манипулятора и факт самого воздействия должны быть не замечены объектом манипуляции; 3) манипуляция – это воздействие, требующее от говорящего степени определенной подготовленности и профессионализма; 4) адресат в подобной коммуникации максимально обезличивается, к нему относятся как к объекту манипуляции, а не как к личности – отсюда следует проблема этической допустимости использования манипуляции в речевой коммуникации [Копнина 2008: 9–17]. Манипуляцию используют как средство речевого воздействия, направленного на скрытое побуждение к совершению определенных действий. Это процесс внедрения в сознание установок, удобных для адресанта, но не всегда совпадающих с интересами адресата. Цель речевой манипуляции – заставить согласиться с предлагаемой информацией без учета всех аргументов. Важно подчеркнуть, что речевую манипуляцию все же не нужно отождествлять с понятием лжи, которое полностью искажает действительность. Для манипулятивного характера речи свойственна такая манера изложения, при которой у адресата создается ложное представление о самостоятельности принятых решений.

Примечательно, что в политическом дискурсе все коммуникативные стратегии и тактики «в той или иной степени содержат и провокационную, и манипулятивную составляющие, все направлены на то, чтобы сформировать или изменить картину мира адресата, транслировать ему авторскую точку зрения на лицо, событие или явления, <…> то есть являются одним из способов программирования» [Руженцева 2004: 14]. Иногда из речевого манипулятивного воздействия выводят его разновидность – суггестивное воздействие, которое отличается активным использованием средств выразительности, но при этом сама речь оказывается простой и доступной. Цель суггестивного воздействия – повлиять на сознание слушателя, на его чувства и эмоции, частично или полностью исключить рациональный и критический фактор восприятия.

Одним из наиболее распространенных средств выразительности, используемых при речевом воздействии в политическом дискурсе, является метафора (от греч. metaphora – перенос) – «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» [СЛТ 1966: 224]. В политическом дискурсе метафоры используются не только для обозначения «конкретных целевых концепций; они всегда имеют прагматическую “добавленную стоимость”, например, для выражения оценки темы, для создания эмоционального и убедительного призыва» и т.д. [Musolff 2016: 4]. Важной особенностью политических метафор является тот факт, «что они могут содержать как отрицательную, так и положительную оценку. Повышенная метафоричность является одним из важнейших признаков современной политической речи, что отмечается многими исследователями (Н.Д. Арутюновой, А.Н. Барановым, Ю.Н. Карауловым и др.)» [Бинштейн 2021]. Метафора, связанная с эмоциями, «представляет собой фундаментальную аргументационную особенность и важнейший инструмент для решения проблемы убеждения в политическом тексте, способствуя выявлению как идеологического корня, так и стратегии убеждения данного дискурса в долгосрочной перспективе» [Ferrari 2017: 603].

Функции политической метафоры разделяют на *когнитивную*, связанную со способом мышления, средствами постижения, представления и оценки отдельного фрагмента реальности, и *коммуникативную*, выступающую как средство передачи информации в более удобной для адресата форме. К разновидностям когнитивной метафоры относят *номинативно–оценочную* (говорящий систематизирует конкретное явление, подводит его под категорию, что позволяет выразить свое отношение к нему), *моделирующую* (создание модели политической реальности через систему концептов и архетипов, часто связанных абсолютно иной понятийной сферой), *гипотетическую* (описание событий и явлений, которые ещё не произошли, и поэтому не могут быть объективно осознаны), а к коммуникативной – *эмотивную* (перенос эмоционального отношения адресата к понятию–источнику на объект, который вводится через метафору) и *эстетическую* (цель – привлечение внимание аудитории) [Бинштейн 2020].

Использование метафор оказывается особенно эффективным при манипулировании мнениями и убеждениями аудитории. В политической коммуникации метафоры «связывают различные области человеческой деятельности, позволяют политикам формировать наше понимание политических проблем, устраняя альтернативные точки зрения» [Sowińska 2013: 797]. Поэтическая метафора, создающая в воображении красочный образ, может вызывать эмоциональные реакции, усиливать восприятие определенных идей и концепций, а также подчеркивать значимость обсуждаемых событий. При этом чем парадоксальнее метафора, тем она лучше воздействует на воображение слушателя и лучше запоминается. В политической коммуникации «метафора выполняет задачу косвенного речевого манипулирования на аудиторию, расширения границ интерпретации» [Бинштейн, Самыличева 2021], обозначенной в выступлении ситуации. «Будучи одним из самых эффективных средств воздействия на интеллект и эмоции адресата, метафоры (как и иные изобразительно–выразительные средства в политическом тексте) имеют ценность не сами по себе, как средство оживления материала, а прежде всего с точки зрения оценочного эффекта, который они производят» [Скрипаль 2011: 36–38].

Часто в языке участников политического дискурса возникают индивидуально–авторские метафорические словосочетания. В современной когнитивной лингвистике метафору рассматривают «как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира» [Чудинов 2013: 10]. Человек «не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором живет. При этом выбор метафор в политической речи часто является осознанным, поскольку обусловливает, какие аспекты или концепции будут подчеркнуты, а также позволяет ораторам раскрыть свои ценностные суждения и идеологические позиции» [Бинштейн 2021].

Таким образом, можно утверждать, что в политическом дискурсе говорящий существенно влияет на смысл передаваемой информации, формирует контекст и преследует определенные интересы. В этих условиях речевая манипуляция

выступает как технология латентного управления, при которой специфические ресурсы языка используются для коррекции ментальных установок и побуждений реципиента, оставаясь для него неочевидными.

1.4. Коммуникативные стратегии и речевые тактики в политическом дискурсе в теории речевого воздействия

С когнитивной точки зрения, мышление и язык склонны к стандартизации различных ситуаций. Тенденция к экономии языковых усилий порождает «ритуализацию» мышления человека и его языкового поведения, что ведет за собой создание ряда стереотипов, в которых отображается предшествующий опыт людей – «это означает, что ритуализация речевого поведения позволяет прогнозировать возможные речевые действия участников коммуникации и – соответственно – реализовать стратегический подход в стандартных речевых ситуациях» [Иссерс 2008: 18–19].

Специфика анализа политического дискурса связана с особенностями отношений между дискурсом и политическим контекстом. Политическая коммуникация нацелена в первую очередь не на «отражение действительности, а на ее моделирование за счет отбора информации и способов подачи материала» [Скрипаль 2011: 36–38], иными словами, «в политической речи выбор слова часто диктуется требованием формирования общественного мнения по определенному вопросу» [там же]. Например, если в дискурсе художественного текста метафоры используется с целью формирования образного представления о мире или выражения индивидуально–авторского восприятия, то в политическом дискурсе метафоры могут функционировать в контексте как средство формирования негативного образа. Языковые единицы могут быть выбраны «не только из-за официальных критерий приличия, но и потому, что они эффективно подчеркивают или приуменьшают политические взгляды и мнения. То же самое может быть верно для выбора темы, для использования риторических фигур, для прагматического управления речевыми актами и т.д.» [Бинштейн, Самыличева 2024: 83] Другими

словами, структуры политического дискурса редко бывают исключительными, но «типичный и эффективный дискурс в политическом контексте вполне может иметь предпочитаемые структуры и стратегии, которые функциональны для адекватного осуществления политических действий в политическом контексте» [Teun A. van Dijk 1998: 12].

Опытный политик для решения своих задач использует целый набор коммуникативных приемов. С целью убеждения, призыва к совершению или несовершению определенных действий оратор сознательно продуцирует высказывания, которые направлены на то, чтобы вызвать конкретную реакцию у реципиента. Использование той или иной стратегии зависит «от иллокутивного намерения говорящего: выбор стратегии на повышение или понижение обусловлен стремлением максимально увеличить значимость собственного статуса или максимально уменьшить статус политического противника» [Михалева 2009: 72].

Важно подчеркнуть, что в данном исследовании понятия «речевая стратегия», «коммуникативная стратегия», а также «речевая тактика», «коммуникативная тактика» рассматриваются вслед за А. П. Сковородниковым как равнозначные [Сковородников, Королькова 2015: 162]. Данную точку зрения разделяет и Е.Н. Румянцева, которая отмечает, что при описании стратегий термины «речевая стратегия» и «коммуникативная стратегия» оказываются дублетными синонимами и могут заменять друг друга [Румянцева 2004: 90], аналогично, описываемые тактики могут обозначаться как «речевыми», так и «коммуникативными».

В политической лингвистике отсутствует однозначное определение тактик и стратегий, которого бы придерживались все лингвисты. О.С. Иссерс под коммуникативной стратегией предлагает понимать программу идей и некий коммуникативный план по наиболее эффективному воплощению речевого желания, которые также определяют 1) выбор основного материала: темы и содержания сообщения; 2) реакцию аудитории от полученной информации; 3) использование языковых средств воздействия и реализации целей высказывания [Иссерс 2008]. По мнению лингвиста, коммуникативная стратегия – это

«совокупность мер по реализации речевых намерений говорящего, при разработке которых учитываются условия процесса общения» [Бинштейн, Самыличева 2024: 83]. Стратегией называется «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [Иссерс 2008: 100]. С точки зрения когнитивной лингвистки, «стратегия – это план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для «обработки» партнера. Это своего рода «насилие» над адресатом, направленное на изменение его модели мира, на трансформацию его концептуального сознания» [Иссерс 2008: 103]; «общая линия речевого поведения, определяемые коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации, под которой понимается совокупность факторов, влияющих на ход коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные и гендерные характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы)» [Сковородников, Королькова 2015: 162]. Е. В. Клюев под стратегией понимает «…совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев 1998: 11]. О.П. Малышева добавляет, что интерпретации понятия «стратегия» варьируются в зависимости от применяемого подхода: текстологического, психологического, риторического, когнитивного, прагмалингвистического [Малышева 2009: 206]. В зависимости от этого стратегия может пониматься «как система выстроенных по принципу иерархии компонентов» [Аникин 2008: 9], «общий план, или “вектор”, речевого поведения выражающийся в выборе системы продуманных <…> поэтапных речевых действий» [Сковородников 2004: 6], «некоторая инвариантная схема, состоящая из одного или нескольких действий, направленных на преодоление некоторой проблемной ситуации» [Шейгал, Иванова 2004: 31]. Некоторые исследователи выделяют речевую стратегию как «конкретный речевой аспект построения сообщения; комплекс речевых действий, направленных на достижение

коммуникативных целей, <…> как целостную систему операций <…> по выбору и реализации оптимального осуществления коммуникативных целей в конкретной ситуации общения» [Чернявская 2012: 44]. Речевая стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего. Например, стратегия вежливости обязывает не выходить за рамки ограничений в процессе коммуникации: использовать уместные для ситуации речевые акты, стилистическое оформление, смысловое содержание, кроме того, обращение к формулам речевого этикета способствуют взаимопониманию акторов в ходе общения [Ефремов 2009: 53]. Характерной чертой речевых стратегий является гибкость, которая отличается от правил обычного общения, требующих безоговорочного выполнения и действующих одинаково на всех этапах коммуникации. Гибкость определяется возможностями реализации стратегий через различные речевые тактики, а также использованием языковых ресурсов и приемов речевого воздействия.

В сравнении со стратегией тактика – это «более узкое понятие. Коммуникативные тактики представляют собой определенный набор приемов использования тех или иных языковых средств. Тактика, как правило, проявляется на определенном коммуникативном этапе в осуществлении стратегии и направлена на реализацию наиболее важной коммуникативной задачи данного этапа» [Бинштейн, Самыличева 2023]. Под речевой (коммуникативной) тактикой будем понимать вслед за А.П. Сковородниковым «конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии; речевое действие (речевой акт или совокупность нескольких речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа» [Сковородников 2004: 6]. Использование речевой тактики или некоторой их совокупной последовательности призвано «обеспечить осуществление речевой стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего/пишущего» [Сковородников 2012: 246—247].

Соответственно коммуникативный прием – это «конкретный, достаточно обособленный способ воздействия на адресата, предполагающий использование

отдельных лингвистических или экстралингвистических средств» [Казаков 2013: 88]. Так, И.О. Окунева делит приемы речевого воздействия на прямо апеллирующие к фоновым знаниям носителя языка с целью создания новых ассоциативных связей на основе уже существующих и способы подачи информации, предназначенные для усиления или ослабления ее воздействия на аудиторию [Окунева 2011: 104]. Исследователи, изучающие особенности речевого воздействия в политическом дискурсе, отдельно выделяют приемы, выступающие «в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [Иссерс 2008: 118]. Примерами данных «коммуникативных ходов» являются следующие приемы: апелляция к чувствам – представление о значимых для конкретного диалога чувствах говорящих друг к другу; апелляция к качествам партнера – выделение качеств слушающего, которые помогают говорящему в реализации речевой стратегии; апелляция к разуму – указание на разумность, осведомленность адресата или, наоборот, его недальновидность; апелляция к авторитету – говорящий в своей аргументации ссылается на авторитетный для слушающего источник и т.д.

На основании вышеизложенного «целенаправленный набор стратегий, а также тактик и приемов, направленных на их реализацию, можно обозначить в качестве стратегического планирования речи» [Киданова 2015: 15]. Прагматический аспект речевого планирования тесно связан с коммуникативной ситуацией в целом, которая не является подготовленным и разыгранным по ролям сценарием: участники речевого общения, исполняя определенные функции и роли, могут иметь особые правила и стратегии, контролирующие взаимодействие в поставленных условиях. Кроме того, на ситуацию влияют различия в обстановке и местонахождении, восприимчивость аудитории, непредвиденные события и т.д. Стратегический характер коммуникации обусловлен тем, что в процессе общения происходит постоянная адаптация к меняющимся условиям. Не стоит забывать, что разработка тактик ведения речевого поведения – это «часть интерактивного процесса, в котором слушающий не пассивно воспринимает сообщение говорящего, а активно интерпретирует его речевые действия, реализуя собственную стратегическую линию» [Иссерс 2008: 96]. Возможные действия,

цели и высказывания ограничены параметрами ситуации, поэтому, чтобы оценить эффективность речевой стратегии, необходимо связать ее прагматическую функцию с общими интерактивными ограничениями, обусловленными социальной ситуацией. При анализе особенностей политического дискурса помогают знания о коммуникативной ситуации (уместность определенного речевого акта); знания о соответствующем речевом акте (ритуальный, стереотипный, не имеющий прецедента в индивидуальном опыте); знания о собеседнике (как личности, как партнере) [Иссерс 2008: 95].

Существуют разные подходы к классификации триады «коммуникативные стратегии – тактики – приемы», позволяющие всесторонне рассмотреть методы, используемые политиками с целью грамотного построения своей речи и максимального достижения успеха.

На базе анализа речевого взаимодействия как способа управления и контроля сознания адресата, выделяют основные (когнитивные) и вспомогательные (прагматические, диалоговые, риторические) стратегии, подробнее останавливаясь на способах их осуществления. На основании различных коммуникативных задач, определяющих особенность выстраивания высказываний, «семантический тип иллюстрируют стратегия подчинения (тактики уговоров) и стратегия дискредитации (тактика оскорбления и насмешки). Прагматический тип рассматривается на примере эмоционально настраивающей тактики комплимента и стратегии самопрезентации. Диалоговые (конверсационные) стратегии представлены стратегией контроля над инициативой и имитацией интерактивного общения» [Иссерс 2008: 140].

На основании функционального подхода О.И. Иссерс выделяет основные и вспомогательные стратегии. Аналогично к описанию тактик и стратегий подходит В.О. Мулькеева, которая определяет речевые стратегии как поле, в котором «в качестве ядра выступают закрепленные тактики, реализующие ту или иную стратегию в любом контексте. На граничащем с ядром участке располагаются тактики, реализующие определенную стратегию в типичных ситуациях. На

периферии поля находятся те тактики, которые передают значение стратегии лишь в определенном контексте» [Мулькеева 2005: 6].

В данном случае за основание классификации берется тип адресата, на которого направлена стратегия. К стратегиям, задачей которых становится причинение вреда «позитивному лицу адресата», В.О. Мулькеева относит инвективную стратегию, нацеленную на оказание «деструктивного воздействия на личность адресата» [Мулькеева 2005: 8] (тактики оскорбления, осмеяния, унижения), и стратегию дискредитации, связанную со снижением положительного образа и авторитета коммуникативного оппонента, подрывом доверия к нему через введение негативной оценки его действий и качеств. Также исследователем выделяется стратегия «вербального насилия», соотносимая с причинением ущерба «негативному лицу адресата», т.е. заключающаяся в намеренном принуждении адресата совершить против собственной воли необходимые для говорящего действия. Особенностью подобной тактики является агрессивное давление, которое используется при тактиках угрозы, запрета и приказа [Мулькеева 2005: 6–10].

При изучении специфики манипулятивного воздействия в политическом дискурсе выделяются три основные стратегии: 1) стратегия на понижение; 2) стратегия на повышение; 3) стратегия театральности [Михалева 2009].

Стратегия на понижение, которую выводит О.Л. Михалева, соотносится со стратегией дискредитации, описываемой О.И. Иссерс. В рамках стратегии дискредитации («игры на понижение») О.И. Иссерс выделяет тактики оскорбления, издевки и обвинения. О.Л. Михалева продолжает этот ряд, включая в него следующие тактики: анализ – «минус», обличение, безличное обвинение, угрозу. К стратегии на понижение О.Л. Михалева относит стремление ослабить позиции политического противника или выразить негативное отношение как к предмету дискуссии, так и к адресату.

Тактика анализ – «минус». При реализации данной тактики «описываемая ситуация в словах говорящего предстает в негативном ключе, но сам оратор напрямую не высказывает своего отношения к ней. Важную роль здесь играют

лексические средства, позволяющие латентно выразить позицию выступающего» [Бинштейн, Самыличева 2023]. В тактике применяются следующие приемы: отстраненные данные, безличные предложения, создающие видимость независимого и непредвзятого анализа, метафоры, повтор, синтаксический параллелизм.

Повторяющийся элемент в речи «выполняет функцию убеждающего воздействия (суггестивную функцию), поскольку позволяет говорящему подчеркнуть значимость отдельных тезисов и привлечь внимание слушателей» [Бинштейн, Самыличева 2024: 82]. Более того, многократное повторение идеи обеспечивает принятие ее как истинную без рационального критического осмысления. Таким образом, тактика анализ – «минус» представляет из себя «имплицитное выражение отрицательного отношения к собеседнику» [Михалева 2009: 47].

Тактика обвинения. Направлена на выставление оппонента эмоционально незрелым, стремление обличить противника, приписать ему какую–либо вину, раскрыть его тайные намерения. Подобное обвинение часто оказывается бездоказательным и голословным, но привлекает внимание аудитории эмоциональностью высказываний. Критическая направленность «достигается за счет применения лексических единиц с негативной коннотацией, а использование различных средств выражения оценки (эмоциональности, экспрессивности, изобразительно–выразительных и стилистически маркированных средств языка) делает речь наглядной, адаптирует специфическую политическую информацию» [Бинштейн, Самыличева 2025] к пониманию в самых разных аудиториях. «Если для реализации тактики анализ–«минус» используются языковые средства, имплицитно выражающие отношение говорящего к описываемым событиям, то для реализации тактики обвинения говорящий активизирует лексические средства, имеющие в составе своего значения негативный оценочный компонент» [Михалева 2009: 48].

Существует *тактика осуждения*, которая настолько близка к тактике обвинения, что не все исследователи разграничивают их. В качестве доказательства

их общности приводят схожесть семантической направленности двух тактик: коммуникативный противник несет ответственность за какой–либо негативно оцениваемый поступок. Однако есть важное различие между обвинением, направленным на то, чтобы «подчеркнуть ответственность личности за порицаемое действие», и осуждением, коммуникативной целью которого является «негативная оценка собеседника и его поступков» [Мулькеева 2005: 9]. Когда говорящий «осуждает», то для него наиболее важным оказывается тот факт, что поступок коммуникативного противника был «плохим». Подобная негативная оценка исходит из представлений адресанта о нормах морали, их этических представлений, принятых в обществе. По иному пути идет оратор в тактике обвинения: для него значимым является указание на степень вины, лежащей на определенном индивиде, призыв виновного к ответственности. Следовательно, можно заключить, что тактика обвинения относится к социально–правовой, а осуждения – к морально–этической сфере оценки поведения [Мулькеева 2005: 9].

Безличное обвинение. Тактика безличного обвинения позволяет очертить крайне большую группу противников «за счет использования лексических единиц с широким значением, безличных конструкций, непрямого упоминания субъекта действия. При проведении данной тактики говорящий описывает негативные события и отрицательные последствия, но при этом исключает из ситуации объект критики. Раскрываемая мысль в таких случаях не соотносится с каким–либо конкретным лицом, а точка зрения одного человека или ограниченной группы становится образцом общественного объективного мнения» [Самыличева, Бинштейн 2025: 19]. В безличных предложениях, используемых для реализации данной тактики «семантический носитель признака, выступая в предложении в косвенном падеже, предстает уже не как его грамматический носитель (подлежащее), а как второстепенный компонент синтаксической структуры предложения - дополнение; тем самым его роль в передаваемой ситуации грамматически как бы ослабляется, затушевывается» [Копров 2005: 32]. Можно говорить и о том, что в основе безличного обвинения лежит метод редукционизма, направленный на размывание границ в определении виновного, на снятие

ответственности за сказанное. Редукция текста в подобных случаях позволяет выразить отрицательную оценку и воздействовать на эмоциональное состояние аудитории, так как характер повествования с опущенным лицом кажется более беспристрастным.

Тактика обличения предполагает обвинение оппонента с применением аргументов, подтверждающих виновность определенного лица, с опорой на факты. Прямая обличительная тактика направлена на указание конкретного преступления, приписываемого оппоненту. Используются стилистические и синтаксические средства, такие как метафоры и риторические вопросы. Этот способ ведения коммуникации объединяет в себе приемы двух тактик: анализ–«минус» и обвинение: «с первой ее объединяет аналитическая составляющая, установка на аргументацию; отличие состоит в наличии указания на конкретную вину (которая при анализе–«минус» не называется)» [Михалева 2009: 49].

Тактика оскорбления реализуется через обвинение и унижение противника, «при этом данная тактика отличается явной эмоциональной окраской, которая заменяет использование фактов и доказательств» [Акопова 2013: 405].

Тактика угрозы – предсказание наказания в будущем, запугивание. При угрозе в центре сообщения находится обещание негативных последствий, санкций, физической расправы.

Таким образом, для тактик, используемых в стратегии на понижение, характерна негативная оценка как оппонента, так и политической ситуации в целом. Говорящий стремится в своих словах обличить, дискредитировать оппонента, для чего постоянно обращается к стилистическим и синтаксическим средствам.

Противоположная *стратегия на повышение* выражается в желании выступающего представить себя в выгодном свете, поднять значимость и авторитетность своего статуса. Осуществление данной коммуникативной стратегии обеспечивается через использование следующих тактик:

— *тактика анализ–«плюс»* – говорящий выражает положительное отношение к рассматриваемой ситуации;

— *тактика презентации* – представление какого–либо лица, описание положительных качеств. Говорящий прямо указывает на качества предмета сообщения, поэтому использует языковые средства, «эксплицитно выражающие позитивную психологическую направленность: <…> лексемы поддерживать, ответственный, решительный, честный» [Михалева 2009: 54];

— *тактика неявной самопрезентации* реализуется говорящим через косвенное представление себя в выгодном свете;

— *тактика отвода критики* – аргументы и факты, оправдывающие те или иные поступки, тактика может осуществляться через создание очерненного образа оппонента;

— *тактика самооправдания* заключается в отрицании неодобрительной критики и причастности к каким–либо негативным действиям. В этих условиях целью говорящего является не отказ от направленных в его сторону обвинений, а попытка оправдать свое поведение, объяснить правильность принятых ранее решений. Тактика самооправдания в отличие от тактики отвода критики субъективна, поскольку основывается на выражении личного мнения.

В политическом дискурсе особый интерес представляют случаи «дезавуирования, т.е. признания некоторых сделанных заявлений и сообщений либо не соответствующими действительности, либо отражающими личное мнение чиновника, находящегося на государственной или партийной службе и поэтому, как предполагается, имеющего право говорить только то, что санкционировано руководством» [Карасик 2002: 207–208]. При воплощении стратегии на повышение говорящий должен показать аудитории свою авторитетность, компетентность и уверенность, поэтому он нередко «концентрируется на восхвалении себя самого и своих сторонников, выстраивая позитивное ментальное пространство» [Михалева 2009: 57].

Эффективность *стратегии театральности* в дискурсе политических ток–шоу объясняется тем, что «политические телепередачи создают особую коммуникативную модель, когда в процессе дискуссии основным адресатом–наблюдателем являются зрители» [Бинштейн, Самыличева 2024: 83]. В таких

условиях, преследуя цель привлечь внимание аудитории, коммуниканты делают свою речь особенно зрелищной. Воздействие на адресата в этом виде стратегии достигается за счет высокой эмоциональности и экспрессивно–оценочной лексики. Оценка в политической речи «необходима, так как это способ выразить отношение субъекта к миру, направить мысль аудитории, побудить к действию или бездействию. Использование различных средств выражения оценки делает речь наглядной, понятной для представителей общественных масс» [Бинштейн 2020: 33].

Стратегия театральности представлена следующими тактиками: побуждения (призыв к действию), кооперации (апелляция к идеям и ценностям адресата), иронизирования, провокации [Киданова 2015: 15]. Тактикам иронизирования и провокации отводится главенствующая роль в реализации стратегии театральности: за счет них осуществляется воздействие на оппонента, «подстрекательство» к действиям, выходящим за рамки этических норм. Исследователи также утверждают, что ирония постепенно превращается из коммуникативного приема «в способ мировосприятия, особенность человеческого характера или даже отличительную черту поколения» [Горностаева 2016: 62]. Отдельно выделяют тактику образной аргументации, позволяющей говорящему проводить аналогию между несхожими на первый взгляд явлениями, обращать внимание аудитории на какую–либо характеристику описываемого объекта.

Выделение стратегии театральности «мотивируется в языковом отношении тем, что выражение обращенности на адресата получает специализированные средства реализации» [Михалева 2009: 60]. Например, чтобы привлечь внимание адресата и склонить его на свою сторону, в политическом дискурсе используют императивные конструкции, риторические вопросы и восклицания, яркие метафоры, оценочную лексику и т.д. Условия создания политического массмедийного текста диктуют необходимость поиска новых выразительных средств для целей, лежащих не в области «гиперреальности», а в сфере практических целей телеканала «как производственного предприятия и

социальных намерений общественно-экономических группировок как заказчиков информации» [Негрышев 2009: 47].

Таким образом, многие лингвисты признают наличие в политическом дискурсе трех основных стратегий (на понижение, на повышение и театральность) и целый ряд реализующих их тактик: анализ–«минус», обвинение, безличное обвинение, обличение, оскорбление; анализ–«плюс», презентация, неявная самопрезентация, отвод критики, самооправдание; побуждение, кооперация, размежевание, информирование, обещание, прогнозирование, провокация, иронизирование.

Особенности речевого поведения российских политиков, а также коммуникативные стратегии и тактики описаны О.Н. Паршиной в монографии «Российская политическая речь: Теория и практика», в которой разграничиваются коммуникативные стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения, манипуляции, самозащиты, аргументации, агитации и др. Особое внимание уделяется риторической грамотности политиков. Автор понимает коммуникативную стратегию как «как сверхзадачу речи, диктуемую практическими целями говорящего», как «определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Паршина 2007: 11].

В отличие от классификаций, рассмотренных ранее, в которых основными стратегиями политического дискурса являлись стратегии на понижение и дискредитации, по мнению О.Н. Паршиной, ключевую роль в политическом коммуникации играет стратегия самопрезентации, применяемая при создании положительного имиджа политика.

Стратегия самопрезентации предполагает «эмоциональную "самоотдачу" оратора, косвенную демонстрацию психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях» [Паршина 2007: 78]. Данная стратегия реализуется с помощью тактик солидаризации (с адресатом), отождествления (с кем–либо или чем–либо), создания «своего круга», дистанцирования (от политических конкурентов и тех, кто с ними ассоциируется),

нейтрализации негативного представления о себе, гипертрофирования «я–темы», насмешки и др. [Мишланов, Нецветаева 2009: 8].

Следующие коммуникативные стратегии и реализующие их речевые тактики проявляются в процессе «борьбы за власть»:

— *стратегия дискредитации и нападения* (тактики: обвинение, иллюстрирование отрицательного, навешивание ярлыков, умаляющие сравнения, непрямые оскорбления);

— *стратегия манипуляции* (тактики: тактика демагогии – разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого через различные способы искажения действительности и создании ложного представления; тактика манипуляции); для стратегии манипуляции характерны коммуникативные приемы: утрирование, риторический вопрос, апелляция к чувствам, аллюзии (имплицитной информации), подмена понятий;

— *стратегия самозащиты*: (тактики: оправдание, оспаривание, ответная критика).

В подобной направленности действий наиболее ярко проявляется «агональная функция» (функция борьбы) политического дискурса, которая связана со стратегией агрессии, создания конфликта.

О.Н. Паршина отдельно рассматривает стратегии, соотносимые с процессом «удержания власти», к которым относятся: информационно–интерпретационная стратегия и стратегия формирования эмоционального настроя адресата. *Информационно–интерпретационная стратегия* реализуется в политическом дискурсе через подачу сведений о важнейших экономических и политических событиях и их интерпретацию. В данной стратегии выделяют такие тактики, как тактика признания существования проблемы; акцентирования положительной информации; тактика разъяснения; тактика комментирования; тактика рассмотрения проблемы под новым углом зрения; тактика указания на путь решения проблемы [Паршина 2007].

Стратегия формирования эмоционального настроя адресата обычно осуществляется в речи и выступлениях политических руководителей и связана с

обращением к аудитории, часто к населению государства, о чрезвычайных ситуациях. Тактиками в рассматриваемой стратегии являются:

— *тактика единения*, цель которой состоит в том, чтобы «объединить аудиторию, используя приемы торжественной риторики» [Киданова 2015:18];

— *тактика обращения* к эмоциям адресата через использование вдохновляющих, пафосных выражений;

— *тактика учета ценностных ориентиров*, апеллирующая к чувству патриотизма и к культурным ценностям народа [Паршина 2007].

Некоторые лингвисты (Н.А Волкова, Л.Г. Васильев, А.Н. Баранов, А.А. Маркович, О.Н. Паршина и др.) рассматривают политический дискурс как принципиально аргументированный и совещательный по своей природе: значимой задачей политика оказывается попытка оправдать или опровергнуть определенное утверждение; стремление убедить аудиторию в приемлемости (или неприемлемости) рассматриваемых тезисов; утвердить собственную точку зрения как единственно верную. Политическая аргументация – это в то же время форма ведения политики, она сама по себе является политическим действием, сочетанием политического и речевого действия.

При анализе политического дискурса следует учитывать, что логические свойства аргументов не единственные, которые имеют значение: политики и политологи также заняты поиском аргументов, направленных на эффективное убеждение различных групп, обеспечение совпадения интересов и взглядов. В связи с этим выделяют *аргументативную* стратегию, направленную на обоснование точки зрения адресанта при помощи аргументов (тактика иллюстрирования – предполагает использование фактов и примеров; тактика указания на перспективу – не только указание на проблему, но и на возможные пути ее решения; тактика обоснованных оценок); *агитационную*, нацеленную на побуждение адресата к совершению или несовершению определенных действий (тактика обещания и призыва); стратегию *контрастивного анализа,* основным приемом которой является сравнение, преподносимое в качестве аргумента. В стратегиях аргументации, агитации и контрастивного анализа оратор во многом

опирается на прием сравнения и сопоставления, когда прошлое соотносится с настоящим и выявляются в зависимости от целей говорящего заметные изменения в лучшую или худшую сторону.

Таким образом, классификация стратегий и тактик политического дискурса, представленная в работах О.Н. Паршиной, достаточно подробно отражает целевую направленность политической речи, показывает соотношение коммуникативных тактик и стратегий, используемых ораторами. Не отрицая агональную сторону политического дискурса, лингвист утверждает необходимость придерживаться тактике самопрезентации, позволяющей создать вокруг политика образ честного и профессионального политика, что оказывается невероятно значимым. Особую роль О.Н. Паршина также отводит стратегиям, направленным на убеждение аудитории, побуждение адресатов к «правильным» действиям, поскольку именно стратегии внушения определяют эффективность политического дискурса.

Несколько отличную от упоминаемых ранее точек зрения на классификацию тактик и стратегий, приемов и лингвистических средств речевого воздействия придерживается В.Е Чернявская в пособии «Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия» (2012г.). Автор предлагает взглянуть на все многообразие использования родного языка в целях осуществления власти в обществе, проанализировать особенности персуазивной коммуникации. Основываясь на разных позициях определения стратегии и тактик речевого воздействия, В.Е Чернявская разграничивает понятия «свое» и «чужое»: «то содержание, которое попадает в ментальную рамку позитивного и, значит, «своих» оценок, мнений, поведения, и то содержание, которое отсекается за рамку как «чужое», ненужное, несущественное, враждебное, ошибочное» [Чернявская 2012: 45–46].

Для успешного проведения тактики, создания семантического поля «свои», когда группа лиц начинает думать о себе в обобщенном ключе, «часто используется местоимение 1–го лица мн. ч. *мы* и притяжательное местоимение *наше*, которые объединяют в своей семантике отправителя и получателя сообщения. За счет этого приема создается иллюзия коллективного выступления, выхода за рамки

субъективного мнения, т.к. каждый человек мог бы подумать, решить или сказать то же самое» [Бинштейн 2024: 30]. Также автор различает лингвистические стратегии изменения, переформирования оценок и мнений. При анализе речи необходимо учитывать, что лингвистические средства, используемые в процессе переубеждения, могут принадлежать различным уровням языка: фонетическому, лексическому, грамматическому, синтаксическому, а также графическому, оформляющему высказывание.

Эффективным в переубеждении оказывается тактика «плюс–минус», когда «свое» противопоставляется «чужому». Подобное разделение выполняет сразу несколько функций. Во–первых, через данную оппозицию сложные факты и аргументы, вопросы и проблемы легко упрощаются, заменяясь понятными тезисами, обвиняющими во всех бедах «других». Во–вторых, «двойственность дает возможность постоянно менять границы и в зависимости от интересов говорящего включать или исключать отдельных субъектов из круга «своих» и «чужих». Для достижения этих целей используются стилистические фигуры антитезы и контраста. Рассматриваемый манипулятивный прием выделяется практически всеми исследователями речевых тактик и стратегий воздействия. Он реализуется через поиск главного виновника всех проблем или постановку некой общей цели для целой группы лиц, выделения соборного качества и построение оппозиций» [Бинштейн, Самыличева 2024: 85].

Интересна точка зрения Е.Н. Молодыченко на оппозицию «свои»–«чужие», которая рассматривается лингвистом как один из элементов стратегии *создания образа врага*. Лингвист исследует агрессивную сторону политического дискурса, для которого свойственно четко выраженное деление общества на группы «своих» и «чужих» [Молодыченко 2012]. Стратегия создания круга «чужих» реализуется в речи с помощью моделирования различных языковых средств образа противника, указания на его качества, оцениваемые негативно представителями круга «своих». Продуктивными средствами создания оппозиции «свои» – «чужие» являются указание на незаконную деятельность «чужих», направленную против «своих»; акцентирование на факторе «соперничества» между двумя группами; прием

антитезы. Одним из способов создания образа врага является моделирование исходящей от него угрозы, направленной на «своих» (стратегия создания фантомной угрозы).

Эффективным приемом в осуществлении задач оппозиции «свои»–«чужие» оказывается употребление прямых номинаций и таких словесных ярлыков, как террорист, агрессор, враг и т.д. Данные слова используются как средство речевой агрессии с целью дискредитации оппонента, поскольку выполняют роль отрицательно–оценочной лексики, указывают на лицо по принадлежности к общественно–политической группе. Использование политических ярлыков исключает появление возможных инвариантов и двойственного толкования, а сами обобщающие выражения корректируют сообщения, усиливают чувства принадлежности к группе «своих», разделяющих те же нормы и представления. В этом смысле словесный ярлык можно поставить в один ряд с понятием речевого штампа «механически употребленного образца, утратившего стилистическую выразительность, или речевого клише – трафаретного, повторяющегося выражения» [Чернявская 2012: 51].

Важным конструктивным приемом при проведении коммуникативных стратегий является использование стереотипов, упрощенных представлений, и опоры на авторитет через упоминание престижного института власти или уважаемой личности. В условиях политической коммуникации, когда оказывается трудно или невозможно согласовать противоположные позиции участников дискуссии, политическое обсуждение должно находить способы устранения подобных различий. Следствием данного феномена становятся разговорный стиль речи, упрощенные конструкции, стереотипизация явлений (подведение под устойчивую и известную формулу). Стереотип следует понимать как «упрощенное, заранее принятое в общественном сознании представление, не вытекающее из собственного опыта человека» [Чернявская 2012: 50].

Стереотипность – это значимое средство ценностно–ориентированного манипулирования. Установка на упрощение «обладает потенциалом для навязывания мнений и манипулирования сознанием, поскольку позволяет

говорящему в своем выступлении моделировать общественно–политическую ситуацию» [Самыличева, Бинштейн 2025: 17]: «опыт стандартизации ситуаций ритуализирует мышление и поведение человека, отражается в его речевых стереотипах, позволяет прогнозировать его возможные речевые стратегии и тактики» [Желтухина 2003: 60]. Язык играет ведущую роль в создании стереотипов: носители не задумываются над содержанием клишированных фраз, принимая их как данность без соответствующей критики. Это происходит из-за частотного употребления стереотипов в потоке речи, что ведет к невольному запоминанию и автоматическому восприятию. Наиболее обобщенные и значимые слова, речевые клише распространены в политической коммуникации и воздействуют на сознание аудитории, корректируют сообщения, усиливают чувства принадлежности к группе «своих», разделяющих те же нормы и представления. Например, неологизмы, «новые слова», несут в себе положительную оценку, поскольку свидетельствуют о прогрессе в обществе. Еще один популярный инструмент в политическом дискурсе – использование «пустых слов», которые не несут никакой дополнительной информации, а значит ни к чему не обязывают говорящего, но создают иллюзию плодотворного диалога.

В политической коммуникации сильный воздействующий эффект на аудиторию оказывает упоминание авторитетных научных учреждений и терминов. Атмосфера научной полемики создается за счет ссылок и указаний на известных людей и организаций. На базе подобных высказываний развился так называемый псевдонаучный или квазинаучный язык, в котором слова являются соединением терминов и неологизмов. Слова образуются по известным словообразовательным моделям, но такая терминология используется не для обобщения и объективного описания явлений, а для создания желаемого впечатления. Вместе с квазитерминами употребляют иноязычные заимствования и статистические данные, позволяющие подчеркнуть осведомленность говорящего в рассматриваемых вопросах.

Отдельно следует рассматривать *стратегию изменения, переформирования оценок*, целью которой оказывается уход от мнений, полемизирующих с позицией

выступающего. В этом помогает точный подбор слов, меняющих привычные понятия. Например, универсальные суждения со значением обобщения, полноты действий и оценок. Они одновременно сужают и расширяют представляемую в речи картину мира. Разновидностью речевого манипулирования, задача которого состоит в навязывании и переформировании у адресата смыслов и оценок предмета обсуждения, называют языковую демагогию. Для достижения своих целей она использует грамматико–синтаксические средства, такие, как пассивные конструкции, опускание или непрямое упоминание субъекта действия. Раскрываемая мысль «в таких случаях не соотносится с каким–то конкретным лицом, а точка зрения одного человека или ограниченной группы людей становится образцом общественного объективного мнения. Характер повествования с опущенным лицом кажется беспристрастным, как будто нейтральным. Этот прием позволяет говорящему понизить уровень ответственности за произнесенные слова» [Самыличева, Бинштейн 2025: 19].

Характер утверждений зачастую меняется от наличия или отсутствия в них перформативных глаголов, благодаря которым высказывание становится эквивалентным самому действию. Глагол со значением вопроса, утверждения, побуждения, обещания, гарантии, извинения и т.д. в 1–м лице настоящем времени изъявительного наклонения: «я клянусь, я полагаю, я утверждаю, советую сделать». Использование его реализует иллокутивную цель речевого акта, т.е. целенаправленное, коммуникативное намерение достигнуть определенной цели в разговоре.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что выбор языковых средств в речи участников политического дискурса определяется прагматической направленностью на реализацию целей, стоящих перед оратором. Часто этими целями являются воздействие на адресата, побуждение его к каким–либо действиям или принятию определенных решений, привлечение внимание адресата к политической ситуации, представление образа говорящего в выгодном свете и, наоборот, представление образа оппозиции в невыгодном и т.д. Многие исследователи политического дискурса за основание своих классификаций

коммуникативных стратегий и тактик берут именно целевую установку оратора, но значимым различием в подобных систематизациях является смещение угла обзора лингвиста на один из наиболее важных, по его мнению, аспектов политической речи: манипулятивность, агональность, вариативность, дискредитативность, эмоциональность, нацеленность говорящего на создание своего положительного образа. Несмотря на то, что исследователи политического дискурса не приходят к единому мнению о том, какую стратегию следует считать ключевой в речи политика, многие сходятся в решении выделять в качестве основных стратегии на понижение, на повышение и театральности.

1.5. Прикладные аспекты изучения коммуникативных стратегий и тактик в русскоязычном политическом медиадискурсе

Не подлежит сомнению тот факт, что современный зритель находится под постоянным информационным давлением. Лидирующую позицию среди разнообразных телевизионных жанров занимают политические «ток–шоу», особая популярность которых обусловлена глобальными переменами в мире, а также потребностью человека в социально–политическом информировании. Перед ведущими и гостями студий стоит задача обозревать значимые события, привлекать внимание аудитории к проблеме, предлагать пути ее решения, при этом наличие агрессивных высказываний не только не ограничивается форматом телепередач, но зачастую поощряется. Участникам ток–шоу приходится отстаивать занятую политическую позицию и доказывать справедливость своих суждений, в этих условиях особое внимание уделяется искусству конструирования аргументации.

Поскольку «отличительной чертой политического дискурса является конфликтогенность, то в речи участников ток–шоу нередко наблюдаются спорные высказывания, которые можно трактовать как призыв к возбуждению ненависти либо вражды, оскорбление, унижение чести, достоинства и деловой репутации, клевету и т.д. В этих условиях процедура лингвистической экспертизы позволяет

закономерно интерпретировать содержание текста, избежать произвольного и нередко ошибочного толкования. Однако ввиду юридической осведомленности адресантов нередко в спорном тексте политического дискурса сложно однозначно установить авторскую интенцию, иными словами, авторы современных публичных текстов обладают необходимыми знаниями, позволяющими умело избегать ответственности за речевые преступления, обходить административные и уголовные статьи. Следствием становится активное использование политической коммуникации манипулятивных приемов, оценочных конструкций, имплицитно выраженных побуждений, косвенных речевых актов, намеков» [Бинштейн 2022: 138].

Важным признаком политической речи оказывается пропагандистская направленность. Политическая пропаганда «представляет собой основную форму односторонней и монологической организации информационных потоков в сфере власти, формирующуюся без учета мнений реципиента и на основе остро критического отношения коммуникатора к позициям своих конкурентов» [Соловьев 2004: 100]. Перед автором подобного текста стоит задача разъяснить свои политические взгляды, убедить адресата в их справедливости и при этом сделать так, чтобы читать или слушать данные высказывания было интересно. В качестве основных черт пропагандистского типа коммуникации называют: 1) целенаправленное распространение информации, 2) игнорирование интересов реципиента и 3) неприятие позиций оппонентов [Стибун, Стрельникова, Шурыгина 2006: 220].

К лингвистическим показателям пропаганды стоит отнести: 1) деление на «своих» и «чужих» (выделение группы как единственно правильной и противостоящей другим); 2) позитивную оценку определенной деятельности, явлений или ситуации и негативную (нередко доходящую до прямой речевой агрессии) любой предложенной альтернативы; 3) противопоставление желаемого и действительного; 4) введение относительно простых тезисов и средств как рациональной, так и эмоциональной аргументации (например, апеллирования к чувствам аудитории, к общественной мифологии через образы, вызывающие

сильную эмоциональную реакцию); 5) многократное повторение тезисов как средства убеждения; 6) использование эмоционально заряженных слов и фраз (например, *террористы, враги народа, герои, опасность для страны* и др.) [Стибун, Стрельникова, Шурыгина 2006: 220–228] .

Таким образом, для политического дискурса свойственны признаки пропаганды определенных взглядов, выраженной в форме косвенных побуждений к действиям, предостережений, связанной с искажением отдельных фактов с целью убеждения, оказания воздействия на общественное мнение, описанием идей путем глубокого и детального их разъяснения. Пропагандистский речевой жанр характеризуется коммуникативным намерением, заключающимся в сильно выраженном стремлении внедрить в сознание адресата речи представление о некотором положении дел или его теоретическую рефлексию [Баранов, Паршин 2017: 62]. Следствием обозначенных тенденций является возрастание потребности в развитии специальных прикладных возможностей лингвистики в области экспертной оценки текстов разной смысловой направленности.

Перенос методов лингвистической экспертизы из юридической сферы в сферу политической коммуникации позволяет «делать выводы о грамматических, семантических и прагматических характеристиках исследуемых фрагментов, принимать обоснованные решения о причинах употребления в данном контексте того или иного языкового средства, а также устанавливать смысловое единство понятийно–риторической структуры высказывания» [Кузнецов, Оленников 2014: 130]. Вместе с тем экспертный лингво–юридический анализ может быть направлен на изучение вопросов, затрагиваемых исследователями политического дискурса и связанных со «специально организованным суггестивным функционированием языка, манипулированием языковым механизмом» (языковым насилием) [Голев 1999: 44], а также проблем лингвистической безопасности [Ефремов 2022: 91].

С точки зрения политической лингвистики, лингвистическая экспертиза обнаруживает важные свойства политического дискурса, не выявляемые методами других ее направлений. Важнейшее такое свойство – это «его “подсудность”, т.е. регуляция как содержательных, так и организационных аспектов политической

коммуникации (а следовательно, и воплощающих ее текстов) посредством целой системы законодательных актов и деонтологических кодексов (сводов правил профессиональной этики)» [Кара–Мурза 2009: 49].

В условиях возрастающего интереса к методам проведения экспертных исследований возникает проблема «стихийности» [Голев 1999: 46] производимых экспертиз, ведущая к преобладанию субъективизма в процессе анализа спорных текстов. Рассуждая о трудностях, с которыми сталкиваются лингвокриминалисты, исследователи отмечают, что применяемый в экспертизах «филологический словарь не призван выполнять юридическую функцию, не “имеет законного права” быть основанием следственных и судебных решений», также лингвист указывает на необходимость создания «специальной шкалы лексической инвективности» [там же].

Судебную лингвистическую экспертизу определяют как «процессуально регламентированное экспертное лингвистическое исследование устного и (или) письменного текста, завершающееся дачей письменного заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний» [Россинская 2011: 124]. Целью данной деятельности является «установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, на основе специальных филологических познаний» [Ярощук, Жукова, Долженко 2020: 8]. Однако в широком смысле словосочетание «лингвистическая экспертиза» может применяться для обозначения прикладных языковедческих исследований [Галяшина 2021: 16]. Подобный подход к пониманию лингвистической экспертизы как одного из направлений прикладной лингвистики наблюдается в работах многих лингвистов (А.Н. Баранов, К.И. Бринев, М.А. Грачев, Н.Д. Голев, О.Н. Матвеева и др.). При этом в рамках данного подхода под прикладной лингвистикой понимается «область научных знаний, изучающая строение, функционирование и моделирование функций языка в нелингвистических сферах и в различных областях деятельности человека» [Шагиева 2020: 29], т.е. непосредственно предмет исследований прикладной лингвистики находится на стыке языка и различных отраслей производства, науки, техники или культуры, применяющих

лингвистические данные для реализации специфических задач в своей деятельности.

Стоит отметить, что лингвистическая экспертиза рассматривается не только как направление прикладной лингвистики, но и как составная часть «судебной лингвистики». В последние годы возникли новые отрасли прикладного языкознания, так, в отдельную науку была выделена юридическая лингвистика (юрислингвистика), «предметом изучения которой является область пересечения языка и права» [Ярощук, Жукова, Долженко 2020: 5]. Целью данной науки стало «рассмотрение тех преломлений естественного языка (его норм и закономерностей), которые возникают при его приближении к юридической жизни и тех его преобразований, которые возникают при его “прохождении через юридическую призму”» [Голев 1999: 12].

Существует несколько иной взгляд на место лингвистической экспертизы среди других наук. Так, например, Е.И. Галяшина включает лингвистическую экспертизу в дисциплину «судебное речеведение» – «раздел прикладной лингвистики, посвященный изучению речевой деятельности и ее результатов в целях решения родовых задач судебной экспертизы устных и письменных произведений речи» [Галяшина 2003: 5]. Концепция судебного речеведения «позволила определить соотношение судебной лингвистической экспертизы с появившимися ранее автороведческой, почерковедческой и фоноскопической» [Соколова 2014: 143].

Судебное речеведение представляет отрасль знания, возникшую на основе противопоставления прикладного и теоретического аспектов лингвистики. Так, например, К.И. Бринев утверждает: «теоретическая наука не может игнорировать ни одного интересного факта, выявленного в результате прикладных исследований» [Бринев 2009: 32]. Необходимо уточнить, что судебная лингвистическая экспертиза ориентирована в первую очередь не на науку, а на специфическую (практическую) судебно–экспертную деятельность. В отличие от ученого–лингвиста, занимающегося развитием науки и стремящегося к получению нового знания, судебный эксперт–лингвист в своем исследовании ориентирован на

применение «устоявшихся, общепринятых, не вызывающих споры и дискуссии в лингвистике, научно обоснованных знаний о языке и речи» [Галяшина 2021: 17], необходимых для реализации задач судопроизводства (установление фактов и обстоятельств, применимых в качестве доказательства. Следовательно, можно утверждать, что «значительная часть лингвистических экспертиз посвящена доказательству очевидного» [Баранов 2020: 4].

Таким образом, судебная лингвистическая экспертиза – «самостоятельный род судебных экспертиз, эффективная (а потому крайне ответственная) процессуальная деятельность по лингвистическому исследованию речевой информации (зафиксированной на любом материальном носителе), имеющей значение доказательства» [Ярощук, Жукова, Долженко 2020: 8]; направление юридической лингвистики, прикладной отрасли языкознания, объектом которой является конфликтогенный текст и принципы исследования в рамках судебно–экспертной деятельности. Проведение лингвистической экспертизы назначается с целью установления фактов совершения/несовершения речевого преступления, поэтому помимо исследовательской деятельности, включающей научные теории и описание фрагментов реальности, ее стоит рассматривать и как часть процессуального действия.

Необходимо учитывать, что в своем анализе эксперт следует определенному алгоритму, заданному выбранной методикой. Под методикой лингвистического экспертного исследования понимается «система категорических или альтернативных научно обоснованных предписаний по выбору и применению в определенной последовательности или в определенных существующих или создаваемых условиях методов, приемов, средств для решения экспертной задачи» [Галяшина 2021: 206]. Также важным для проведения экспертного заключения оказывается выявление спорного контекста – фрагмента текста, «включающего избранную для анализа единицу <...> и достаточный для определения значения этой единицы в данном тексте [Чудинов 2009: 28]. В ряде случаев для выявления смысла исследуемой единицы достаточно проанализировать одно предложение, но

иногда от эксперта требуется учитывать несколько текстовых фрагментов или даже весь текст.

Метод экспертизы (экспертного исследования) – «система логических и (или) инструментальных операций (способов, приемов) получения данных для решения вопроса, поставленного перед экспертом» [Галяшина 2021: 200]. Методы, применяемые при проведении судебного лингвистического исследования, следует разделить на *общеэкспертные* (используются во всех родах и видах судебных экспертиз: наблюдение, описание, анализ/синтез, эксперимент, сравнение, моделирование, математические методы) и *частноэкспертные* (методы отдельной науки, в частности, лингвистической: лексико–семантический анализ, функционально–прагматический анализ, дискурс–анализ, контент–анализ, словарный анализ, семиотический анализ, формально–грамматический анализ, анализ узуального употребления).

Лингвистические методы позволяют установить, что именно выражено в спорном тексте, какими способами и какое значение имеет. Однако при переносе собственно лингвистических методов исследования в юридическую сферу не стоит отождествлять лингвистическую экспертизу с научным исследованием, поскольку она является «разновидностью практической деятельности, опирающейся на науку, но не являющейся научным исследованием» [Аверьянова 2009: 232]. Например, различие выражается в целях, стоящих перед лингвистом–ученым и лингвистом–экспертом: результатом применения экспертных методов является решение конкретной экспертной задачи, а не подтверждение научной гипотезы. Кроме того, при проведении экспертного лингвистического исследования спорного текста принципиально важно учитывать, что традиционные лингвистические понятия такие, как «экспрессивная лексика», «ненормативная лексика» или «оценочная лексика», в юридическом языке «разворачиваются в другой плоскости», поскольку приведенные термины в языке права могут успешно функционировать «лишь в том случае, если будут спроецированы (причем достаточно жестко, определенно) на шкалу "инвективное/ неинвективное"» [Голев 1999: 34], данная (шкала) в свою

очередь должна ссылаться на статьи законов, регулирующих права личности на защите чести и достоинства.

Частным примером, иллюстрирующим расхождения юридического и лингвистического представления, является толкование оскорбления: если в юриспруденции «оскорбление» – есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, то в лингвистике неприличная форма не является принципиально важной характеристикой для признания высказывания оскорбительным. Отсюда следует проблема классификации спорных речевых произведений: то, что лингвистическими методами определяется как оскорбление, не всегда будет соответствовать юридической трактовке. Тот факт, что методы лингвистического исследования текста используются в практических целях, обуславливает особенности их применения. Так, в структуру метода входят три части:

– обосновывающая – изложение научной базы;

– операционная – действия, приемы и операции осуществления метода;

– техническая – материальные средства и приборы, необходимые при написании лингвистической экспертизы.

Поскольку лингвистическая экспертиза в основном связана «с установлением и анализом значения языковых единиц, научной базой <…> выступает лингвистическая семантика» [Галяшина 2021: 201]. В качестве ожидаемого результата «установление наличия/отсутствия смысловых компонентов, диагностически значимых для решения поставленных перед экспертом вопросов» [там же]. Например, в делах о защите чести и достоинства и деловой репутации эксперт должен выявить наличие/отсутствие в представленном для анализа тексте негативных сведений о лице или организации; отнесенность негативных сведений к конкретному лицу или организации и т.д. К технической части применяемых в судебной экспертизе лингвистических методов следует отнести применение словарных источников, грамматик, научной литературы, справочников, корпусов текстов и т.д.

Операционная часть исследования подразделяется на следующие этапы: 1) производится семантическая декомпозиция содержания высказывания, то есть разбиение его на семантические компоненты определенного типа; 2) устанавливается то конкретное значение, которое имеют выделенные компоненты, при этом лингвист опирается на свои знания о значении и употреблении использованных говорящим средств выражения этого значения, а также на знание особенностей коммуникативной ситуации; 3) установленное значение эксплицируется, то есть вербализуется при помощи синонимического перефразирования. Адекватность вербализации таким образом может быть проверена другим экспертом, что обеспечивает верифицируемость результатов анализа. Далее эксплицированное значение компонентов сравнивается со значением, описанным законодателем, и делается вывод о выраженности либо невыраженности последнего в сказанном [Кукушкина 2016: 124].

Таким образом, метод лингвистического исследования заключается «в экспликации смысловых компонентов, важных для решения вопроса (=результат, данные для решения вопроса), путем семантической декомпозиции и синонимического перефразирования смысла сообщения (=операциональная часть) на основе его лингвистического анализа (=научная база) [Галяшина 2021: 203].

«Предписанная методикой программа действий (ее можно назвать алгоритмом) состоит из указаний на методы, материальные средства познания, последовательность и процедуры их применения» [Аверьянова 2009: 289].

Исследование спорных текстов базируется на трех ключевых компонентах:

1) предмет речи/тематика (о ком и что именно говорится);

2) отношение (какое отношение к предмету речи выражено и как оценивается предмет речи?);

3) цель (зачем сообщается?) [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 17].

Иными словами, эксперт–лингвист «устанавливает, что конкретно сказано (показано), какой компонент значения выражен и какими языковыми средствами» [там же].

Выявление и анализ имеющихся в тексте «признаков различных уровней (текстового, синтаксического, лексического, морфологического, морфемного, фонетического) способствует характеристике различных текстовых компонентов – денотативного, оценочного, иллокутивного, экстралингвистического» [Ярощук, Жукова, Долженко 2020: 9]. Денотативный компонент текста (тематика) соответствует пропозитивному – денотативному – компоненту содержания; оценочный (отношение) представляет из себя субъективно–оценочную часть прагматического компонента содержания, связанную с выражением отношения говорящего к объекту высказывания; иллокутивный (цель) – интенцию говорящего, целевую часть прагматического компонента содержания [Кукушкина 2016: 125]. Особую значимость приобретает экстралингвистический компонент, исследующий речевое событие/ коммуникативную ситуацию, в которой был создан исследуемый текст.

Трудность при проведении экспертного лингвистического анализа возникает, когда спорное речевое произведение содержит значимую для исследования информацию, выраженную в имплицитной форме. Особую эффективность в таких случаях обнаруживают методы референциального анализа (стоит рассматривать как часть логического анализа), позволяющие установить объект речи с целью выявления имплицитной информации в тексте. В целом под референциальными сведениями следует понимать «информацию, которую адресат самостоятельно выводит путем установления связи между словом в тексте и обозначенной этим словом внеязыковой сущностью (референтом, денотатом)» [Радбиль, Юматов 2015: 65–66]. В таком случае стоит говорить о приеме «выведения в план инференции референта» [там же], который эксплицитно не представлен, но подразумевается из общего контекста. Так, при идентификации адресата угрозы или оскорбления, открыто не названного в спорных речевых фрагментах, посредством референциального анализа эксперт-лингвист способен определить объект высказываний, опираясь на экстралингвистические знания, коммуникативный и культурный контекст.

Кроме того, эксплицировать завуалированную, т.е. скрытую информацию, позволяет методика рецептивных схем. Рецептивные схемы – «присущие сознанию людей схемы (модели) понимания, используемые в процессе восприятия (рецепции) текста» [Стернин 2011: 14]. Другими словами, это прочные шаблоны, сформированные нашим когнитивным и языковым опытом. С помощью рецептивных схем эксперт не просто выявляет значение и интенцию, определяющие информационную природу текста, но и находит неявные связи, актуализирует имплицитную информацию. Использование методики рецептивных схем при анализе скрытого смысла текста позволяет «одновременно реализовать аналитический и интроспективный методы, что способствует получению более объективных и надежных результатов» [Саломатина, Лазоренко 2021: 69].

Использование различных методов исследования политического дискурса имеет большое практическое значение для понимания «общей политической картины мира, зависящей от развития политических тенденций в общественном сознании» [Демкина 2021: 92]. При этом лингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов является достаточно широким, «зонтичным» понятием, которое «объединяет несколько приемов анализа, соотнесенных с определенными правонарушениями и обеспеченных соответствующими теоретическими подходами, методическим инструментарием и терминологическими подсистемами» [Кара-Мурза 2009: 47].

Коммуникативно–прагматическое исследование политического дискурса определяется целым комплексом конструктивных и дискурсивных характеристик, к которым относятся сфера коммуникации, ситуация общения и речевой жанр, роль автора и адресата, коммуникативная установка текста, коммуникативные стратегии и речевые тактики, а также языковые средства и приемы, используемые для их реализации. Всякий политический текст должен оцениваться только в дискурсе, «то есть с учетом конкретных условий его создания и функционирования» [Чудинов 2012: 54]. Подобный коммуникативный подход к изучению текста предполагает анализ коммуникативных обстоятельств как важнейших смыслообразующих компонентов исследуемого текста [Карасик 2002: 185].

Интересна, на наш взгляд, классификация В.И. Карасика, в которой не только представлены и обобщены категории прагмалингвистики, но и указаны внешние и внутренние характеристики речи: 1) участники общения (статусно–ролевые и ситуативно–коммуникативные характеристики); 2) условия общения (сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда, пресуппозиции); 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии, контроль общения и вариативность коммуникативных средств); 4) способы общения (тональность, стиль и жанр общения) [Карасик 2000: 20–5].

Согласно экспертной методике [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014], в отдельный тип анализа представленного для исследования текста можно выделить **анализ коммуникативной ситуации,** который основывается на положении о том, что значение текста во многом определяется ситуацией его порождения. Это связано с тем, что многие компоненты значения речевого произведения получают выражение не в самом тексте, а в коммуникативной ситуации – конкретной ситуации, в которой был порожден или произнесен спорный текст. В широком смысле коммуникативную ситуацию понимают, как «неязыковые условия, в которых осуществляется коммуникация» [Стернин, Антонова, Карпов 2013: 16]. Анализ условий общения необходим для того, чтобы определить адресата и адресанта текста, место, где были произнесены те или иные слова, как и когда был опубликован спорный текст и т.д. Эти факторы имеют важное значение для лингвистической экспертизы, поскольку позволяют эксплицировать цель общения.

При проведении экспертного исследования лингвист в первую очередь должен «определить, профессиональный или случайный характер носит публичная речевая деятельность автора (это позволяет оценить языковую компетенцию автора), степень спонтанности порождения текста, формат общения и его влияние на текст» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 23].

Каждой коммуникативной ситуации в политической речи соответствует свой корпус жанров. Жанр – это важное средство индивидуализации текста, его соотнесения с условиями речевой деятельности. В зависимости от цели высказывания политические тексты можно разделить на информативные (новости,

интервью, партийная программа и т.д.) оценочные (политическая реклама) и императивные (лозунги)» [Чудинов 2012: 38].

Поскольку анализ коммуникативной ситуации вытекает из жанра и стилистики спорного текста, то ситуация общения определяет выбор речевых средств и коммуникативную направленность текста, эмоциональное состояние автора и т.д. Следовательно, изучая тексты политического медиадискурса, лингвист должен исходить из того, что «каждый субъект СМИ «разговаривает» со своей аудиторией определенным тоном, используя для обращения и текстовой коммуникации устойчивые медиастилистические и риторические средства» [Добросклонская 2016: 16] – в этих условиях важно учитывать такой параметр как «информационно-вещательный стиль». Например, «при анализе отдельных выпусков политического ток–шоу необходимо принимать во внимание, что объектом семантических исследований является жанр звучащей речи, т.е. устный текст (разговоры, отдельные высказывания), обладающий набором специфических признаков. В отличие от письменной формы, которая позволяет дольше обдумывать свою речь, выстраивать ее постепенно, при этом исправлять и дополнять уже готовый текст, устная речь отличается неподготовленностью и непосредственность изложения, а также необратимостью во времени» [Бинштейн 2022: 140].

В один момент коммуниканту приходится обдумывать и сразу же продуцировать свою идею – такой текст отличается инвертированным порядком слов, наличием прерванных семантико–синтаксических моделей, тенденция к интонационной незавершенности. Для спонтанной устной речи характерна система фразового нанизывания и линейность изложения, когда каждое новое высказывание по смыслу задается предыдущим и определяет последующее, что обусловлено стремлением говорящего раскрыть тему и связать свой текст в единое целое. Важнейшей чертой, отличающей спонтанную речь от подготовленной и сближающей между собой различные типы неподготовленной устной и письменной речи, является «тенденция к расчлененной подаче информации» [Галяшина 2003: 94].

От коммуникативной ситуации также во многом зависит спонтанность текста и эмоциональное состояние автора. При анализе текста лингвист прежде всего должен определить, «профессиональный или случайный характер носит публичная речевая деятельность автора (это позволяет оценить языковую компетенцию), степень спонтанности порождения текста, формат общения и его влияние на текст» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014:11].

Для исследования устных высказываний устанавливается их лингвистическая целостность и связанность, определяются их речевые границы, их информационный статус (модальность) и т.д. Специфическим для исследования устной речи является опора коммуникантов на экстралингвистическую информацию (конситуацию), неподготовленность речевого акта, наличие у коммуникантов общих фоновых знаний, использование паралингвистических средств коммуникации, экономия языковых средств [Галяшина 2021: 123]. Перечисленные факторы обусловливают специфические лингвистические особенности разговорной речи: 1) принцип экономии средств словесного выражения: чем больше ситуационная обусловленность и общность апперцепционной базы, тем меньше средств словесного выражения достаточно для обеспечения информационной полноты; 2) тенденция к имплицитности, проявляющаяся в сильной информационной компрессии; 3) сочетание тенденции к свободе построения единиц, к речетворчеству и тенденции к автоматизму (стремление к использованию готовых единиц); 4) эллипсис; 5) активное использование метонимических номинаций и т.д. [Плотникова, Кузнецов, Саженин 2018: 12].

Жанр политического ток–шоу «стоит рассматривать как частично подготовленный звучащий текст. Отличительными признаками формата являются наличие адресата–аудитории, двух оппозиционных групп экспертов, ведущих, занимающих ключевую роль в коммуникативном акте. Постоянная смена говорящих определяет специфическую последовательность аргументов и контраргументов. Конфликт задает динамику такой программе, он скрыт уже в самой формулировке вопроса: участники, разделившись на два лагеря, активно

доказывают свою правоту. Речевая агрессия часто становится фактором, определяющим специфику такого общения, когда дискуссия приобретает признаки ожесточенных дебатов. Более того, ведущие ток–шоу не только не останавливают, но провоцируют и поддерживают подобные словесные поединки. В результате агрессивные высказывания, оскорбления, умаляющие сравнения и др. оказываются катализатором общения в жанре политического ток–шоу. Все это ведет к значительному росту и структурному усложнению конфликтогенных текстов» [Бинштейн 2022: 140].

Цели политического ток–шоу направлены на выражение мнения, отсюда высокая степень использования оценочных суждений в речи коммуникантов, а также привлечение внимания зрителя, как следствие, метафоричность и образность речи говорящих, и формирование определенного отношения к обсуждаемой теме. Вдобавок коммуникативные намерения адресатов нередко проявляются в стремлении оскорбить или дискредитировать оппонента в споре, унизить его честь и достоинство, умалить деловую репутацию, высказать предположение о предстоящей угрозе со стороны «врага», или, наоборот, косвенно или прямо предсказать неблагоприятные последствия для «противника» (тактика угрозы) [Бинштейн 2022: 140].

К функциям телепередачи помимо информационной, интегративной, также стоит отнести развлекательную как одну из ведущих и определяющих жанр ток–шоу. Участники ток–шоу осведомлены о наличии внешнего наблюдателя–зрителя (модель адресат–адресант) и о видео/аудиофиксации всего процесса общения. В речи это проявляется в желании выделиться – образность и выразительность становятся отличительной чертой текстов, языковые игры, авторские метафоры, каламбуры используются как средство привлечения внимания аудитории. Стилистические особенности жанра ток–шоу проявляются в широком использовании разговорных конструкций и стилистически сниженной лексики, а также в отклонении от литературных фонетических норм в сторону региональных фонетических черт.

Таким образом, методы современного лингвистического исследования активно применяются для разрешения самых различных прикладных задач, в частности, при написании судебно–лингвистических экспертиз. Сущность экспертной методики заключается в выявлении и оценке имеющихся в тексте лингвистических признаков разных уровней (текстового, синтаксического, лексического, морфологического, фонетического), характеризующих различные компоненты текста (денотативный, оценочный, иллокутивный, экстралингвистический) [Галяшина 2021: 207]. Делая вывод о наличии в тексте того или иного значения, лингвист учитывает такие компоненты высказывания как предмет речи, отношение, речевую цель. Так, например, следствием, связанным с жанровой природой политического ток–шоу, является эмотивно–оценочная модальность текста, диалогическое развитие темы, идея выражения собственного мнения и взглядов.

Выводы

Следствием перехода от изучения «внутренних» аспектов языка к «внешним» прагматическим составляющим стало углубленное исследование феномена дискурса. Под дискурсом понимается сложное коммуникативное явление, включающее как лингвистические, так и экстралингвистические факторы (знания коммуникантов о мире; мнения, установки и цели адресанта; коммуникативную ситуацию), участвующие в порождении и восприятии текста.

В широком смысле дискурсивный анализ предполагает изучение языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности [Ермакова 2014: 16]. Среди функций языка некоторые ученые особо выделяют функцию речевого воздействия, которая позволяет адресанту добиться максимального успеха в достижении своих целей в условиях общения. В качестве средства речевого воздействия рассматривают речевую манипуляцию, направленную на скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий, выгодных говорящему. При описании способов оказания воздействия на реципиента особое внимание уделяют

отображению вариативной действительности, осуществляемому через ряд приемов (использование стереотипов, метафор, эмоционально окрашенной лексики с положительной и отрицательной коннотацией, оппозиции «свои»–«чужие» и т.д.), позволяющих достичь желаемого результата. Следовательно, эффективность речевого воздействия зависит от выбора коммуникативных стратегий и тактик.

Коммуникативной стратегией следует считать определенную совокупность речевых действий, программу идей по наиболее эффективному воплощению речевого желания. В дискурсе коммуникативная стратегия достигается за счет успешной реализации коммуникативной тактики, представляющей собой определенный набор приемов использования тех или иных языковых средств.

Особой областью исследования речевого воздействия является политический дискурс, «представляющий собой вид речевой коммуникации, участники которой фокусируются на обсуждении и оправдании значимых действий, мнений и установок, а также на критическом обсуждении вопросов, помогающих достичь общественного согласия» [Бинштейн, Самыличева 2023: 4]. Политический дискурс обладает «широкой типологической структурой, позволяющей выделять различные подтипы дискурса в зависимости от его жанровой составляющей, тематики, институциональных, темпоральных и национально-культурных особенностей» [Хлопотунов 2022: 63]. Узкое понимание политического дискурса предполагает, что участниками политической коммуникации могут быть исключительно представители политической элиты, имеющие тесные связи с политическим институтами. При широком подходе лингвисты рассматривают политический дискурс как динамичную систему, постоянно пополняющуюся за счет политических изменений в мире. В таком случае к политическому дискурсу относят все виды публичных, институциональных и частных бесед по политическим вопросам. Существование данного подхода обусловило выделение массмедийного (медийного) политического дискурса, в котором используются тексты, созданные журналистами и распространяемые с помощью прессы, телевидения, радио и Интернета.

Существуют разные подходы и к систематизации стратегий и тактик в политическом дискурсе. В работах ученых (В.О. Мулькеевой, В.Е. Чернявской, Е.Н. Молодыченко, О.Н. Паршиной и др.) наиболее подробно и всесторонне рассматриваются ключевые коммуникативные стратегии и реализующие их тактики, используемые политиками в своих выступлениях. Особое место в работах исследователей отводится «коммуникативным ходам», языковым средствам и коммуникативным приемам, позволяющим использовать методы речевого воздействия. Мы придерживаемся систематизации стратегий и тактик О.И. Иссерс и О.Л. Михалевой. В работах О.И. Иссерс исследуются механизмы планирования и контроля речи: автор предлагает классификацию стратегий, разделяя их на основные (когнитивные) и вспомогательные (риторические, диалоговые и прагматические), а также акцентирует внимание на тактиках дискредитации оппонента. В свою очередь, О.Л. Михалева, изучая специфику манипулятивного воздействия, выделяет стратегии «на повышение» и «на понижение», а также «стратегию театральности». Важным элементом авторской концепции является учет коммуникативных условий, которые диктуют выбор конкретных языковых и лингвопрагматических средств и определяют общую структуру политического текста.

Глава 2. Анализ речевого поведения участников российских политических ток–шоу

2.1. Специфика жанра ток–шоу в политическом массмедийном пространстве

В настоящее время средства массовой информации служат источником политических знаний, форумом, на котором обсуждаются глобальные вопросы. В контексте растущего идеологического и политического противостояния между участниками глобального мирового процесса СМИ выступают не только как средство, но и как коллективный институциональный субъект, принимающий активное участие в формировании и распространении дискурса.

Вслед за Е. А. Кожемякиным и рядом других исследователей [Кожемякин 2010; Полонский 2010, Ковш 2024 и др.], под медийным дискурсом в данной работе понимается «сфокусированная тематически и обусловленная социокультурно речемыслительная деятельность в пространстве масс-медиа, направленная на формирование общих мировозренческих принципов посредством передачи сообщений широкой аудитории» [Ковш 2024: 10]. При этом массовые коммуникации, представляющие собой социальный институт, «основной ролью которого является оценочное воздействие на социальные образования, более чем какой-нибудь другой [институт] подвержены влиянию изменений социально–политических реалий» [Науменко 2004: 100].

Современная медийная практика построена таким образом, «что именно новость оказывается центральным жанром, что отражает термин “новостная журналистика”» [Шмелева 2018: 271]. Следует учитывать, что вовлечение средств массовой информации в политическую деятельность способствовало актуализации двух процессов, влияющих на использование политического языка: посредничества и медиатизации. Термин «посредничество» относится к способам, «с помощью которых средства массовой информации (радио, печатная пресса, широковещательные новости, ток–шоу, цифровые медиа) участвуют в распространении сведений. Данный процесс включает в себя интерпретации политического мира посредством репрезентации событий, то есть создание

информационного аналога общества в неоднородной полемической среде. Журналистам также приходится адаптировать сложную и специфическую информацию для понимания в разнородной аудитории, склонной воспринимать сообщения по–разному» [Бинштейн, Самыличева 2023: 5].

«Медиатизация» относится к способам, с помощью которых медиатехнологии влияют на другие сферы, включая политику. Это процесс, с помощью которого средства массовой информации, проникающие в общественную жизнь, вынуждают участников политической коммуникации адаптироваться к логике СМИ или даже перенимать ее. «Медиатизация» – это «не «беспристрастное» посредничество, целью которого является объективное отражение действительности, а активное ее преобразование, направленное на достижение планируемых коммуникативно-прагматических эффектов» [Негрышев 2009: 17]. Участникам политической коммуникации приходится приспосабливаться к жанровой специфике, управлять стилем своего выступления. Необходимость создания образа эксперта, внушающего доверие, возлагает определенные коммуникативные нагрузки, вынуждает политических деятелей развивать навыки выглядеть одним из представителей группы «своих».

Не вызывает сомнений, что одним из важнейших средств политической коммуникации остается телевидение, выступающее в качестве конструктора политической реальности и сочетающее в себе черты двух дискурсов: политического и массмедийного. При этом «воздействие на массовое сознание через передаваемый СМИ контент, через формы подачи контента и постоянное укрепление доверия к СМИ у аудитории представляется мощным национальным ресурсом в деятельности государства и общества по формированию у граждан качеств патриота и гражданина» [Возженников, Кузнецов 2022: 108]. В контексте повышения роли информации в жизни общества, у телевидения «появляется возможность наиболее полной самореализации, как “четвертой власти”, пресса становится одним из доминирующих инструментов воспитания аудитории, общества» [Некрасов 2001: 3].

Значимой типологической характеристикой политического медиатекста является дискурсивная глубина: современный медиатекст изначально рассчитан на многоуровневое комментирование и дает возможность «продолжать диалог практически бесконечно», что создаёт феномен «многоступенчатого, углубленного текста с открытой процессуальностью» [Басовская 2020: 30]. Следствием того, что «современная политическая коммуникация в основном опирается на практические рассуждения о действиях в ответ на обстоятельства и события в свете определенных целей и ценностей, стала возросшая популярность политического ток–шоу, телевизионного дискуссионного жанра, функцией которого является формирование коллективной политической картины мира с помощью разработки и трансляции определенных образов и смыслов, идеологических установок и ценностных ориентаций» [Бинштейн, Самыличева 2023: 5].

Политическое ток–шоу можно определить как речевое событие, контролируемое ведущим, формируемое участниками и оцениваемое аудиторией; как совокупность медиапрактик не только отражающих изменения, происходящие в социополитическом пространстве, но и играющих значимую роль в построении публичной сферы. Одни исследователи под понятием «политическое ток-шоу» понимают дискуссию, обсуждение актуальной темы с участием приглашенных в студию экспертов, т.е. отмечают, что ток–шоу – это «аналитический жанр телевизионной публицистики, разговорная программа, в которой идет публичное обсуждение актуальной проблемы с участием приглашенных героев, экспертов и зрителей» [Грабельников, Гегелова 2018: 233]. Другие утверждают, что политическое ток-шоу – «это массовая коммуникационная программа в форме беседы общественных и государственных деятелей, в ходе которой есть возможность задавать вопросы ведущим и гостям» [Шигабетдинова, Кулагина 2023: 5]. В этом случае дискурсивной особенностью жанра становится наличие интерактивного и аттрактивного контента: например, ведущие российского ток-шоу «Место встречи» вовлекают телезрителей в процесс обсуждения, предлагая им проголосовать в социальных сетях и высказать свое мнение относительно разбираемой темы, результаты опроса озвучиваются в прямом эфире.

Традиционной составляющей для данной передачи является завершение выпуска анекдотом от ведущего Андрея Норкина, что также следует рассматривать как следствие ориентированности на зрителя.

В качестве ключевых составляющих реализации общественно-политических ток-шоу выделяют: проведение дискуссии общественного и политического характера, присутствие зрительской аудитории, а также возможность получения обратной связи от телезрителей, активная роль ведущего (ведущих), театрализация дискуссии [Подобедова 2021: 68]

Форма дискуссии отличается зрелищностью и контрастностью подачи материала и потому является наиболее популярной и успешной для телевизионных ток–шоу. В прямом эфире можно наблюдать столкновение противоположных, нередко конфликтующих сторон, обсуждающих социально–значимые проблемы. Т.Б. Троицкая, рассматривая полемику в дискурсивно-когнитивной парадигме, отмечает, что «полемика может реализовываться в различных типах дискурса в виде определенной персуазивной стратегии, в которой происходит столкновение мнений, суждений, интересов коммуникантов» [Троицкая 2008: 10]. Формат дискуссионного обсуждения предполагает, что участники коммуникации разрешают возникшие расхождения во мнениях путем изложения обоснованной и объективной точки зрения, успешно отвечающей на возможные критические вопросы.

Одной из особенностей политических ток–шоу является их полуинституциональный характер, поскольку они демонстрируют смесь характеристик, связанных как с непринужденной беседой, так и с институциональным дискурсом [Ilie 2001: 240]: речь экспертов ток–шоу стилистически неоднородна, часто содержит слова разговорного стиля, сниженного характера, жаргонизмы, просторечия и т.д., но при этом коммуникативный процесс регулируется определенными правилами и ограничениями, а темами обсуждения в телеэфире становятся серьезные политические вопросы, события, влияющие на мировую политику. Однако политическое ток–шоу не является строго информативным жанром, поскольку в

нем отсутствует установка на объективность и беспристрастность, не исключается эмоциональная оценка.

Современное российское телевещание отличается значительным увеличением информационно–аналитических программ в жанре политических ток–шоу. На основных федеральных телеканалах в эфир выходят телепрограммы «Время покажет», «Большая игра», «Куклы наследника Тутти» (Первый канал); «60 минут», «Вечер с Владимиром Соловьевым», (Россия–1); «Право знать» (ТВЦ); «Место встречи» (НТВ) и др. В переполненном массмедийном пространстве участники ток–шоу имеют уникальную возможность расшифровать огромный ежедневный поток официальных политических сообщений. Ключевым фактором «конкурентоспособности российских общественно-политических ток-шоу являются медийные эксперты, в связи с чем продюсеры стараются привлекать к участию наиболее харизматичных и осведомленных специалистов в своей области» [Подобедова 2021: 73]. В ток–шоу выступления экспертов иногда прерываются ведущими или другими участниками передачи, которые дают дополнительные комментарии, выражают согласие или несогласие с оратором. В качестве ведущих общественно-политических ток-шоу приглашаются «опытные журналисты с подавляющей чужое мнение манерой общения, разбирающиеся в политических, социальных, экономических вопросах и владеющие ораторским мастерством» [Подобедова 2021: 68]. В таких случаях ток–шоу демонстрирует дискурсивные особенности подобные жанру политических дебатов. Это приводит к тому, что ток–шоу демонстрирует модели коммуникативного и социального поведения, которые могут быть связаны с более чем одним типом дискурса. Например, ток–шоу можно рассматривать как своего рода развлекательную программу, в которой участники шутят и иронизируют, но в то же время, данный формат можно отнести к категории новостных интервью, поскольку в нем комментируются актуальные вопросы, предоставляется информация, касающаяся текущих социальных и политических проблем.

Жанр политического ток–шоу представляет собой коммуникативное пространство, в котором ежедневно дается реакция на значимые политические

события, разворачиваются дискуссии, происходит обмен мнениями, привносится интерактивность в публичную сферу.

При этом исследователями отмечается, что разговоры о политике имеют положительный эффект для аудитории, поскольку способствуют повышению уровня информированности населения о текущих событиях и государственных действиях. Лассуэлл отмечал, что «демократия зависит от разговоров» [Harold, Lasswell 1941: 81], т.е. можно говорить о том, что политические ток-шоу «обогащают демократию, улучшая качество общественного мнения и повышение гражданской сознательности» [Bennett, Flickinger, Rhine 2000: 101]. Коллективные обсуждения позволяют формировать критическое мышление, побуждают граждан задавать вопросы и искать решения в условиях сложных социальных и экономических изменений. В этих условиях общественно-политические ток-шоу могут укреплять социальные связи, создавая пространство для конструктивного обмена мнениями и идеями.

Поскольку «телевидение и политика стали взаимодополняющими институтами, коммуниканты современного политического дискурса вынуждены думать об интерактивной аудитории и ее способности подвергать сомнению, бросать вызов, распространять и модифицировать сообщения, которые она получает» [Бинштейн, Самыличева 2024: 203-204]. Следствием совместной работы ведущих и экспертов политических ток-шоу у аудитории возникает *эффект присутствия*, который достигается посредством обращения участников телепередачи напрямую к зрителю, использования конструкций с личными местоимениями множественного числа типа «мы с вами понимаем», «мы с вами знаем», возможности комментирования обсуждения с помощью смс или участия в онлайн-голосованиях. Еще одним типом реакции, возникающей у аудитории, является *эффект диалога,* который достигается с помощью представления противоположных взглядов и мнений, которые зрители могут как принять, так и оспорить.

Интерактивность средств массовой информации придала политическим дискуссиям народный тон, позволив непрофессионалам высказаться о том, что

когда–то считалось крайне эксклюзивным дискурсом. Некоторые ученые склонны говорить о тенденции к слиянию политического дискурса с медийным пространством [Ровинская 2002: 23, 90]. Исходя из этого современная публичная политика формируется во многом при участии различных компетентных групп: специалистов, политологов, ученых, журналистов, публицистов, которые тщательно изучают и комментируют актуальные проблемы, но при этом необязательно входят в состав институциональной власти. Интересна обозначенная ранее тенденция, связанная с изменением современной политической речи в сторону более неформального, разговорного стиля. Так, «моделирование публичного дискурса на основе обычного разговора» [Fairclough 1998: 160] некоторыми исследователями рассматривается в качестве стратегического средства, позволяющего актору убедительно представить политическую позицию. Демонстрируя активное участие в экспертной беседе, ведущие и участники ток-шоу открыто выражают собственное мнение, а также демонстрируют в выступлениях индивидуальный стиль общения. Благодаря «переключениям на неформальный язык, смешению элементов из разных – даже разнородных – регистров, использованию идиом и популярных поговорок ораторы представляют себя как обитающих в том же мире здравого смысла, что и зрители. Они принимают на себя роль публичных представителей, сопоставляя повседневные заботы простых людей с абстрактными или безличными экспертными рассуждениями» [Patrona 2006: 22].

Еще одной отличительной чертой политического ток–шоу является активная роль ведущего и неравномерное распределение ролей между коммуникантами: текст в ток–шоу создается «всеми участниками дискуссии под контролем интенции и замысла модератора, выстраивающего очередность аргументирующих высказываний гостей в цепочку аргументов и контраргументов так, что их совокупность ведет к выводу, который соответствует его собственной позиции» [Конькова 2015: 224].

Чтобы охватить широкий, динамичный и часто непредсказуемый информационный поток массмедийная среда заставляет политических деятелей

применять в своей речи коммуникативные стратегии и тактики, реализация которых позволяет конструировать политическую реальность. В процессе политической коммуникации речь акторов «обогащается приемами воздействия, а именно речевыми стратегиями и тактиками, которые играют ключевую роль в политическом дискурсе: в условиях ограниченного эфирного времени умение молниеносно поразить соперника или влюбить в себя аудиторию является бесценным» [Ерохов 2016: 40]. Например, доверие к выступающему (одна из важнейших коммуникативных стратегий в политическом дискурсе) нередко формируется благодаря тактикам вежливости и солидаризации, выражению дружелюбия и позитивного внимания по отношению к аудитории, что приводит к сокращению дистанции между телезрителями и экспертами ток–шоу.

Таким образом, современная публичная сфера «оживает во всей своей неопределенности и противоречивости в дискурсах текущего медийного продукта и распространяется через них. Сосредоточение внимания на разговорных практиках медиаакторов сегодня может пролить свет на социокультурные процессы, происходящие в медиа, а также на способы, которыми они воплощаются в жизнь в опосредованном взаимодействии» [Patrona 2006: 24].

2.2. Коммуникативные стратегии и тактики в российских политических ток–шоу («60 минут», «Время покажет», «Место встречи»)

Жанр политического ток-шоу предполагает наличие группы экспертов, которые под руководством ведущих рассматривают и обсуждают значимые общественно-политических события, темы геополитики, внутренней и внешней политики своей страны – «основными инфоповодами становятся события, которые являются яркими и интригующими и влияют на ситуацию в мире» [Шигабетдинова, Кулагина 2023: 5]. В российских ток-шоу большое внимание уделяется положению России на международной арене, ее отношениям с другими государствами: гостями и экспертами телепередач рассматриваются вопросы, относящиеся к внутренней политике и к смежным с ней сферам, обсуждаются

портреты мировых политических лидеров. Нередко в прямом эфире ток-шоу устанавливается видеосвязь с независимыми экспертами из других стран, что не только позволяет расширить аудиторию канала, но и «решает проблему достоверности: вы все видите собственными глазами» [Клушина 2020: 22].

Сценарий ток-шоу представляет из себя комбинирование тематических новостных сюжетов с вопросами и комментариями гостей студии. Будучи форматом, «ориентированным на адресата-зрителя, политические ток–шоу одновременно нацелены на множественную аудиторию, состоящую из собеседников, к которым обращаются напрямую, и разнородной аудитории телезрителей. В качестве гостей ток–шоу часто присутствуют как профессиональные политики, так и эксперты, не входящие в политическую элиту» [Бинштейн, Самыличева 2024: 206]. Продюсеры общественно-политических ток-шоу приглашают к участию депутатов, политологов, военных экспертов, историков, журналистов, общественных деятелей в целях формирования позиции, которая покажется авторитетной и убедительной для аудитории. Ведущий ток–шоу занимает сильную позицию в коммуникации, следит за большей частью обсуждения, модерирует дискуссии между участниками, нередко выступает в качестве аналитика, комментатора и эксперта.

Стоит отметить и невербальную составляющую, способствующую укреплению доверия к телевизионному формату и предоставляемому им контенту. Так, в российских политических ток-шоу преобладает синяя, голубая («60 минут», «Время покажет») и зеленая («Место встречи») цветовая гамма, которая наблюдается не только в заставке передач, но и в оформлении студий. В психологии и лингвокультурологии данные цвета традиционно ассоциируются с «бесстрастностью, надежностью, стабильностью и безопасностью» [Кошеренкова 2015: 158], что оказывает положительное влияние на аудиторию, повышает концентрацию внимания.

В выпусках исследуемых ток-шоу при обсуждении актуальных вопросов ведущие используют дополнительный иллюстративный материал, представленный в виде инфографиков, цитат, карт, видеосюжетов, скриншотов и т.д. Эти средства

делают выступления более наглядными и интерактивными, улучшая зрительское восприятие и понимание и делая ток-шоу понятным и привлекательным для аудитории. Для политических ток-шоу характерно формирование общего доминирующего повествования, которое также должно быть убедительным для адресата. Несмотря на то, что «большинство нарративных изменений могут происходить медленно в течение длительного периода, как только основной дискурсивный нарратив сформирован, он имеет сильную способность укрепляться» [Цао Дэцзюнь 2022]. Отдельные выпуски жанра ток-шоу становятся подкреплением общего лейтмотива и приобретают самоподдерживающую силу. В эфире могут являться разные действующие лица, представляющие новые идеи и позиции, которые в то же время будут взаимодействовать с уже существующим повествованием.

Важно отметить, что в рамках этих программ участники, «высказывая свою позицию, формируют представления и “ведут” эмоции и мысли зрителей в определенном направлении, транслируя собственную оригинальную картину мира и систему взглядов. При этом все высказываемые позиции направлены не только на то, чтобы доказать свою правоту, но и показать, что именно данное видение проблемы является наиболее “патриотичным” [Попкова 2016: 657]. Исследователями отмечается, что государственная языковая политика становится «одним из важнейших инструментов конструирования национальной идентичности» [Юдина, Ковалева 2020: 13]. В российских ток-шоу как ведущие, так и приглашенные эксперты выступают с ярко выраженной патриотической точкой зрения. Это означает, что они склоняются к поддержке своей страны в различных обсуждениях, посвященных анализу политических событий или проблем. Подобное акцентирование на патриотизме, силе своего государства и его достижениях может влиять на то, какие вопросы будут подняты в эфире, как будет интерпретироваться информация и какие аргументы будут поддерживаться или опровергаться участниками ток-шоу. Имплицитная положительная оценочность для концепта ПАТРИОТИЗМ «закономерно порождается его общеязыковой семантикой ‘проникнутый патриотизмом’, ‘исполненный патриотизма’,

‘выражающий чувство патриотизма’ и пр., в результате чего имплицируются положительно-оценочные коннотации, имеющие ценностную значимость для говорящего; ‘соответствующий национальным идеалам и ценностям’; ‘истинный, правильный, тот, который должен быть’ и под.» [Радбиль 2023: 79]. В подобных условиях применение многих агональных коммуникативных тактик (дискредитация, обвинение, конструирование образа врага и т.д.) может быть обусловлено стремлением актора «защитить» облик своей страны, мобилизовать общественное мнение в поддержку государственной политики. Данный подход отражает не только личные взгляды экспертов, но и является частью общей риторики ток-шоу. При этом акцент на патриотизме не исключает возможность критического анализа и свободного обмена мнениями.

Постоянное использование профессиональными политиками и экспертами ток–шоу определенных языковых средств и коммуникативных приемов позволяет создать общую классификацию, отражающую особенности реализации коммуникативных задач, обусловленных актуальными политическими процессами. В следующих параграфах рассмотрим ключевые коммуникативные стратегии и тактики, применяемые ведущими и экспертами российских социально-политических ток–шоу «60 минут», «Время покажет», «Место встречи».

2.2.1. Стратегия на понижение

Реализация данной стратегии связана с представлением референта в отрицательном ключе, со стремлением оратора прямо или косвенно дать негативную оценку как объекту обсуждения, так и исследуемой ситуации в целом, то есть «понизить» исследуемый образ в глазах аудитории. Для достижения обозначенных целей в речи ведущих и экспертов политических ток-шоу используются следующие тактики:

1) Тактика анализ–«минус»

Использование данной тактики подразумевает выражение отрицательного отношения к описываемому предмету. В качестве языковых средств и коммуникативных приемов, способствующих реализации тактики анализ–«минус», можно выделить:

Лексико-стилистические средства реализации

А) Использование оценочной лексики и лексики с отрицательной коннотацией позволяет актору подчеркнуть негативные аспекты, обозначить недостатки или выделить слабые стороны рассматриваемого объекта, и, как следствие, сформировать более критичное восприятие обсуждаемого, например:

Ольга Скабеева: ***Тест на патриотизм в самом извращенном его понимании****, то есть проверка фактически на* ***русофобию****: в прямом эфире выбирали себе музыканта для конкурса «Евровидение», для песенного конкурса* («60 минут», вечерний эфир 25.02.2019)[1].

В высказывании используется «словесный ярлык» *русофобия* (‘неприязнь, ненависть, враждебность или иные негативные чувства по отношению к России, русским или их языку, истории и культуре’ [Савельев 2008]; ‘враждебное неприятие всего русского – языка, культуры, обычаев, образа жизни русских’ [Шведова. Т.3, 1998]), обобщенно описывающий действия целой группы. Также актор называет произошедшую ситуацию *тестом на патриотизм в самом извращенном его понимании* – приведенное высказывание содержит оценочную лексему: *извращенный* – ‘искаженный; отклоняющийся от естественной нормы; ненормальный’ [МАС 1999]. Эмотивно-оценочный контекст, в который погружены выявленные доминанты *тест на патриотизм, извращенное понимание, русофобия*, представляется абсолютно негативным, что проявляется в систематическом формировании образа оппозиции через ассоциации с предательством, манипуляцией и культурным отторжением. С помощью уточнения *для песенного конкурса* ведущая имплицитно выражает оценку, делает акцент на том, что конкурс «Евровидение» является песенным, а значит, не должен иметь политического подтекста.

Евгений Попов: *Новые* ***громкие*** *и* ***постыдные*** *детали в деле с задержанием российских граждан в Белоруссии. Ну, вот, например, для публикации объявления о найме россиян,* ***якобы*** *для работы в Венесуэле* («60 минут», дневной выпуск 11.09.2020).

[1] Здесь и далее в текстовых примерах представлены авторские стенограммы анализируемых телепередач.

Позицию ведущего можно увидеть в лексемах, несущих субъективную характеристику: *громкий* – ‘получивший широкую известность, огласку’ [МАС, 1999], актуализирует отрицательную коннотацию, *постыдный* – ‘такой, которого следует стыдиться; позорный’ [там же], а также через модальную частицу *якобы*, указывающую на сомнения говорящего в достоверности сведений.

Ольга Скабеева: ***Абсурдные законы штата*** *позволяют самому трансгендеру решать* ***на полном серьезе,*** *хотел бы он сидеть в мужской или женской тюрьме. Независимо от того, какие у уголовника присутствуют или отсутствуют органы половые* («60 минут», вечерний выпуск 20.07.2022).

В речи ведущей содержится субъективная оценка ситуации. Негативное отношение к описываемым событиям выражено с помощью оценочной лексики (*абсурдный* – ‘нелепый, противоречащий здравому смыслу; нелогичный’ [Кузнецов 2000]), а также через устойчивое выражение *на полном серьезе,* имеющее значение ‘со всей серьезностью, на самом деле, не шутя’ [Ефремова 2000], имплицитно указывающее на бессмысленность рассматриваемого закона, поскольку ведущей приходится уточнять, что она не шутит (тем самым оратор словно предугадывает негативную реакцию аудитории).

Артем Шейнин: *Если все и везде запоминают из без преувеличения важного, важнейшего события международных отношений – встречи президента США и председателя Китайской народной республики – историю о том, как* ***странно вел*** *себя Тони Блинкин и как* ***неудачно закончил*** *Байден высказыванием о том, что Си Цзиньпин – это диктатор, действительно* ***возникают вопросы, настолько ли продуктивными были эти переговоры*** («Время покажет», 16.11.2023).

В выступлении эксперт оценивает эффективность встречи президента США и председателя Китайской народной республики, указывает на возможные проблемы в общении референтов. С помощью повтора *важный, важнейший* подчеркивается значимость анализируемого события, которое запомнилось, как отмечает говорящий, не политическими достижениями, а поступками представителей американской стороны: маркерами мнения являются лексемы *странно* (‘вызывающе удивление, недоумение’) и *неудачно* (‘безуспешно;

неудовлетворительно, плохо’ [Горбачевич, Герд. Т.12, 2004: 323]). С помощью выражения *возникают вопросы* эксперт ставит под сомнение продуктивность таких переговоров.

Андрей Норкин: *Потому что вот опять же такой как бы* ***миф****, что есть какие-то там, я не знаю,* ***мракобесы****, которые вот лоббируют запреты на принятие таких законов под видом того, что* ***государство залезет грязными лапищами в семью*** («Место встречи», 06.05.2024).

Ведущий для описания противоположной позиции использует лексему *миф* в переносном значении ‘о чем-либо фантастическом, неправдоподобном, о вымысле, выдумке’ [Горбачевич, Герд. Т.10, 2004: 461], тем самым косвенно указывает на то, что исследуемая точка зрения не соответствует действительности. Эмоциональность речи достигается через использование лексемы *мракобесы* (‘ярый враг прогресса, культуры, просвещения, науки; реакционер, обскурант’ [Горбачевич, Герд. Т.10, 2004: 239]), а также выражения *залезет грязными лапищами в семью*.

Иван Трушкин: *А вот конференция по так называемой Формуле мира, швейцарская, которая должна через месяц состояться, выглядит все* ***менее и менее презентабельно****. Известно, что Россия там представлена не будет, ее просто не позвали. Вот страны* ***глобального юга, видя все это, одна за другой говорят, что без России там делать нечего*** («Место встречи», 17.05.2024).

Тактика анализ-«минус» применяется в данном примере для указания на отрицательные аспекты конференции, включая отсутствие России и недовольство этим фактом со стороны других стран (*без России там делать нечего*). Конструкция *менее и менее* в сочетании с наречием *презентабельно* употребляется для выражения усиленного отрицания, указания на то, что, по мнению оратора, конференция не является ‘представительной и высокоуровневой’ [МАС 1999]. Акцент на том, что страны глобального юга высказывают мнение о том, что без участия России конференция лишена смысла, позволяет усилить статус собственного государства в глазах аудитории.

Андрей Норкин: *Вот я посмотрел, читал, что-то мне как-то этот* ***план мало внушает доверия,*** *все более* ***туманным*** *кажется. Ну, какая-то такая* ***филькина грамота непонятная****. Но если мне кажется, что это план* ***дурацкий****, значит кому-то это тоже кажется, что план* ***дурацкий*** («Место встречи», 27.06.2024).

Ведущий выражает недоверие к обсуждаемому плану, сомнения относительно его целесообразности и качества. Актор представляет собственное мнение, что делает его позицию более личной и убежденной (маркеры мнения – личные местоимения первого лица *я, мне*). Для описания объекта использует фразеологизм *филькина грамота* (‘о пустой, ничего не стоящей бумаге, не имеющем никакой силы документе’ [Федоров 2008], выражение *мало внушает доверия,* оценочные лексемы *туманный* (в переносном значении ‘неясный, непонятный, неопределенный’ [МАС 1999]), *непонятный* – ‘недоступный пониманию, необъяснимый, странный’ [там же], повтор лексемы *дурацкий* ‘глупый, смешной, нелепый’ [там же], указание на то, что данная идея может показаться неправильной не только оратору, но и другим экспертам (*значит кому-то это тоже кажется*).

Б) Сравнения, аналогии, фразеологизмы, метафоры, обладающие негативным персуазивным потенциалом при реализации тактики анализ–«минус» играют значимую роль в формировании отрицательного восприятия объекта обсуждения, поскольку позволяют сформировать яркие образы, которые усиливают критику и делают аргументы более запоминающимися, например:

Андрей Никулин: *Проблема в том, что* ***европейская гора тужилась полгода, даже больше, и родила в итоге мышь****.* ***Причем не обычную, а трехголовую: одна голова британская, другая – французская, а третья – немецкая*** («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

В своем выступлении эксперт описывает политический союз трех европейских государств в ироническом, анекдотичном ключе: выражение «европейская гора… родила мышь» является ироничным и гиперболическим и подчеркивает несоответствие между ожиданиями и реальностью – вместо

результата от долгих усилий (*полгода*) появляется нечто незначительное и даже комичное (*мышь*).

Константин Семин: *То, что на экране мы видим, честно, иначе* ***как психбольницей я это назвать*** *не могу.* ***Дурдом****, по–моему, какой–то, наверное, это и есть торжество общества постмодерна* («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Позицию говорящего по отношению к анализируемой ситуации позволяют передать лексемы *психбольница* и *дурдом*, используемые в переносном значении ‘глупость, неразбериха, неорганизованность, путаница, бардак; запутанная ситуация абсурдное положение’ [Елистратов 2002: 125] и соотносимые с абсурдом и указывающие на нелепость происходящих событий, по мнению актора.

Ольга Скабеева: *И вот сегодня состоялось первое судебное заседание. Ефремова привезли,* ***но в суд не явился его адвокат****.* ***Эльман Пашаев сказал, что он занят, и вообще заявил странное****. Я процитирую: «Алкоголь придумали, чтобы его употреблять. Так что какие у вас претензии к моему подзащитному?» Заявил он это почему–то из Новосибирска.* ***Происходящее вообще все больше напоминает цирк, если бы не погибший водитель грузовика. В остальном складывается полнейшее ощущение, что Ефремов решил издеваться*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Ведущая негативно оценивает действия адвоката Эльмана Пашаева, который не явился на судебное заседание, также отмечает парадоксальность ситуации: *заявил странное* (лексема *странный* имеет значение ‘вызывающий недоумение, удивление своей необычностью’ [МАС, 1999]), *заявил он это* ***почему–то*** *из Новосибирска* (наречие *почему–то* – ‘по неизвестной причине; отчего–то’), *все больше напоминает* ***цирк*** (сравнение анализируемых событий с цирком иплицитно реализует значение ‘комическая, абсурдная, странная ситуация’). В речи отсутствует источник мнения, что позволяет ведущей сделать общий вывод, имплицитно выразив свое негативное отношение: *складывается полнейшее ощущение, что Ефремов решил издеваться* (*издеваться* – ‘насмехаться, глумиться’ [МАС 1999]).

Алексей Леонков: *То есть там окажется та самая третья сила, которую запустит этот* ***кровавый маховик*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Метафора *кровавый маховик* позволяет эксперту выразить негативное отношение к рассматриваемой ситуации: лексема *кровавый* имеет значение ‘сопровождающийся кровопролитием, связанный с кровопролитием’ [Кузнецов 2000] и ассоциируется в сознании аудитории с действием, нарушающим нормы морали.

Геворг Мирзаян: *Я вот сейчас перед эфиром сижу, пытаюсь сдать ЕГЭ по истории. Ну извините, этот текст напишет* ***любая дрессированная обезьяна, которую дрессировали писать тест по истории в течение 2–3 лет****, но он не будет знать никаких исторических процессов* («Место встречи», 10.06.2024).

Эксперт полагает, что стандартизированные тесты не способствуют развитию глубокого понимания предмета и не отражают реальные знания и умения учащихся. С целью показать недостатки единого государственного экзамена говорящий отмечает, что с данным испытанием может справиться *любая дрессированная обезьяна, которую дрессировали писать тест по истории в течение 2–3 лет,* через сравнение актор имплицитно характеризует экзамен как неэффективный и несправедливый метод, как тест, который учащийся может написать, не имея при этом реальных знаний.

Михаил Матвеев: *Я хочу сказать еще об одной важной вещи. Смотрите, сейчас* ***человек, который сдает экзамен по ЕГЭ, он становится крепостным, зависящим от того набора предметов, которые он собрал*** («Место встречи», 10.06.2024).

Эксперт видит недостатки в образовательной системе, полагает, что она ограничивает свободу выбора у обучающихся и вынуждает их изучать исключительно те предметы, которые необходимы для поступления в высшие учебные заведения. В своем выступлении оратор уподобляет человека, готовящегося к сдаче ЕГЭ, *крепостному*, тем самым акцентируя внимание на зависимости ученика от ограничений и требований образовательной системы.

Николай Новичков: *В общем я считаю, с этим* ***мракобесием*** *нужно бороться, потому что это разрушает людям психику, вселяет ложные надежды, это* ***такой информационный наркотик*** («Место встречи», 27.06.2024).

Говорящий подчеркивает необходимость бороться с обсуждаемым явлением: тактика анализ–«минус» реализуется посредством использования метафоры *информационный наркотик*, ассоциирующейся в сознании аудитории с отрицательным явлением и актуализирующей сему ‘зависимый’, а также лексемы *мракобесие* (‘вражда к прогрессу, просвещению’ [Горбачевич, Герд. Т.10, 2004: 461]) и указания на негативно оцениваемые действия*: разрушает людям психику* (глагол *разрушать* используется в переносном значении – ‘губить, расстроить, уничтожить’ [МАС 1999])*, вселяет ложные надежды* (‘заставить людей поверить в то, что не является правдой’ [Федоров 2008]).

Алексей Мухин: *Ну, на самом деле это очень трагично, потому что идет* ***вскрытие консервным ножом ментальности человеческой*** *просто* («Время покажет», 05.08.2024).

Маркерами мнения в приведенном контексте являются оценочная лексема с *трагично* (‘тяжело, страшно, ужасно’ [МАС 1999]), а также развернутая метафора *вскрытие консервным ножом ментальности человеческой,* которая позволяет представить ситуацию как грубое воздействие на человеческое сознание.

В) Стилистическая неоднородность при реализации тактики анализ–«минус» проявляется в смешении регистров языка, что позволяет говорящему сделать акцент на негативных аспектах анализируемого объекта, а также выразить отношение к описываемым событиям или явлениям, подчеркнуть их недостатки и неэффективность, например:

Ольга Скабеева: *Власти Берлина* ***неожиданно*** *профинансировали и* ***показали–таки*** *на сцене берлинского театра имени Максима Горького спектакль о личности Степана Бандеры.* ***Невероятно***, *главная особенность произведения в том, что биография рассматривается с оценкой* ***«спорная»****, а* ***исполняется все это действо под хип–хоп музычку*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

В исследуемом контексте авторская позиция передается посредством иронического удивления, выраженного через лексемы *неожиданно*, *невероятно*, разговорно–просторечную частицу *–таки*, по своему значению приближенную к «союзам уступительного противопоставления» [Русская грамматика 1980], выступающую в значении: ‘тем не менее, все же, все–таки’ [МАС 1999]. В высказывании *исполняется все это действо под хип–хоп музычку* отношение говорящего к описываемым событиям выражено при помощи стилистической неоднородности: совмещения устаревшего слова *действо* (‘театральное представление’), заимствованного *хип–хоп* (варваризм от англ. «hip–hop»), а также деминутива *музычка* (суффиксальный способ, разговорный суффикс *-к-* добавляет эмоциональный компонент отрицательного спектра) – все это придает пренебрежительный оттенок речи, имплицитно выражает позицию ведущей по отношению к рассматриваемой теме.

Игорь Коротченко: *Что касается* ***Байдена – человек путает жену с сестрой. Вдруг он перепутает кнопку ядерного чемоданчика с ручкой собственного унитаза? Ватерклозета?*** *И, понимаете, это опасно. Современная Америка порождает хаос* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Сниженная направленность высказываний эксперта связана с шутливым предположением о том, что референт не в состоянии отличить *кнопку ядерного чемоданчика* от ручки *собственного унитаза,* что имплицитно свидетельствует о профессиональной некомпетентности (гротеск способствует доведению ситуации до крайности, используется неуместная для политического дискурса стилистически сниженная лексика). Саркастический тон речи достигается посредством стилистической неоднородности: *ватерклозеты* (‘уборная’, варваризм: от англ. water–closet), бытовая лексика *унитаз* [Самыличева, Бинштейн 2025: 18].

Феликс Шультесс: *Но, находясь в Берлине, меня абсолютно* ***бесит*** *вот эта* ***конспирология****, то есть очень воинственный потенциал у большого количества людей, которые* ***наотрез отказываются*** *и пытаются даже* ***нарочито*** *показать,*

что ничего страшного, обнимаются, целуются. <> То, что в Германии дух противоречия – здесь это просто ***пофигизм*** («Время покажет», 15.09.2021).

Средством реализации тактики анализ-«минус» в исследуемом контексте являются разговорная лексема *бесит,* употребляемая в значении ‘приводить в крайнее раздражение, сильно сердить’ [МАС 1999]; лексема *конспирология* (‘область знаний, которая изучает теории заговора и предположения о тайных планах и управлении миром’ [Кузнецов 2000]), которая по отношению к объекту обсуждения имплицитно реализует сему ‘ненаучный’, ‘неразумный’; устойчивое разговорное выражение *наотрез оказываются,* то есть ‘решительно, категорически, не соглашаться с чем-либо’ [МАС 1999], а также наречие *нарочито* (‘умышленно, подчеркнуто’ [там же]), обладающее книжной стилистической окраской; жаргонизм *пофигизм* – ‘презрение к внешним условностям’ [Елистратов 2002]. Стилистическая неоднородность позволяет оратору выразить отрицательное отношение к действиям группы лиц, которые не соглашаются следовать мерам безопасности и пренебрегают правилами, установленными для защиты здоровья и жизни.

Ольга Скабеева: *Как взять на мушку за две недели в должности министра обороны Германии Ламбрехт, так и не придумала. Вспомнила, что раньше была министром по делам семьи и женщин, и* ***решила по–женски испортить семейный, как ей кажется, семейный праздник – Рождество. Предложила не пускать его и его окружение в бутики, это прямая цитата, на Елисейских полях.*** *Хотя,* ***я смею предположить,*** *туда он точно не ездит. Видимо, это все, чем нынешний бундесвер способен напугать Кремль* («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

Ведущая реагирует на решение немецкого политического деятеля ввести санкции против представителя Российской Федерации. Фраза *решила по–женски испортить* имплицитно реализует гендерный стереотип о женском эмоциональном, хитром и нечестном способе ведения «борьбы», что отрицательно характеризует деловые качества референта. Иронический эффект возникает из-за несовпадения степени угрозы с реальными негативными последствиями, которые

она могла бы причинить: *предложила не пускать его и его окружение в бутики <...> на Елисейских полях.* Ведущая уточняет, что не искажает тезисов Кристины Ламбрехт (*это прямая цитата*), что является скрытым выражением позиции говорящего: говорящий акцентирует внимание на абсурдности меры воздействия, а сама лексема *цитата* указывает на дословность воспроизводимого текста. Средством выражения иронии является и стилистическая неоднородность: книжная лексика *я смею предположить,* разговорная *взять на мушку* (‘сосредоточивать на ком-либо, чем-либо свое внимание, брать под наблюдение’ [МАС 1999]) нарушают общую стилистическую картину выступления и делают речь более интересной и запоминающейся для аудитории.

Артем Шейнин*: Нет, предложение наших коллег – сжечь* ***нахрен*** *всю лестницу. Собственно, некуда было подниматься, потому что, куда ты пойдешь, если лестница сгорела и пепел оттуда летит*? («Время покажет», 16.11.2023).

Прагматический эффект в приведенном контексте достигается за счет использования бранной лексемы *нахрен,* которая употребляется в значении ‘совершенно, полностью’ и репрезентует негативное отношение говорящего к объекту обсуждения.

Грамматические средства реализации

А) Употребление **вводных слов и конструкций** при достижении целей тактики анализ–«минус» позволяет актору ввести в свое выступление оценочную модальность для выражения личного (негативного) отношения к определенной проблеме, например:

Ольга Скабеева: *Нужно посмотреть, театральное произведение,* ***если его так можно назвать*****,** *входит в цикл «мифы реальности»* («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

В исследуемом высказывании вводная конструкция *если его так можно назвать* позволяет имплицитно выразить отношение говорящего к предмету речи, то есть сомнение в возможности употребления номинации *театральное произведение* по отношение к обсуждаемому спектаклю.

Николай Новичков: *Россия по математической грамотности и по читательской грамотности находится на девятом месте в мире. Мы отстаём от других стран.* ***К сожалению****, мы где-то в середине находимся по естественно-научной грамотности, но получается, что математическая грамотность есть, и читательская у нас на очень неплохом уровне* («Место встречи», 27.06.2024).

Актор делает вывод, что математическая и читательская грамотность в России находятся на хорошем уровне, но при этом отмечает, что существует потенциал для улучшения в области естественно-научной грамотности. Маркером мнения является вводное слово *к сожалению,* с помощью которого говорящий выражает огорчение по поводу объекта обсуждения.

Б) Эмоционально-экспрессивные частицы в неодобрительных высказываниях способствуют репрезентации отрицательных коннотаций, например:

Ольга Скабеева: *Пробиваться через толпу пришлось и адвокату семьи погибшего Сергея Захарова. Вопросы к Добровинскому были не только у журналистов – поклонники Ефремова* ***на заседание пришли аж в спецфутболках*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Признаки тактики анализ-«минус» можно увидеть в контексте, где ведущая говорит о *спецфутболках*, в которых пришли поклонники подсудимого. Усилительная разговорная частица *аж* употребляется актором в значении ‘даже’, с ее помощью говорящий иронично подчеркивает исключительность данной информации.

Ольга Скабеева: *Был нанесен* ***ощутимый*** *урон,* ***да ещё какой****! Эти меры* ***не только*** *ухудшили экономическую ситуацию,* ***но и*** *подорвали доверие граждан к власти* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

В приведенном примере содержится выраженный акцент на негативной оценке: с помощью частицы *да ещё какой*! подчеркивается серьезность и масштаб ущерба, употребление прилагательного *ощутимый* (‘значительный по своему проявлению’ [МАС 1999]), выделительной конструкции *не только …, но и,*

указания на негативно оцениваемые действия *(ухудшили, подорвали)* также способствует усилению общей отрицательной характеристики.

Коммуникативные приемы реализации

А) Навязывание скрытого вывода, эксплуатация подтекста используется для негативной репрезентации и актуализации отрицательных ассоциаций, что может существенно изменить восприятие объекта обсуждения, например:

Евгений Попов: *Без комментариев, просто* ***из соображений гигиены*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

В представленном контексте ведущий не дает пояснений, аргументируя это *соображениями гигиены*, иными словами обсуждение ситуации противоречит данным соображениям (*гигиена* – ‘учение о здоровом образе жизни, о здоровых условиях жизни; совокупность практических мер, действий, обеспечивающих сохранение здоровья’ [Горбачевич, Герд. Т.4, 2004: 98]). Следовательно, имплицитно репрезентуется сема ‘брезгливость’, позволяющая передать негативное отношение говорящего к ситуации [Бинштейн, Самыличева 2023: 7].

Ольга Скабеева: *Разговор продолжался с 10 вечера до 5 утра, после чего выступил консул России Плетнев и заявил о тенденциозной направленности действий белорусских властей.* ***И это после произошедшего максимально корректная формулировка официальной Москвы*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

В речи ведущей негативная оценка действий белорусских властей дается имплицитно. Выводится информация о несоответствии *корректной формулировки*: лексема *тенденциозный* используется в значении ‘предвзятый, необъективный, пристрастный’ [МАС, 1999] со степенью вины белорусской стороны, иными словами, актор предполагает, что ситуация может быть представлена хуже, чем о ней высказался российский консул.

Ольга Скабеева: *Ну, а прямо сейчас,* ***сенсация:*** *госпожа Тихановская пригласила Макрона поучаствовать в смещении Лукашенко.* ***Пригласила официально, настолько официально, насколько она себе может это***

позволить. *Но, то есть* ***странное приглашение*** («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

В приведенном текстовом фрагменте имплицитно вводится мысль о несостоятельности реципиента в качестве политического деятеля и кандидата в президенты – выражение *настолько официально, насколько она себе может это позволить* является приемом навязывания скрытого вывода: утверждается мысль об ограниченности полномочий объекта анализа. Кроме этого, отношение говорящего к сообщаемому выражается через использование эмоционально-маркированной лексики: лексема *сенсация*, имеющая значение ‘событие, сообщение, производящее большое впечатление’ [МАС, 1999], в сочетании с лексемой *странный* (*странное приглашение*), имеющей значение ‘вызывающий недоумение’ [там же] приобретает иронический оттенок из-за возникающего логического противоречия, употребляется для выражения преувеличенного внимания.

Андрей Сидорчик: *Коллеги нашли идеальное определение Камалы Харрис – идеальное ничто. Почему? Потому что, вот* ***когда сами в качестве аргументов перечисляете: она женщина, она цветная, значит вы говорите, что как политик она ничто*** («Место встречи», 14.08.2024).

В речи актора содержится навязывание собственного пути рассуждения в форме логического вывода из предыдущих высказываний коммуникантов. Тот факт, что другие эксперты в качестве достоинств политического лидера в первую очередь называют качества, не относящиеся к профессиональным достижениям (*она женщина, она цветная*), по мнению говорящего, подводит к закономерному выводу о том, что референт не является успешным политиком (*значит вы говорите, что как политик она ничто).*

Алексей Журавлев: *Несмотря на всеобщее недовольство и критику,* ***зомби-политика*** *старых принципов продолжает преследовать их, как тень из прошлого,* ***вновь и вновь пытаясь очаровать*** *избирателей обещаниями, которые давно утратили актуальность. Их лидеры, продолжающие продвигать эти идеи,* ***словно***

зомби, *бродят по политическому ландшафту, игнорируя реальность и потребности общества* («60 минут», вечерний выпуск 20.07.2022).

В приведенном речевом фрагменте актор описывает зарубежную политическую деятельность как неэффективную и устаревшую. Использование оценочных фраз *всеобщее недовольство и критика* (лексема *недовольство* употребляется в значении ‘чувство неудовлетворения, отрицательное отношение’ [МАС 1999], критика – ‘отрицательное суждение о чем-либо’ [там же]) и *обещания, которые давно утратили актуальность* позволяет создать негативный контекст, в котором акцентируется внимание на разрыве между ожиданиями общества и действиями политиков. С помощью метафоры *зомби-политика* и сравнений *как тень из прошлого, словно зомби* эксперт создает сниженный образ референта, не способного адекватно реагировать на изменения в обществе. Также в выступлении наблюдается импликация безысходности: через выражение *вновь и вновь* говорящий подчеркивает невозможность выхода из сложившейся ситуации, указывая на цикличность и отсутствие развития, а также на то, что попытки исправить положение бесплодны.

Алексей Тимофеев: *Мы услышали законодателей наших, которые выступают против закона и объяснение, что, так сказать,* ***они выступают против того, чтобы государство вмешивалось в семью. Ну, то есть выступают сами против себя, значит не доверяют сами себе*** («Место встречи», 06.05.2024).

На основании того, что политические представители выступают против вмешательства государства в семейные отношения, эксперт делает вывод о том, что они выступают сами *против себя*, также говорящий развивает тезис и подводит аудиторию к мысли, что референты *не доверяют сами себе*.

Б) Апелляции к чувствам аудитории (страху за общее будущее, моральной тревоги, гражданской ответственности, инстинкту защиты и т.п.) в речи участников политического медиадискурса трансформируются в средство убеждения, соразмышления и нередко демонстрации негативных аспектов анализируемого явления, например:

Андрей Кормухин: *Я хочу сказать, что, ребята, если вы хотите из наших детей, из наших пацанов выращивать овощи, которые изначально будут ходить с утра до вечера под камерами и думать, что они живут в безопасности, то обязательно* («Место встречи», 17.05.2024).

Оратор выступает против распространения биометрических технологий, для подтверждения своей позиции обращается к теме детства. Использует метафорический образ (*выращивать овощи* – лексема *овощ* употребляется в переносном значении ‘слабовольный человек, не имеющий своего мнения и неспособный к активным действиям, вялый, нерешительный’ [МАС 1999]), посредством которого говорящий имплицитно выражает мысль о недопустимости описываемой ситуации. Выступление строится при применении обратной аргументации, так как эксперт представляет тезис, противоречащий имеющимся установкам и культурным кодам аудитории, что вызывает эмоциональный отклик, а также резкое отрицание и неприятие. Также в высказывании используется аффектоним (ласкательный вокативов) *ребята* и повтор местоимения *наши* (*из наших детей, из наших пацанов*), что позволяет представить тему разговора как лично значимую для адресатов, сформировать эмоциональную связь между аудиторией и говорящим [Ефремов 2021: 19].

Виталий Серуканов: *Это действительно проблема. Звезда – она всегда звезда. Любой ее публичный поступок он широко цитируется, он везде в обществе упоминается. Тут же находятся подражатели, тут же находятся люди, которые обсуждают. Это действительно* ***становится новостью****, причем с большим знаком минус. Простите, не хочу заниматься лишним морализаторством, но на это* ***действительно смотрят подростки, на это смотрят дети,*** *у кого-то в голове появляется, что это нормально* («Место встречи», 14.08.2024).

В приведенном речевом фрагменте эксперт перечисляет негативные последствия, вызываемые неподобающим поведением известных личностей. Во-первых, оратор апеллирует к логике и утверждает, что действия знаменитостей становятся широко обсуждаемыми. Актором используются лексемы, указывающие

на масштаб влияния (*широко* – ‘охватывающий многих, распространяющийся на многих; массовый’ [МАС 1999]; *везде* – ‘во всех местах или во всех сферах, областях; всюду, повсюду’ [там же]), повтор и параллелизм (***Тут же находятся*** *подражатели,* ***тут же находятся*** *люди, которые обсуждают*), конструкции с оценочными компонентами (*действительно* ***проблема*** **–** ‘о том, что трудно разрешить, осуществить’ [МАС 1999]; *становится* ***новостью*** **–** лексема *новость* претерпевает в контексте семантический сдвиг от нейтрального денотата ‘информационное сообщение о событии’ [МАС 1999] к коннотативно негативному значению ‘широко освещаемое и обсуждаемое информационное сообщение о событии, которое воспринимается как скандальное или вредное, способное негативно повлиять на общество, особенно на подростков и детей, путем нормализации нежелательного поведения и провоцирования подражания’. Негативная оценка усиливается через эмотивные маркеры *большой знак минус*, *проблема*, что позволяет выразить отрицательное отношение к ситуации. Также актор апеллирует к эмоциям аудитории, выражает обеспокоенность тем, как поведение звезд может повлиять на молодежь (*действительно смотрят подростки, на это смотрят дети*), тем самым создает эмоциональный отклик у аудитории, вызывая тревогу и желание обезопасить подрастающее поколение.

В некоторых случаях, когда актор не просто стремится выразить отрицательное отношение к описываемому, а также к иным участникам политического события, их действиям и поступкам, но и обвинить в совершении негативно оцениваемых действий, можно говорить о коммуникативной тактике обвинения.

2) Тактика обвинения

Придерживание тактики обвинения подразумевает «приписывание кому-либо какой-либо вины, признание [референта] виновным в чем-либо, а также раскрытие, обнаружение чьих-либо неблаговидных действий, намерений» [Михалева 2004: 48]. В качестве средств, способствующих достижению обозначенных коммуникативных целей, выделяют:

Лексические средства реализации

А) Номинации, содержащие описание негативно оцениваемой деятельности, при реализации тактики обвинения способствуют актуализации аргументации, что позволяет сформировать у аудитории четкое представление о недостатках и ошибках референта:

Якуб Корейба: *Они сегодня пытаются любыми силами* ***шантажировать*** *всю Европу. Мы это понимаем, мы это видим* («60 минут», дневной выпуск 19.09.2019).

В высказывании говорящий открыто обвиняет референтов в шантаже: глагол *шантажировать* имеет значение ‘добиваться чего–либо путем шантажа, запугиванием, угрозами’ [Шведова. Т.4, 1998]. Кроме того, через синтаксический параллелизм *мы это понимаем, мы это видим,* повторение местоимения *мы* эксперт создает иллюзию коллективного выступления, что придает речи убедительность (модель «так думают многие»).

Владимир Жириновский: *Специально вы не хотите ничего подписывать, чтобы была проблема, чтобы подвести к конфликту. У вас всегда русские виноваты* («60 минут», дневной выпуск 19.09.2019).

Говорящий обвиняет реципиентов в намеренном желании создать конфликт между государствами (наречие *специально* употреблено в значении ‘намеренно, с целью’ [МАС 1999]), а также указывает на несправедливые обвинения в адрес российской стороны (тактика отрицательной оценки: *у вас всегда русские виноваты*).

Максим Юсин: *Этих женщин надо найти, допросить, изучить их биографию, понять,* ***почему они несут такую чушь, дискредитируя линию защиты Ефремова*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Эксперт обвиняет активистов в дискредитации и искажении фактов через использование лексемы *дискредитировать* (‘подрывать доверие к кому–, чему–либо, умалять чей–либо авторитет, значение’ [МАС, 1999]), устойчивого выражения *нести чушь* (‘говорить невообразимую чепуху, глупости’ [Федоров 2008]).

Дмитрий Абзалов: ***Главная задача США – расшатать и уничтожить нынешнюю модель государственного устройства Республики Беларусь*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Говорящий открыто обвиняет представителей американской стороны в желании *расшатать и уничтожить* (*расшатать* – ‘привести в состояние упадка, ослабить, лишить прежней силы’ [МАС, 1999]; уничтожить – это ‘прекратить существование кого–, чего–л.; истребить’ [МАС, 1999]) существующую модель *государственного устройства Республики Беларусь.*

Николай Стариков: ***Унизить Россию и показать ее беспомощность. На самом деле цель вот именно такая*** («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

Эксперт обвиняет референта в намеренных действиях по снижению авторитета российского государства. Обвинение выражено через использование эмоционально–маркированной лексики с отрицательной коннотацией: *унизить* – ‘задеть, оскорбить чье–либо самолюбие, достоинство, поставить в унизительное положение’ [МАС, 1999]*, беспомощность* – ‘состояние по знач. прил. беспомощный, т.е. неспособный справиться своими силами с чем–либо, нуждающийся в помощи, в поддержке; слабый, бессильный’ [там же].

Ольга Скабеева: *Европейцы же* ***пытаются переложить свои собственные ошибки на Россию****, причем без всяких на то оснований* («60 минут», вечерний выпуск 20.07.2022).

В речи ведущей содержится критика, направленная в адрес представителей зарубежных стран, которые, как следует из выступления, стремятся обвинить российскую сторону в собственных ошибках: лексема *переложить* употребляется в значении ‘возложить на другого’ [МАС 1999].

Б) Отрицательные метафоры применяются как средство речевого воздействия с целью формирования у реципиента отрицательного мнения о том или ином политическом явлении, например:

Николай Платошкин: *А Вы сейчас стоите, глумитесь: «Да, в течение пяти лет рубль всегда проигрывает».* ***Вы архитектор этого маразма*** *были! … Вы все…*

вы все это подорвали к чертовой матери! («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

В речи эксперта используются экспрессивно–выразительные средства: метафора *архитектор этого маразма*, (в исследуемом контексте лексема *архитектор* репрезентует значение ‘тот, кто проектирует, организует что-либо’, т.е. объект обвинения, по мнению говорящего, является организатором преступления); стилистически сниженная (разговорная) и даже бранная лексика: *маразм – ‘упадок, разложение’* [МАС, 1999], *к чертовой матери* (грубо-прост. бранно или презр.) ‘очень сильно, исключительно интенсивно’ [Мокиенко, Никитина, 2007: 199]. Отсутствие прямых доказательств объясняется задачами обвинителя: привлечь внимание аудитории к рассматриваемой проблеме.

Игорь Коротченко: *Коллега абсолютно прав, что за всем этим делом* ***торчат западные уши****, как бы оно ни крутилось* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

В речи эксперта намек выражен посредством метафорического устойчивого сочетания *торчат уши* – сообщается косвенный смысл, что виновниками обсуждаемых событий являются представители западных стран.

Александр Дубинский: *Мы имеем дело с* ***театральной труппой****, которая получила право называть себя менеджерами государства, они* ***занимались постановками и спектаклями*** *на протяжении всего этого времени борьбы с коронавирусом* («60 минут», дневной выпуск 08.04.2021).

Речь эксперта направлена на снижение образа референта, который представляется *театральной труппой*, занимающейся *постановками* и *спектаклями*, т.е. ‘притворными, неестественными действиями, имеющими цель ввести кого-либо в заблуждение’ [МАС 1999]. Данное метафорическое уподобление актуализирует негативный смысловой компонент ‘нечестный’: в вину ставится стремление ввести людей в заблуждение, обмануть ожидания [Самыличева, Бинштейн 2021: 279].

В) Пейоративы в тактике обвинения используются как одно из речевых средств реализации «игры на понижение», формирования у аудитории отрицательного восприятия референта, например:

Юрий Кот: *Вы лишаете Европу нормального, дешевого, качественного российского газа. Вы, а не кто-нибудь другой. И все ваши сказки про белого бычка о том, что, якобы Россия ненадежная в чем–то, это переворачивает все с точностью до наоборот. Ребятушки, вы показываете своим деструктивом, что это вы* ***ненадежные****, что это вы – это те самые* ***предатели****, которые сейчас вылизывают все, что есть у поляков, американцев, у кого угодно* («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

Говорящий указывает на то, что представители зарубежных государств стали причиной газового конфликта: *лишаете Европу нормального, дешевого, качественного российского газа,* а также ложно обвинили Россию в ненадежности: в выражении *сказки про белого бычка* лексема *сказка* употребляется в значении ‘выдумка, ложь’ [Шведова. Т.3, 1998]. Кроме того, эксперт характеризует референтов с помощью пейоративных наименований: *ненадежные* (‘такие, на которых нельзя положиться, которым нельзя доверять’ [МАС, 1999]), *предатели* ‘тот, кто предает, совершает предательство’ [Шведова. Т., 1998].

Ольга Скабеева: *Безоружные американцы в Капитолии, недействительно все были без оружия, это не внутренние террористы, а вооруженные* ***мародеры – грабители и убийцы*** («60 минут», вечерний выпуск 11.01.2022).

Ведущая выражает негативное отношение к участникам обсуждаемых событий. Занимаемая позиция передается через использование оценочной лексики с отрицательной коннотацией: *мародер* – ‘человек, грабящий убитых и раненых’ [Кузнецов 2000]; *грабитель* – ‘тот, кто занимается грабежом’ [МАС 1999]; *убийца* – ‘преступник, совершивший убийство’ [Кузнецов 2000] – доминирует эмоциональная оценочность: через анализируемые лексемы актор маркирует «антигероев» в этическом ключе, апеллируя к чувствам аудитории.

Коммуникативные приемы реализации

А) Апелляции к чувствам аудитории (социальному негодованию, страху, несправедливости, чувству обманутых ожиданий и т.п.) применяются с целью убеждения аудитории в неправомерности действий коммуникативного оппонента:

Николай Платошкин: *Я еще больше верю Надеждину: вот этот вот* ***певец*** *в девяносто седьмом году вместе с Немцовым и Чубайсом нам говорили: «Все! Девальвации не будет, железно!*» <…> *Вы все говорили, вы* ***обманули тогда всю страну*****!** ***Вы ее обули в пять раз! У меня один знакомый в очереди умер*****!** («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Эксперт в своей речи использует прямую обличительную тактику, направленную на указание конкретного преступления: *Вы обманули тогда всю страну! Вы ее обули в пять раз!* (лексема *обуть* (груб. прост.) употребляется в значении ‘ловко обмануть, провести’ [МАС, 1999]). Обоснованность речи придает аргументация, основанная на личном опыте эксперта (*У меня один знакомый в очереди умер!)* – подобное доказательство апеллирует к чувствам аудитории, но его правдивость невозможно проверить.

Ольга Скабеева: *В нашей студии Александр Андреевич Добровинский, человек, который защищает интересы родственников погибшего.* ***Мне лично все происходящее уже напоминает, я сказала, и клоунаду, и цирк, и издевательство, и надругательство над здравым смыслом. Почему не явился? Чем так занят Пашаев? Зачем вообще согласился защищать Ефремова, если теперь вдруг ему некогда?*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Ведущая открыто высказывается о ситуации, выражает свое недовольство действиями участников процесса. Через ряд однородных членов, эмоционально–экспрессивных лексем с отрицательной коннотацией (*и клоунаду, и цирк, и издевательство, и надругательство над здравым смыслом*), а также с помощью вопросительных конструкций (*Почему не явился? Чем так занят Пашаев? Зачем вообще согласился защищать Ефремова, если теперь вдруг ему некогда?)* подчеркивает недоумение и разочарование в поведении обвиняемого и его защитника.

Евгений Попов: *Их сегодняшняя власть демонстрирует полное пренебрежение к основным государственным ценностям – справедливости и равенству, продолжает углублять разрыв между богатством и бедностью* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

В своей речи ведущий обращается к чувствам и убеждениям аудитории, подчеркивает важность справедливости и равенства как основных государственных ценностей и отмечает, что политика другого государства ими пренебрегает (*пренебрежение* – ‘презрительно-высокомерное, неуважительное отношение к чему-либо’ [МАС 1999]), что имеет негативные последствия, такие как разрыв между богатством и бедностью.

Б) Риторические вопросы – спектр воздействия коммуникативного приема широк, в рамках тактики обвинения с помощью риторических вопросов можно выразить «экспрессивное отрицание», «экспрессивное утверждение», а также задать коммуникативный вопрос, приглашающий адресата к совместному обсуждению проблемы [Карамова, Селантьева, 2016: 169], например:

Евгений Попов: *Почему вы не запретите официально гастролировать в России? Почему вы за это* ***травите людей****, как будто специально оставили, чтобы потом* ***травить?*** *<...> Тогда бы не было этих вопросов, но* ***это было вообще дно абсолютное*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

В качестве основного речевого маркера тактики обвинения в приведенном высказывании можно выделить риторические вопросы, призванные натолкнуть аудиторию на размышления о степени вины, приписываемой референту. В речи ведущего содержится негативная оценка действий: глагол *травить* используется в переносном значении ‘изводить, мучить нападками, преследованиями’ [МАС, 1999], повтор данной лексемы усиливает эмоциональность и обвинительный тон речи. Риторические вопросы *(Почему вы не запретите официально гастролировать в России? Почему вы за это травите людей, как будто специально оставили, чтобы потом травить?)* применяются как средство аргументации и повышения убедительности высказывания, позволяют актору косвенно обвинить реципиентов в том, что они предпочитают не запрещать

гастроли и на самом деле специально используют это как способ *травить* людей. Эмоционально окрашенное высказывание *было бы вообще дно абсолютное*, содержащее отрицательную оценку, усиливает обвинительную семантику: наречие *вообще* (‘по отношению ко всему, во всех отношениях, в общем’ [там же]), прилагательное *абсолютное* (‘полный, совершенный’), а также лексема *дно*, употребленная в значении ‘низшая степень чего–либо’ [там же].

Алексей Леонков: *Что говорит глава государства? Он оперирует теми данными, которые ему дают подчиненные, но* ***о какой квалификации можно говорить?*** *<…> Он главный контрразведчик, то есть* ***мы видим вот эти подтасованные факты*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Оратор обвиняет оппозиционные СМИ в предоставлении недостоверных фактов, которые используются против России (лексема *подтасованный* используется в значении ‘подобранный в нужном порядке (преимущественно с целью обмана)’ [МАС 1999]). Через риторический вопрос *о какой квалификации можно говорить?* эксперт ставит под сомнение профессионализм и компетентность референта, то есть пресуппозиция высказывания ‘у главы государства нет квалификации’.

Андрей Кормухин: *Поэтому, когда мы говорим про демографию, говорим, что у нас сегодня самая большая проблема в государстве в том, что мы вымираем, и одновременно нам говорят, что нам нужно увеличить количество контроля, увеличить количество сборов биометрических данных – у меня тогда вопрос:* ***то есть вы к своему населению относитесь как потенциальный руководитель, вы формируете образ у людей, что они должны ходить под контролем, ощущать себя потенциальными преступниками****?* («Место встречи», 17.05.2024).

Говорящий затрагивает проблему несоответствия между государственными ценностями (защитой прав населения) и фактическими действиями (предложением о введении закона о сборе биометрических данных). По мнению эксперта, данные меры конфликтуют с основными целями государства и несут угрозу свободе граждан. Эксперт задает риторический вопрос, с помощью которого обвиняет сторонников исследуемого закона в негативном отношении к простым людям (*они*

должны ходить под контролем, ощущать себя потенциальными преступниками?), лексема *преступник* актуализирует негативные смыслы ‘несвобода’, ‘заключение’.

В) Использование повтора идентифицирует высокую степень проявления признака, характеризующего объект обсуждения с негативной стороны, например:

Алексей Журавлев: *То есть вы понимаете, до чего доходит* ***абсурдность****,* ***абсурдность*** *вообще ситуации, которая сейчас разворачивается на наших глазах? Это просто какой–то паноптикум. Что это такое? То есть реально говорят о том, что он как бы может быть невиноват и дальше затягиваем сроки. Адвокат, который объясняет что-то такое, что он там срочно уехал на один день в командировку. То есть человек совершил на глазах у всей России просто преступление, а его адвокат, который защищает человека, который погиб, ему говорит: «Нет, подождите, мы вам сейчас предписаньице. Помалкивайте сидите». Что за* ***абсурд****? Что творится в стране?* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Свое выступление говорящий строит на повторении однокоренных лексем *абсурдность, абсурд,* имеющих значение ‘то, что лишено смысла, бессмыслица’ [Шведова. Т.1, 1998]). Эксперт открыто обвиняет конкретное лицо и его представителя в абсурдных действиях, намеренном «затягивании» судебного процесса (*говорят о том, что он как бы может быть невиноват и дальше затягиваем сроки; адвокат, который объясняет, что-то такое, что он там срочно уехал на один день в командировку*), сравнивает происходящие события с музеем странностей (*паноптикум* – ‘музей, в котором выставлены для обозрения восковые фигуры и другие предметы, вызывающие интерес своей необычайностью’ [МАС, 1999]), использует риторические вопросы (*Что это такое? Что за абсурд? Что творится в стране?),* что придает эмоциональность и усиливает обвинительный пафос.

Также в политическом контексте наблюдаются случаи, когда актор стремится не указать на конкретного виновного, а скорее подчеркнуть общую ответственность или создать ощущение коллективной вины, для этих целей он

может использовать тактику безличного обвинения, которая отличается от тактики обвинения отсутствием указания на определенного референта.

3) Тактика «безличное обвинение»

В отличие от тактики обвинения, в данной тактике «виновник осуждаемых действий эксплицитно не представлен, но выводим из контекста» [Карякин 2009: 201]. В речи ведущих и экспертов российских политических ток-шоу тактика «безличное обвинение» реализуется с помощью следующих языковых средств и коммуникативных приемов:

Лексические средства реализации

А) Употребление **лексики с широким значением** позволяет актору обозначить неопределенного референта, в результате чего затрудняется идентификация единичного объекта обвинения, например:

Константин Семин: *Это бизнес. Это* ***выгодно капиталу****, это* ***выгодно олигархам по обе стороны границы****. То, что происходит, это трагедия. Вот это трагедия двух народов, здесь смеяться, потешаться абсолютно не над чем. Это и ваша трагедия, и наша трагедия* («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Эксперт полагает, что в обсуждаемом конфликте виноваты представители каждой из сторон. В качестве объекта обвинения эксперт называет предельно широкие группы, которым была бы выгодна данная ситуация: *выгодно* ***капиталу****, выгодно* ***олигархам.*** Консолидирующую функцию выполняют перечисление однородных именных сказуемых (*и ваша трагедия, и наша трагедия*), повтор лексемы *трагедия*, использование числительных *обе, двух* усиливают эмоциональность выступления.

*Это процесс, о****тветственность за который лежит на тех людях, которые уничтожили единое государство.*** *Просто если бы эти люди вот из того проклятого периода нашей совместной истории вдруг воскресли, увидели до какого состояния скотского докатились оба народа, как их* ***умело стравливают, бросают друг на друга в интересах тех людей*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

В приведенном контексте реализуется тактика безличного обвинения, поскольку объект критики, источник разногласий, открыто не называется. Говорящий раскрывает панораму исторических событий и комментирует политический конфликт, который происходит *в интересах* ***тех людей***; *ответственность за который лежит* ***на тех людях*** (*люди* – лексика с широким значением, позволяет выступающему избежать прямой номинации). С помощью словосочетаний, в которых наблюдается редукция приглагольных актантов (*умело стравливают, бросают друг на друга),* также скрывается объект обвинения.

Андрей Норкин: *У меня была возможность достаточно часто пересекаться с молодежью не в нашей стране, и я видел, что они по уровню знаний, они, ну, очень сильно отстают от наших молодых людей, там от моих детей, в частности. Я тогда сделал* ***абсолютно для меня понятный вывод, что в этом виновата та система, которая у них есть*** («Место встречи», 10.06.2024).

В качестве виновника более низкого уровня образованности у молодых людей, проживающих в других странах, по сравнению с молодежью своей страны, ведущий называет *систему*, подразумевая, что проблема не в индивидах, а в общественных структурах.

Б) Использование метонимии позволяет избежать указания на конкретные лица или действия, что создает впечатление, что обвинение касается более широкого контекста, а не отдельных индивидов, например:

Алексей Наумов: *Что это значит? Что еще* ***сто таких же бесполезных, никчемных сайтов эту информацию распространили*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Эксперт обвиняет обобщенную группу в распространении непроверенной информации через выражение *сто таких же бесполезных, никчемных сайтов*, примечательно, что метонимия *сайты распространили информацию,* позволяет скрыть людей, ответственных за данные действия.

Сергей Липовой: *То есть еще раз –* ***Америка*** *управляет Европой, в Европе не осталось ни одного политического серьезного тяжеловеса* («60 минут», вечерний выпуск 11.01.2022).

Тактика безличного обвинения реализуется посредством использования метонимии *(Америка управляет Европой)*: наблюдается перенос с имени собственного (названия государства) на правительство и жителей данной страны.

Александр Казаков: ***Западный мир,*** *он, про что он* ***говорит****? Про ценности. А на самом деле он про деньги. Он про деньги, про выгоду и так далее и тому подобное* («Время покажет», выпуск 13.06.2024).

В представленном контексте отражены критические взгляды на западные ценности и их истинную, по мнению эксперта, мотивацию. Вопросно-ответная конструкция, антитеза «ценности» – «деньги», однородные члены *про деньги, про выгоду* применяются с целью показать, что референт в своих действиях руководствуются материальными и финансовыми стимулами. Метонимия *западный мир говорит*, обозначающая не только представителей западных государств, но и множество концепций, связанных с западными культурами, экономическими системами и ценностями, позволяет актору выразить недовольство и сформировать негативное восприятие, не указывая на конкретные лица и действия.

В) Использование «словесных ярлыков» предполагает употребление «отрицательно-оценочных вербальных идеологем (идеологических штампов)» [Булгакова 2013: 4], которые обладают широким значением и позволяют «скрыть» объект обвинения, например:

Дмитрий Болкунец: *То, что мы наблюдали в последние дни с этой провокацией, что это провокация, с коллегами здесь отчасти солидарен – вопрос, кто ее организовал? Вот это главный вопрос, и мне кажется, что здесь, наверное, есть несколько* ***заинтересантов*** *этой провокации. Я думаю, что они, конечно, есть внутри белорусской элиты, и не факт, что это сам президент* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

В данном контексте тактика безличного обвинения реализуется с помощью окказиональной лексемы *заинтересант* (основа *–заинтерес–* и словообразовательный суффикс *–ант–*, слово мотивировано глаголом *заинтересовать*, и «называет лицо, производящее действие, названное

мотивирующим словом» [Русская грамматика 1980]; имеет значение ‘лицо в роли объекта действия, заинтересованное в чем–либо; имеющий личную выгоду’), числительное *несколько* указывает на некоторое, неопределенное количество людей, которым была бы выгодна описываемая провокация. Следует отметить, что субстантивы с финалью *–ант* востребованы «в разговорной речи: *выбирант*, *отвалянт*, *покупант* и т.п., то есть формант активизировался в функционально–стилевом отношении: в круг его деривационного потенциала вовлекаются единицы, находящиеся на границе литературного языка, используемые в художественном стиле речи и языке СМИ для выражения определенной эмоционально–экспрессивной окраски» [Сенько, Цакалиди 2017: 152] и привлечения внимания. Также обвинение эксперта направлено в адрес представителей *белорусской элиты* (словосочетание с широкой семантикой), однако открыто говорящий никого не разоблачает.

Уильям Кортни: *В России много* ***националистов****, которые хотели бы, чтобы северные области Казахстана были аннексированы* («60 минут», вечерний выпуск 11.01.2022).

В выступлении говорящего содержится обвинение, обращенное к предельно обобщенной группе лиц: *в России много националистов* (наречие *много* употребляется в значении ‘в большом количестве’, лексема *националист* – ‘приверженец национализма’ – в приведенном контексте отсутствует конкретное указание на количество и на референта). В вину ставится желание аннексировать северные области Казахстана, однако при этом объект речевого акта обвинения открыто не называется.

Грамматические средства реализации

А) Использование местоимений позволяет коммуниканту «отказаться от аргументации и диалогизации собственного высказывания. При этом чаще всего обвиняемый определяется через макроконтекст» [Хлопотунов 2022: 73], например:

Ольга Скабеева: *Вот так* ***они обычно все и говорят****: «Я его, конечно, не оправдываю, но он же великий артист. Как вы? что вы? Все же ясно»* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Ведущая говорит о группе лиц, при этом не называя конкретных имен, вместо этого использует личное местоимение *они,* определительное – *все.*

Алексей Леонков: *На самом деле нужно было выстраивать отношения совершенно по–другому, и, конечно же, этим воспользовались* ***те, кто является врагами России*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

В данном высказывании тактика безличного обвинения связана с устранением лица из контекста: виновники, которые воспользовались ситуацией, обобщенно описаны через местоимения *они, кто* и словосочетание *враги России,* представляющее собой словесный ярлык.

Спиридон Килинкаров: ***Те люди****, которые пришли к власти в четырнадцатом году,* ***они*** *точно знали, что* ***они*** *в результате честных выборов к победе не придут, поэтому избрали путь государственного переворота* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Виновники *государственного переворота* обобщенно описаны через повторяющееся личное местоимение *они* и словосочетание *те люди*, представленное указательным местоимением и существительным.

Николай Стариков: *Что касается белорусских событий, то мне совершенно непонятно, на основании чего* ***кто–то имеет наглость утверждать о том, что победила Тихановская*** («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

В речи эксперта отсутствует указание на конкретных виновников, утверждающих, что *победила Тихановская*, используется неопределенное местоимение *кто–то*, имеющее значение ‘неизвестно какой человек; некто’ [МАС, 1999], позволяющее скрыть референта.

Б) Синтаксический параллелизм может выступать как средство выражения субъективной модальности и использоваться автором с целью усиления коммуникативной и экспрессивной значимости предложения; выделения главной мысли высказывания; убеждения адресата, «подталкивания» его к принятию точки зрения автора [Никонова 2018: 437], например:

Игорь Коротченко: *Пусть они помнят****: те люди, которые*** *сегодня поют им медовые речи и требуют вернуть наших граждан в их тюрьмы, это* ***те люди,***

которые *повторили Хатынь в двадцать первом веке в Одессе* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

В речи эксперта отсутствует обвинение в адрес конкретных лиц (используется словосочетание *те люди*, представленное указательным местоимением и существительным с широким значением), но содержатся намеки на виновных. Пытаясь оказать прагматическое воздействие на аудиторию, говорящий часть своего выступления строит на приеме синтаксического параллелизма, что позволяет увидеть связь между двумя историческими периодами.

В) Перифрастические обороты представляют собой речевую конструкцию, которая, «выделяя одну или несколько отличительных черт предмета, явления, признака служит средством их образно-описательной характеристики и выступает контекстуальным синонимом к слову, обозначающему основное наименование» [Хамидова 1999: 8]. Выступая в качестве вторичного наименования, перифрастические обороты, помимо номинативной, выполняют функцию обезличивания, например:

Андрей Климов: *Вы знаете, я что могу сказать по поводу* ***этой публики****, для меня это* ***люди,*** *которые пытаются обворовать нашу Родину, которые присвоили значительную часть нашего национального богатства, которые сегодня направляют свои орудия, свои боеприпасы, своих наемников для того, чтобы убивать, в том числе и нас, для меня это* ***сходка преступного элемента*** («60 минут», вечерний выпуск 27.06.2022).

В выступлении эксперта содержится информация об осуждаемых действиях (*обворовать нашу Родину; присвоили значительную часть нашего национального богатства; направляют свои орудия, свои боеприпасы, своих наемников для того, чтобы убивать*), однако виновники событий эксплицитно не представлены. Тактика безличного обвинения реализуется через использование лексики, определяющей предельно широкую группу (*люди, этой публики),* перифрастического оборота, отрицательно характеризующего объект (*сходка преступного элемента*).

Г) Использование конструкций со страдательным залогом способствует достижению общего безличного характера рассуждений, например:

Артем Шейнин: *Мы все помним, с каким энтузиазмом был встречен этот проект, призванный обеспечить их граждан доступным жильем. К сожалению,* ***проект был саботирован на ранних стадиях****:* ***финансирование задерживалось, необходимые разрешения не выдавались****, а некоторые открыто противодействовали его реализации* («Время покажет», 16.11.2023).

В приведенном контексте тактика безличного обвинения реализуется через использование страдательного залога, неопределенных выражений, описания негативно оцениваемых действий без указания на субъектов и создание общей атмосферы виновности. Актор использует пассивные конструкции, в которых носителем глагольного признака является семантический объект: ***проект был саботирован*** (морфологическим средством залогового значения является краткая форма страдательного причастия *саботирован* в сочетании с неполнозначным глаголом *быть*), ***финансирование задерживалось*** и ***разрешения не выдавались*** (морфологическим средством выражения залогового значения является постфикс *-сь*, указывающий на возвратность глаголов *задерживалось* и *не выдавались*, что полностью исключает производителя из речи). Также в исследуемом речевом фрагменте эксперт употребляет неопределенное местоимение *некоторые* (‘какие-то, точно не определенные’ [МАС 1999]), что указывает на наличие виновников, но не идентифицирует их.

Иван Трушкин: ***Законопроект****, вызвавший волну критики и протестов****, был принят****, несмотря на общественное недовольство. Иронично, но в этом случае* ***мнение большинства было проигнорировано*** («Место встречи», 06.05.2024).

В представленном речевом фрагменте субъект действия не упоминается – морфологическим средством выражения тактики безличного обвинения являются краткие страдательные причастия в сочетании с неполнозначным глаголом быть: ***был принят, было проигнорировано.***

Коммуникативные приемы реализации

А) Риторические вопросы позволяют избежать прямого обвинения и сместить акцент на общую проблему, тем самым могут быть использованы для формирования образа «обвиняемого» без указания на конкретные личности, например:

Янина Соколовская: *Да кто же их стравливает?* ***Неужели американцы аннексировали Кубань, я знать хочу?*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

В контексте редуцируются актанты: их заменяет неопределенное местоимение *кто*. Говорящий реализует в своей речи тактику безличного обвинения через риторические вопросы, которые позволяют в форме намека указать на истинных виновников рассматриваемых событий (вопросительная частица *неужели* употребляется в предложении в значении: ‘разве? возможно ли?’, а также вносит оттенок сомнения и неуверенности. Подразумевается, что аудитория способна понять, о ком говорит эксперт.

Следующая коммуникативная тактика позволяет политическим ораторам выстраивать границы между группами и создавать ощущение принадлежности или отчуждения, что предполагает выделение «своих» и «чужих» категорий, которые могут быть использованы как для укрепления социальной идентичности, так и для поддержания разобщения.

4) Тактика «свои–чужие»

Тактика «свои–чужие» основывается на создании оппозиций для формирования групповой идентичности «своих» и мобилизации их поддержки, что часто достигается через представление «чужих» в невыгодном свете. В речи ведущих и экспертов российских политических ток-шоу реализации тактики «свои–чужие» способствует использование следующих языковых средств и коммуникативных приемов:

Лексико-стилистические средства реализации

А) Использование экспрессивно-оценочной лексики способствует формированию групповой идентичности, подчеркивая уникальность и ценность «своих» по сравнению с «чужими», например:

Игорь Коротченко: *Психологической разведкой занимаются* ***идиоты в американских средствах массовой информации.*** *У нас все–таки, ну, я не буду рассказывать о системе подготовки, но люди, которые работают в российской военной разведке – это люди, которые имеют три высших образования, в том числе одно специализированное в рамках соответствующего высшего учебного заведения, академии, которая существует в вооруженных силах России –* ***настоящие профессионалы своего дела*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Свое неодобрительно отношение к профессионализму американских специалистов, занимающихся психологической разведкой, эксперт выражает через противопоставление американских и российских представителей. Такая оппозиционная модель позволяет усилить положительную характеристику «своих», для описания которых эксперт использует перифрастический оборот *настоящие профессионалы своего дела* (*профессионал* – оценочная лексема с положительной семой, имеющая значение ‘квалифицированный специалист, знаток своего дела; человек, хорошо или в совершенстве владеющий своей профессией, специальностью’ [Ефремова 2000; Горбачевич, Герд 2004]), а также аргументы, подтверждающие тезис (*имеют три высших образования, в том числе одно специализированное в рамках соответствующего высшего учебного заведения).* В сравнении с группой «своих» *«*чужие» представлены в выступлении как *идиоты в американских средствах массовой информации:* оценочная лексема *идиот* – бран. ‘дурак, болван, тупица’ [Шведова. Т.3, 1998]) – подобный контраст способствует формированию сниженного образа противоположной стороны.

Андрей Норкин: ***Наши*** *атакуют больше и достигают большего, то есть* ***везде, абсолютно везде наша инициатива и достижение именно у нас****, у противника ничего нет, потому что* ***они измотаны, истерзаны*** («Место встречи», 14.08.2024).

В приведенном примере группа «своих» репрезентирована субстантивированным местоимением *наши*, притяжательным местоимением *наша*, личным местоимением первого лица множественного числа *у нас*, а группа

«чужих» – личным местоимением третьего лица множественного числа *они*, а также лексемой *противник*, употребляемой в значении ‘неприятель’ [МАС 1999]. При этом, если деятельность группы своих описана посредством лексики с положительной коннотацией (*достижение,* т.е. ‘положительный результат работы; успех’ [там же]; *инициатива* – ‘предприимчивость, способность к самостоятельным активным действиям’ [там же]) и акцентных средств: повтор *больше, большего, везде,* использование усилительного наречия *абсолютно,* то относительно противоположной группы эксперт использует оценочную лексику с отрицательной коннотацией*: измотаны* (‘крайне уставший, лившийся всех сил, изможденный’ [там же]), *истерзаны* (‘измученный, исстрадавшийся’ [там же]).

Грамматические средства реализации

А) Использование местоимений и наречий оказывается продуктивным средством формирования модели «свои-чужие», поскольку они не только представляют собой универсальную психологическую форму самосознания, но и позволяют объективизировать значимые смыслы через концептуальную бинарную оппозицию (так, местоимение «мы» всегда подразумевает наличие противопоставления к «они»), например:

Евгений Попов: ***Наш*** *министр и* ***наш*** *глава Газпрома сказали, что есть дорожная карта, что рассматривается как долгосрочный, так и краткосрочный вариант,* ***но наши всегда спокойно комментируют***. ***У нас же никогда истерик нет ни у министров, ни у глав госкорпораций***. ***Ваши****, действительно, они были вполне себе спокойные* ***на этот раз*** («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

В речи ведущего тактика «свои-чужие» реализуется через создание модели, разграничивающей правильное поведение «своих» и неправильное «чужих»: группу «своих» оратор описывает с помощью повторяющегося притяжательного местоимения *наш* (***наш*** *министр и* ***наш*** *глава Газпрома;* ***наши*** *всегда спокойно комментируют;* ***нас*** *же никогда истерик нет*), «чужих» – *ваши (****ваши*** *<…>были вполне себе спокойные).* Следует отметить, что оратор употребляет наречное выражение *на этот раз,* следовательно, из пресуппозиции высказывания следует, что были случаи, когда представители другой группы неспокойно комментировали

события, устраивали *истерики*. Благодаря противопоставлению «свой»–«чужой» возможен вывод о том, что, если «свои» *всегда спокойно комментируют,* [у них] *никогда нет истерик*, то такое непрофессиональное поведение свойственно группе «чужих».

Ольга Скабеева: ***Мы*** *не призываем* ***их*** *к диалогу. Не обманывайте американцев.* ***Мы им*** *как сказали? Какой диалог, братцы? Это не меню. Берите все или простите* («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

В речи ведущей тактика «свои–чужие» эксплицируется за счет использования местоимений, определяющих круг «своих» (*мы*) и «чужих» (*их, им*), данная оппозиция позволяет противопоставить американских политиков представителям российской стороны.

Андрей Кормухин: *Вот само понятие американской исключительности стало неинтересным. Многие обращаются к нему, сейчас говорят: «слушайте, но это* ***где-то у вас там, к нам это не должно иметь отношения*** («Место встречи», 17.05.2024).

В своем выступлении говорящий разграничивает представителей «своих» и «чужих», показывая, что их интересы и ценности различны. Дистанцирование от американской культуры передано через неопределенное наречие *где-то* (‘в каком-то, точно не известном, месте’ [МАС 1999]), местоимение второго лица *у вас*, указательного наречия *там* (‘в том месте, не здесь’ [МАС 1999]), а также высказывание *к нам это не должно иметь отношения,* с помощью которого эксперт подчеркивает, что идея американской исключительности нерелевантна для представителей его круга.

Б) Синтаксический параллелизм заключается в использовании одинаковой или схожей синтаксической структуры, что при актуализации оппозиции «свои-чужие» является мощным приемом, который помогает подчеркнуть контрасты между двумя группами, например:

Евгений Попов: *В этом, кстати, разница между россиянами и американцами, потому что* ***в России с гусарских времен карточные долги – это***

***святое**, а у **вас карточные долги** – **ситуация между друзьями:** сумели договориться, обнулить* («60 минут», вечерний выпуск 12.02.2019).

Говорящий проводит параллель между карточным долгом и реальными политическими событиями, с помощью параллельных конструкций и антитезы (контекстные антонимы *россиянами, американцами*) противопоставляет Россию и США. По его мнению, россияне (группа «своих») считают, что *карточные долги – это святое,* иными словами, они всегда держат слово и возвращают долги, а американцы (группа «чужих»), наоборот, стремятся *договориться, обнулить,* т.е. найти способ не выполнить обещанное.

Евгений Попов: *Вадим Валерьич, Вы забыли, что **газ наш, он российский**, что **он не ваш, не американский*** («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

В приведенном текстовом фрагменте помощью синтаксического параллелизма говорящий акцентирует внимание на том, что газ принадлежит группе «своих», к которой относится и сам оратор. Тактика «свои»–«чужие» реализуется через противопоставление контекстных антонимов *российский–американский,* а также притяжательных местоимений *наш–ваш.*

Алексей Журавлев: ***У них** все так. **У них**, понимаете, логика нетрадиционная. **У них** логика **нетрадиционная**, энергетика **нетрадиционная**, медицина **нетрадиционная**, **у них** отношения **нетрадиционные**. **У нас** все по–другому* («60 минут», вечерний выпуск 20.07.2022).

В речи эксперта анафорический повтор сочетания местоимения с предлогом *у них*, а также параллельные конструкции *(У них все так – У нас все по–другому)* усиливают противопоставление двух групп: «своих» и «чужих». Повтор лексемы *нетрадиционный* выполняет функцию убеждающего воздействия, позволяет сформировать в сознании аудитории сниженный образ представителей зарубежной политики (лексема *нетрадиционный* употребляется в значении ‘основанный на отклонении от нормы, традиций’ [Кузнецов 2000]).

В) Сопоставительные конструкции являются средством актуализации оппозиции «свои»-«чужие», поскольку с их помощью объекты и ситуации сопоставляются друг с другом по признаку различия и несоответствия, например:

Михаил Делягин: ***Если они*** *стол перевернули,* ***то мы*** *до сих пор ведем себя так, как будто* ***мы*** *за ним сидим. Все чинны и благородны* («60 минут», вечерний выпуск 27.06.2022).

В высказывании эксперта тактика «свои»-«чужие» реализуется за счет использования местоимений, определяющих круг «своих» (*мы*) и «чужих» (*они*), что позволяет противопоставить действия группы «чужих» поведению представителей российской стороны. Подчинительный союз *если…то* употребляется в качестве сопоставительной конструкции, с помощью которой эксперт указывает на несоответствие *чинного и благородного* поведения «своих» деструктивному поведению «чужих» (метафора *стол перевернули*).

Андрей Норкин: *Небольшое уточнение. Позвольте, вы, я знаю, дорогие наши зрители все понимаете правильно, но программу смотрят* ***не только*** *в нашей стране,* ***но и*** *за рубежом, а там аудитория нервная* («Место встречи», 06.05.2024).

В приведенном примере используется градационный союз *не только, … но и*, с помощью которого говорящий указывает на то, что аудитория ток-шоу не ограничивается российскими телезрителями. Используя данную конструкцию, ведущий противопоставляет понимающую аудитору своей страны зарубежной, которую описывает через лексему *нервный*, т.е. ‘отличающийся повышенной чувствительностью, легко возбудимый, болезненно раздражительный’ [Горбачевич, Герд. Т.12, 2004: 234], тем самым подчеркивает необходимость учесть этот факт и приспособить контент к их ожиданиям.

Г) Использование числительных позволяет акторам демонстрировать и подчеркивать различия между группами, а также формировать определенное восприятие ситуации, например:

Ольга Скабеева: *Вы посмотрите, что из себя представляет коллективный Запад, ну да,* ***их там, может быть, 700 миллионов,*** *если наскребут, и посмотрите,* ***сколько нас****. Еще до расширения БРИКС –* ***уже почти 4 миллиарда*** («60 минут», вечерний выпуск 20.07.2022).

В данном контексте местоимение *их* (н.ф. *они*), наречие *там* обозначают группу «чужих», группу «своих» говорящий маркирует личным местоимением *нас*

(н.ф. *мы*). Также ведущая акцентирует внимание аудитории на отдельных числовых сведениях, позволяющих «наглядно» продемонстрировать несостоятельность зарубежной политики. При описании «чужих» в выступлении, кроме указания на меньшее число, используется лексема *наскребут* (разг. ‘с трудом набрать, собрать’ [МАС 1999]), *может быть* употребляется как вводное словосочетание, выражающее ‘возможность, допустимость чего-либо или неуверенность в чем-либо, предположительность чего-либо и соответствующее по значению сл.: по-видимому, возможно, вероятно’ [Ефремова 2000]. При описании группы «своих» усилительная частица *уже* и фраза *еще до расширения БРИКС* (имплицитное указание, что на данный момент данные изменились и стали еще больше) используются с целью подчеркнуть их более значимое положение в сравнении противоположной стороной.

Еще одной коммуникативной ситуацией, характерной для политического дискурса, являются случаи, когда говорящий стремится не только выделить границы между группами, но и нанести ущерб репутации или достоинству оппонента – в подобных условиях он может использовать тактику, которая направлена на унижение и оскорбление.

5) Тактика «оскорбление»

Тактика «оскорбление» представляет собой «основанный на речевой агрессии иллокутивный речевой акт, понижающий социальный статус оппонента путем активного применения способов и форм коммуникативного подавления. В речи распознавание иллокутивной нагрузки осуществляется через иллокутивные концепты, которые не столько описывают окружающий мир или отношение к нему, сколько создают речевые условия управления коммуникативным поведением в зависимости от выбранных невербальных целей» [Кусов 2004: 194]. В речи ведущих и экспертов исследуемых политических ток-шоу данная тактика эксплицируется за счет использования лексики с ярко выраженной негативной оценкой:

Лексические средства реализации

А) Использование лексики с ярко выраженной негативной оценкой способно вызывать перлокутивный эффект оскорбления, поскольку способствует формированию отрицательных стереотипов и дискредитирующих образов, например:

Владимир Жириновский: *У них все* ***лизоблюды****:* ***мужики–свинопасы, а женщины–гувернантки – горшки выносить! Это Черчилль, а не я! Черчилль про вас сказал! Свиней пасти и гувернанткой в спальню!*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Говорящий использует в своем выступлении элементы «чужой речи», недобросовестного цитирования с целью негативно-оценочной характеристики (***Черчилль про вас сказал!***), представляет образы в невыгодной для его адресантов форме (*мужики–свинопасы*, *женщины–гувернантки*), использует лексему *лизоблюды* (‘разг. презр. Тот, кто прислуживается к кому-л. из мелких, корыстных побуждений’ [МАС 1999]), содержащую экспрессивную негативную оценку поведения человека, что свидетельствует об открытом умысле оскорбить референта.

Алексей Журавлев: *Есть* ***подонок,*** *конкретно убил человека. На виду у всех, у всей Москвы, у Садового кольца, в центре города, круче некуда. Вообще под всеми камерами и сняли, и говорили, и сам признался* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

В выступлении реализуются тактики обличения и оскорбления. Эксперт использует в своей речи лексему *подонок,* с выраженной негативной окраской (значение: ‘подлый, заслуживающий презрения человек; ничтожный, вызывающий презрение человек, подлец, негодяй’ [Шведова. Т.1, 1998]), чтобы подчеркнуть морально неблагонадежное поведение референта и его преступные действия.

Если хочет быть все–таки артистом, которого хоть как–то уважают до сих пор, он должен признать свою вину. И за это его будут любить. ***А если он будет себя вести вот так, как подонок: «Я не понимаю, не знаю, пускай адвокат говорит», – это вообще не человек, позиция не человека. Понимаете?*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Эксперт обвиняет референта в нежелании *признать вину*, тактика оскорбления реализуется через бранную лексику (*подонок*) и через отрицание у объекта обвинения любых человеческих качеств (*вообще не человек, позиция не человека*).

Отдельно исследователями политического дискурса выделяется тактика дискредитации, которую рассматривают как специфический способ обработки информации, проводящийся для того, чтобы помочь адресату в самой процедуре интерпретации анализируемых сведений и, как следствие, в переходе к заданным актором выводам и обобщениям.

6) Тактика дискредитации

Тактика дискредитации представляет собой «эксплицитное умаление статуса оппонента посредством манипулятивной формы совета, предупреждения или разоблачения истинного намерения политического противника» [Глушко, Убушаева 2023: 52]. В качестве коммуникативных приемов и языковых средств, способствующих экспликации данной тактики, выступают единицы всех уровней языка, например, особо выделяют:

Лексические средства реализации

А) Использование слов и выражений негативной окраски служит языковым средством дискредитации, позволяя коммуниканту сформировать у аудитории предвзятое мнение и снизить доверие к объекту критики.

Ольга Скабеева: *Ну, это* ***абсолютно уродливая версия порохоботов****,* ***которую сейчас популяризируют на всех порохоботских ресурсах*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Говорящий применяет словесные формулы отрицательной оценки, заключающиеся в приеме повторения (лексемы *порохоботов, порохоботских).* Ведущая через дискредитацию образа коммуникативного оппонента имплицитно выражает идею о том, что его словам не следует доверять: утверждения оппозиции, по мнению говорящего, – *абсолютно уродливая версия порохоботов* (наречие *абсолютно* усиливает отрицательную коннотацию лексемы *уродливый*, ‘нелепый, искаженный, резко отклоняющийся от представления о нормальном’ [Ефремова

2000], окказиональное новообразование *порохоботы* (сложение «семантического компонента» и суффиксоида *-бот-*) является словесным ярлыком и несет негативный смысл: полупрезрительное и глумливое прозвище сторонников Порошенко.

Сергей Липовой: *Но заявление России для них прозвучало, как первый звонок, от которого* ***они сейчас не могут отойти, и начинается истерия****. Чем больше они наблюдают за Россией, тем больше* ***их начинает брать паника, понимая о том, что они уже проиграли как политически, так и в военно–техническом отношении*** («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

В своей речи эксперт стремится представить зарубежных политиков эмоционально незрелыми, неспособными противостоять более сильному оппоненту. Снижение образа происходит за счет использования оценочной лексики: *начинается истерия* (*истерия* – ‘нервно–психическое заболевание, проявляющееся в припадках, повышенной раздражительности, судорожном смехе, слезах и т. п.’ [МАС 1999]), *начинает брать паника* (*паника* – ‘внезапный непреодолимый страх, смятение, охватившие кого–либо’ [МАС 1999]). В рассматриваемом контексте лексемы *паника* и *истерия* выступают как оценочная (характеризующая) номинация субъектов и объектов политической коммуникации [Дементьев 2022: 61], указывающая на несостоятельность референта, испытывающего чувство страха в неблагоприятной ситуации. Говорящий также отмечает, что референты сами понимают, что *уже проиграли* (наречие *уже* указывает на ‘окончательное совершение, наступление какого–либо действия’ [Русская грамматика 1980]), таким образом, в речи эксперта их неудача описана как совершившийся факт.

Артем Шейнин: *Салливан понятно, что это* ***лицемерная человечинка*** *такая. Это создание некого образа* («Время покажет», 16.11.2023).

Для описания образа американского политика эксперт употребляет негативно-оценочную лексику: пейоративные коннотации в окказиональном слове *человечинка* (суффикс *-инк-* приобретает оттенок пренебрежения) усиливаются за счет использования прилагательного *лицемерный*, имеющего значение

‘отличающийся лицемерием, неискренний двуличный’ [Горбачевич, Герд. Т.9, 2004: 246].

Б) Использование метафор, фразеологизмов, аналогий с негативной оценочностью способствует достижению дискредитирующих целей, поскольку подобная образная оценка призвана вызвать более острую реакцию со стороны адресата, например:

Ольга Скабеева: ***Русофобский шабаш*** *в итоге стал одной из самых популярных и самых цитируемых программ, т.е. музыкой на конкурсе* ***даже не пахло****, глубоко политизированные отборы – это когда* ***травить исполнителя начинают еще до того, как он начал петь*** («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

В речи ведущей содержатся эмоционально–экспрессивные единицы с отрицательной коннотацией: метафора *русофобский шабаш* описывает анализируемую передачу, как собрание ковена ведьм, направленного исключительно против России, фразеологизм *даже не пахло* (имеет значение ‘нет никаких признаков появления чего–либо’ [Федоров, 2008]) и позволяет выразить идею о том, что музыкальный конкурс был политизирован; метафора *травить исполнителя:* лексема *травить* употреблена переносном значении ‘изводить, мучить нападками, преследованиями’ [МАС, 1999]. Ведущая акцентирует внимание на нелепости ситуации, когда на музыкальном конкурсе политические воззрения участников оказываются важнее их выступлений: *глубоко политизированные отборы – это, когда травить исполнителя начинают еще до того, как он начал петь.*

Александр Казаков: *То есть это совокупный потенциал Соединённых Штатов, Франции и Великобритании – вот это, конечно, схему всю корректируют, как, мы пока не понимаем. Они пока все* ***накрылись лопухом*** *и делают вид, что они* ***молчаливые привидения,*** *может быть, и слава Богу* («Время покажет», выпуск 13.06.2024).

Для описания действий зарубежных государств оратор использует фразеологическое выражение *накрыться лопухом*, и ироничное *молчаливые привидения,* которые употребляются в значении ‘притаиться, стать незаметным’.

Валерий Печейкин: *Артистов, звезд, знаете, как называют?* ***Инфлюенсеры. Одно слово с инфлюэнцей, с гриппом, по сути. Это люди, которые заражают модой*** («Место встречи», 14.08.2024).

В своей речи эксперт проводит аналогию между *инфлюенсерами* (‘пользователями, имеющими обширную и лояльную аудиторию, блогерами, публикации которых оказывают заметное влияние на подписчиков’ [Словарь IAB Russia Influencer Marketing Glossary 2021: 4]) и *инфлюэнцей* (‘острым простудным воспалением дыхательных путей’ [МАС 1999]). Данное уподобление позволяет сделать акцент на негативных аспектах влияния знаменитостей на общество: используя аналогию, эксперт подразумевает, что известные люди распространяют нечто потенциально опасное или нежелательное (метафора *заражают модой* актуализирует отрицательную сему ‘болезнь’), что формирует негативное восприятие у аудитории.

В) Использование «умаляющих» сравнений способствует конструированию дискредитирующего образа через сопоставление референта с объектом или явлением, имеющим отрицательную коннотацию, например:

Ольга Скабеева: *Как после этого с вами договариваться и относиться к вам серьезно? Как?* ***Вы же ведете себя мало вменяемо, это вежливо выражаясь. Люди серьезные приехали с документом: «подписывайте!» – «не хочу!». Как дети*** («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

Средством реализации стратегии на понижение и тактики дискредитации, когда говорящий стремится ослабить позиции коммуникативного противника, выступает ирония: поведение политических деятелей через сравнение *как дети* уподобляется детскому, их действия, несоответствующие поведению взрослого человека, трактуются как отклонение от нормы.

Николай Стариков: *Ну, объяснение, ну, я сказал бы* ***на уровне школьника младших классов****: «А мы ничего не обещали». То есть, со слов Столтенберга, «ничего не обещали». Так это что?* («60 минут», вечерний выпуск 24.12.2021).

В приведенном контексте средством дискредитации референтов выступает ирония: объяснения политических деятелей сравниваются с ответами детей (*на уровне школьника младших классов)*. Говорящий акцентирует внимание на том, что иностранные эксперты отказываются от своих слов – подобные действия, несоответствующие поведению взрослого человека, позволяют представить объект дискредитации непрофессиональным и некомпетентным.

Сергей Мардан: *Администрации Байдена нечего нам предложить, Байден – хромая утка, все, он кончился, с ним не о чем договариваться* («Время покажет», 19.12.2023).

Сравнение *хромая утка* (в английском языке также употребляется как неформальное прозвище президента, который вскоре покинет свой пост), глагол *кончился* (разг. о человеке, который ‘подошел к концу, иссяк, перестать быть полезным’ [Горбачевич, Герд Т.8 2004: 409]) указывают на то, что говорящий считает американского политика бесперспективным и неспособным предложить что-либо полезное.

Сергей Мардан: *Их логика, как у* ***барышника на конской ярмарке***. *Давайте мы старого коня накормим кокаином, натрем его ваксой и продадим как молодого и резвого скакуна* («Время покажет», 19.12.2023).

Через сравнение *как у барышника на конской ярмарке* эксперт проводит аналогию: как *барышник* (т.е. ‘тот, кто занимается перепродажей ради барыша; перекупщик, торгующий лошадьми, скотом’ [МАС 1999]) на конской ярмарке, который обманывает покупателя, предлагая под видом молодого скакуна старого коня, объект дискредитации так же, по мнению говорящего, применяет уловки для достижения своих целей.

Грамматические средства реализации

А) Использование числительных в тактике дискредитации может служить для подкрепления негативных утверждений, например:

Александр Малькевич: *Большинство избирателей, колеблющихся в 2020 году, в Штатах не считают ни президента Дональда Трампа, ни кандидата от демократической партии Джозефа Байдена достаточно вменяемыми для того, чтобы занимать президентский пост. Следует из нового опроса:* ***51% опрошенных считают, что Трамп невменяем и не может занимать пост президента, про Байдена то же самое думают 52% избирателей.*** *Опрос проводился* ***в шести ключевых штатах****, результаты в которых* ***сильно повлияют*** *на исход президентских выборов* («60 минут», дневной выпуск 11.09.2020).

Тактика дискредитации связана с желанием говорящего создать негативный образ вокруг американских политиков Дональда Трампа и Джо Байдена через указание на их некомпетентность. Нетрудно заметить, что в приведенном фрагменте внимание фокусируется на отдельных числовых сведениях, при этом по-настоящему оценить статистические данные могут лишь эксперты, а не обычные зрители. Эффективность тактики достигается через указание на количество, так как убедительность выступлению придают приведенные экспертом обобщенные числовые данные (*51% опрошенных считают*, *то же самое думают 52% избирателей*, *в шести ключевых штатах*). Целью оратора является стремление создать негативный образ вокруг американских политиков через указание на их некомпетентность (*Трамп невменяем и не может занимать пост президента*), в этих условиях статические данные выполняют роль подтверждающего аргумента. В своем выступлении эксперт обращается к оценочной лексике, обеспечивающей воздействующую силу: *невменяем* ‘находящийся в состоянии невменяемости; неспособный отвечать за свои поступки’ *ключевой* ‘наиболее значительный в каком-л. отношении’, *сильно* ‘очень, весьма, крайне’ [МАС 1999].

Коммуникативные приемы реализации

А) Использование гиперболы и гротеска способствует актуализации политической значимости социальных событий, а также выражению негативного эмоционального отношения говорящего к предмету сообщения (негодования,

возмущения), порождению негативных эмоции у аудитории, что «обусловливает критику и дискредитацию оппонента и его действий» [Голубева, 2019: 203], например:

Ольга Скабеева: *Если бы только можно было иллюстрировать,* ***жертвоприношение устроили бы в эфире*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Ведущая придерживается в своей речи тактики дискредитации, через умаляющий образ доводит ситуацию до крайности (гиперболизирует): *жертвоприношение устроили бы в эфире.*

Евгений Попов: ***Сенсационные новости****. В Соединенных Штатах* ***до дрожи*** *боятся публиковать абсолютно все либеральные СМИ –* ***ни строчки*** *там нет о политических отравлениях в России, вернее об одном* ***выдуманном*** *отравлении. ФБР, Федеральное бюро расследований, поделилось с американской пропагандистской радиостанцией радиосводом доклада модели ***. Кто не знает, это такой вот тип, американский гражданин, хотя* ***сам утверждает и врет, что он таким не является*** («60 минут» дневной выпуск 25.09.2020).

Говорящий использует гиперболу, вводит информацию о том, что все либеральные СМИ в США *активно скрывают информацию о политических отравлениях в России.* Информация выражается с помощью эмоционально–маркированной лексики с оценочным компонентом: *сенсационные новости* (именительный темы, лексема *сенсационный* выступает в значении ‘чрезвычайный, вызывающий сенсацию’ [МАС, 1999]), наречия *до дрожи* (‘очень сильно’) *боятся*, *абсолютно* (‘полностью, совсем’), определительное местоимение *все* «определяет что-либо как нераздельное, взятое в полном объеме: целый, полный; указывает на высшую степень проявления обозначаемого существительным состояния, признака, качества» [Русская грамматика 1980], усилительная частица *ни* в сочетании *ни строчки* употребляются в для усиления отрицания. С помощью лексем *выдуманный* (‘не существующий в действительности; вымышленный’ [МАС 1999]) и *врет* (‘Говорить неправду; лгать’ [там же]) оратор указывает на вину объекта критики.

Владимир Корнилов: *Значит ситуация такая, если бы в Белоруссии была демократия, то там бы, скорее всего,* ***Тихановскую выкинули бы в мусорный бак*** («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

Эксперт открыто демонстрирует свое пренебрежительное отношение к референту, выражение *выкинули бы в мусорный бак* реализует по отношению к объекту дискредитации смысловой компонент ‘ненужный; то, от чего следует избавиться’.

Игорь Коротченко: *Вместо серьезного ответа выпускают либо Псаки с перепуганным лицом, либо Байдена, улыбающегося непонятно по какому поводу, видимо, по поводу своего второго срока, либо генсека НАТО* («60 минут», вечерний выпуск 24.12.2021).

В речи эксперта американская политика представлена через карикатурные образы, основу которых составляет преувеличенная характеристика: *перепуганным лицом; улыбающегося непонятно по какому поводу.* Гипербола способствует усилению сниженного образа, позволяет представить отрицательные качества в крайней степени их проявления.

Ольга Скабеева: ***Американцы врут, все, что американцы говорят, надо записывать на бумаге****, желательно кровью* («60 минут», вечерний выпуск 24.12.2021).

Тактика дискредитации реализуется за счет отрицательной оценки действий объекта высказывания (*американцы врут*). Следствием использования гиперболы (*все, что американцы говорят, надо записывать на бумаге*), апеллирующей к негативно оцениваемым действиям, становится формирование сниженного образа референта.

Артем Шейнин: *А после России скажут: «А знаете вот там созвездие кита распоясалось, ребята, слетайте-ка вы туда, и вот, когда вы привезете нам их уши, мы вас тогда в НАТО уже точно возьмем»* («Время покажет», 13.06.2024).

Посредством гротеска говорящий моделирует фантастическую ситуацию, когда политической группе для вступления в НАТО необходимо привезти уши

представителей созвездия кита: смешение реального и нереального контекста позволяет указать на невозможность достижения данных целей.

Б) Использование иронии может служить мощным инструментом дискредитации, поскольку она позволяет акторам ярко и образно транслировать свои эмоции и взгляды, например:

Ольга Скабеева*: Но тем не менее встреча Макрона и Тихановской состоится уже в понедельник в Литве. Литва, как нам известно,* ***единственное государство на планете, где Тихановская официально признана в качестве белорусского президента****, о чем, как многие шутят: «****Тихановской выдали справку»*** («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

Оратор указывает на недостаточно признанное и серьезное положение референта (***единственное государство на планете****, где Тихановская официально признана в качестве белорусского президента*). Образ белорусского политика принижается через иронию (*Тихановской выдали справку*), выраженную через несоответствие политического статуса и документа, его подтверждающего.

Ольга Скабеева: *Юрий Владимирович, ну, во-первых, чем все закончится и* ***трогательно так выглядит****, согласитесь,* ***когда Тихановская отдает команды Макрону****. Ну, во всяком случае это* ***любопытно*** («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

В речи ведущей преобладает снисходительно–иронический тон, который задается лексемами *трогательно*, *любопытно*. Актор проводит мысль о том, что С. Тихановскую не нужно воспринимать всерьез, поскольку ее действия лишь вызывают интерес, но не являются стратегией профессионального политика.

Ольга Скабеева: *Американские агенты провели расследование, но результаты* ***по каким–то странным причинам неожиданно засекретили****.* ***«Новичок», – вероятно, подумал ***, потирая руки в предвкушении новых грантов.*** *И велика вероятность новых санкций в адрес своей бывшей страны и родины через суд. Активист добился обнародования результатов следствия ФБР. Они опубликованы* ***частично, вот в этом «частично»*** *... Страшно представить*

ведь если опубликуют целиком, уже ясно. Это написано ***черным по белому: никакого отравления не было*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Ведущая использует в своей речи иронию – моделирует ситуацию, в которой зарубежная политика представлена в невыгодном свете, высмеивается: «*Новичок», – вероятно, подумал ***, потирая руки в предвкушении новых грантов.* В выступлении содержится указание на желание объекта дискредитации частично скрыть информацию, манипулировать фактами (*опубликованы* ***частично, вот в этом «частично»*** – повторение лексемы *частично* позволяет в форме намека выразить мысль о том, что опубликованные данные искажают и неправильно отражают реальные выводы). Убедительность словам ведущей придают высказывания, формирующие объективную модальность выступления: у*же ясно; черным по белому* (‘ясно и недвусмысленно’ [Федоров 2008]): *никакого отравления не было* (информация об отсутствии отравления выражена в утвердительной форме).

Ольга Скабеева: *Вроде, не старая дама, вроде бы, не идет речь про деменцию, а все–таки перепутала Россию и США* («60 минут», вечерний выпуск 11.01.2022).

В речи ведущей объект дискредитации предстает слабым политическим деятелем – образ референта принижается через отрицание возможных причин, объясняющих его ошибку: преклонный возраст *(старая дама),* нарушение когнитивных функций головного мозга *(не идет речь про деменцию).* Частица *все–таки* употребляется для противопоставления высказывания (*перепутала Россию и США*) предыдущему, а также для усиления значения высказываемого.

Артем Шейнин: *То, что они это озвучивают, это либо какая-то тупость безграничная, либо, ну знаешь,* ***звонит мошенник по телефону и говорит: «Здравствуйте, я телефонный мошенник, сейчас разведу вас на большие деньги и заплету мозги»*** («Время покажет», 19.12.2023).

Говорящий доводит ситуацию до крайности, проводит аналогию между действиями референта и мошенника, открыто признающего, что планирует совершить преступление (ирония достигается через противоречие целей и

поступков). Лексема *мошенник* ‘нечестный человек; плут’, а также выражения *развести на деньги* ‘обманывать, вымогать деньги’, *заплести мозги* ‘обманывать кого-либо’ репрезентуют сему ‘обман’ и позволяют имплицитно указать на недобросовестность объекта обсуждения.

Иван Трушкин: *Предвыборный штаб Байдена принял решение сократить время выступлений президента на публике. Замглава этого штаба по фамилии Фукс уверяет, что дело вовсе не в том, что* ***дедушка устал****, они говорят, что хотят сосредоточиться на качестве, а не на количестве выступлений, но вот верят в* ***эти мантры далеко не все***. Чего уж тут далеко ходить? ***Потому что Байдену и рот иногда не нужно открывать, чтобы попасть в нелепую ситуацию*** («Место встречи», 06.05.2024).

В своей речи оратор подчеркивает неспособность референта профессионально выступать на публике, использует ироничное высказывание *дедушка устал:* ирония достигается через стилистическое несоответствие – политический статус объекта описывается в разговорном стиле. Через имплицитное утверждение о том, что штаб Байдена сокращает время выступлений ради качества, но не из-за усталости (*мантра* – ‘перен. мысль, которая постоянно повторяется и должна быть воспринята без обдумывания, т.е. попытка убедить себя в чем-либо’ [МАС 1999], говорящий подвергает сомнению компетентность референта. Указание на ситуации, в которых оказывался американский политик (***и рот иногда не нужно открывать, чтобы попасть в нелепую ситуацию***), также служит достижению коммуникативных целей говорящего.

В) Использование градации при проведении тактики дискредитации заключается в повышении категоричности утверждений, что позволяет акторам выражать свое негативное мнение об объекте обсуждения, например:

Ольга Скабеева: *Это не только* ***деградация американских спецслужб, но и деградация американской журналистики, и деградация США в целом****, если они все это прочли, а там еще и написано, что оно не зашло в социальных сетях. Все равно поверили, все равно расстроились* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Ведущая категорична в своем негативном отношении к действиям американской стороны: утверждения американских СМИ, по ее мнению, свидетельствуют о *деградации США в целом* (оценочная лексема с отрицательной коннотацией *деградация* употребляется в значении ‘постепенное ухудшение, утрата ценных свойств и качеств, упадок’ [Кузнецов 2000]). Повтор и градация (*деградация американских спецслужб, деградация американской журналистики, деградация США в целом*) усиливают непринятие позиции референта, позволяют перенести отрицательную характеристику с представителей американской журналистики на весь образ США. О регрессии имплицитно намекает и высказывание *все равно поверили, все равно расстроились,* содержащее скрытое указание на инфантильность.

Ольга Скабеева: *А что касается амбиций американцев. Наверное, логичнее это даже называть фантомными болями, как иначе в руках главы альянса, который продемонстрировал свой полный крах в Афганистане, может оказаться судейский молоток.* ***Вы кого судите? Вы на что претендуете? Вы где одержали победу? Вы когда последний раз кому–нибудь помогли? Вы вообще зачем существуете?*** («60 минут», вечерний выпуск 11.01.2022)

В выступлении оратора риторические вопросы в сочетании с градацией (от анализа частного события ведущая переходит к общим вопросам – *Вы, вообще, зачем существуете?*) употребляются не только как средство выражения экспрессивности, но и как инструмент, применяемый в реализации тактики дискредитации. Обращаясь к адресату, говорящий имплицитно выражает негативную оценку (в подтексте содержится отрицательный ответ на заданные вопросы), тем самым вопросительные конструкции в совокупности образуют собой одно утверждение.

Г) Использование амплификации проявляется в «избыточном нагнетании средств языковой экспрессии с целью формирования определенного отношения адресата к излагаемому содержанию (эффект «магии слова»)» [Колтунова, Жарков 2022: 223], например:

Ольга Скабеева: ***Русофоб **** *два раза в эти годы оказывался в коме, но ничего вам это не напоминает? Потом* ***выздоравливал и устраивал гастрольные туры по telegram–каналам, телеканалам и газетным передовицам с лозунгами, о кровавом режиме отравителей****. Свои* ***кровь и мочу*** *при этом передал в ФБР для исследования, ведь российские врачи* (*тоже ничего вам это не напоминает?) никаких ядов не нашли. Зато* ***выявляли российские врачи антидепрессанты****, на которых он плотно сидел, ни для кого не секрет* («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

Языковой ярлык *русофоб* эксплицитно репрезентирует негативную оценку объекта дискредитации, позволяет создать негативный образ политической фигуры. Ведущая обвиняет референта в изображении последствий отравлений, которые позволили ему привлечь внимание общественных масс (*два раза в эти годы оказывался в коме, потом выздоравливал и устраивал гастрольные туры по telegram–каналам...*), иронично по отношению к высказываниям референта применяется словосочетание *гастрольные туры,* в прямом значении предполагающее *'выступления, спектакли приезжей театральной труппы или одного приезжего артиста'* [МАС 1999], а в переносном реализующее негативный смысловой компонент «искусственный, фальшивый, наигранный». Также ведущая указывает на противоречивость информации о состоянии референта: *российские врачи <...> никаких ядов не нашли*. Функцию снижения образа выполняет информация о том, что он использует психотропные лекарственные средства: *выявляли российские врачи антидепрессанты, на которых он плотно сидел, ни для кого не секрет.* Отдельно следует отметить риторические вопросы (*ничего вам это не напоминает? тоже ничего вам это не напоминает?*), используемые как средство выражения намека на прецедентные события. Избыточное нагнетание средств языковой экспрессии, указание на многочисленные осуждаемые действия позволяют сформировать у аудитории негативное отношение к объекту описания.

Евгений Попов: *Ближайший в этом, он и этого не скрывает,* ***соратник Ходорковского, бывший связной, мальчик на побегушках и порученец сенатора русофоба Маккейна. Близок к еще одному сенатору русофобу Бэну Кардину****.*

Возит в Вашингтон пачками российских оппозиционеров. В списке оппозиционный, ***соавтор антироссийского санкционного акта Магницкого, автор тех самых санкционных списков и ярый пропагандист насильственного, революционного и кровавого свержения власти в России***. («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

Функция снижения реализуется через использование эмоционально-оценочных слов и словосочетаний, имеющих отрицательную коннотацию: устойчивое выражение *мальчик на побегушках* (разг. пренебр. ‘о человеке, выполняющем мелкие и несложные поручения, не требующие особой квалификации и т.п.’ [Федоров, 2008]); *порученец* (книжн., стилистическая неоднородность формирует иронию); *русофоб; насильственного, революционного и кровавого свержения*. В выступлении формируется группа «чужих», к которой ведущий относит референта: *соратник Ходорковского*; *порученец сенатора русофоба Маккейна*, *близок к еще одному сенатору русофобу Бэну Кардину* (введение в отрицательно оцениваемы контекст, нагнетание выражений, негативно характеризующих адресата). Признаки речевого акта дискредитации в анализируемом тексте выражаются и в указании на отрицательно оцениваемые действия: *Возит в Вашингтон пачками российских оппозиционеров*; *автор тех самых санкционных списков и ярый пропагандист насильственного, революционного, кровавого свержения власти в России*.

Сергей Липовой: *Там тоже важное уточнение: американцы* ***трижды провалили испытание своего гиперзвука. Трижды!*** *События развиваются параллельно. Вот прямо сейчас. Вчера – очередной провал* («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

В речи эксперта наблюдается нагнетание деталей, неприглядных для американской политики: повтор *трижды* выполняет усилительно–выделительную и экспрессивно–эмотивную функции, актуализирует информацию, которую говорящий считает значимой (*трижды провалили испытание своего гиперзвука*). Словосочетание *очередной провал* (лексема *очередной* употребляется в значении ‘повторяющийся, возникающий время от времени’ [МАС 1999], *провал* – ‘перен.

полная неудача в каком–либо деле’ [МАС 1999]) содержит дискредитирующие сведения о том, что иностранное государство неоднократно терпело неудачу.

Андрей Афанасьев: *Западные элиты, американское руководство – все те, кто руководит Западом, давным-давно* ***живут по принципу вампира или упыря****.* ***Они на самом деле уже мертвы, но для того, чтобы поддерживать свое существование, им нужна чужая кровь, им нужны жертвы.*** *Они уже могли бы развалиться и погибнуть в конце восьмидесятых, но распался восточный блок, и,* ***поедая*** *восточную Европу во всех смыслах, они продлили свое существование,* ***доели*** («Время покажет», 05.05.2023).

В приведенном контексте западные элиты и американское руководство сравниваются с *вампирами* или *упырями,* что позволяет говорящему репрезентовать по отношению к референту негативные смыслы, т.к. с помощью сравнения формируется представление о западных лидерах как о безжалостных и жаждущих власти и контроля. Другим средством, используемым экспертом для дискредитации объекта обсуждения, является утверждение о том, что западные элиты на самом деле уже мертвы, но продолжают существовать за счет других *(чужой крови, жертв).* Также продолжением идеи является метафоры: *поедая восточную Европу, доели.* Через сочетание различных средств языковой экспрессии в одном контексте эксперт создает общий нарратив, ставит под сомнение честность и мотивацию западных лидеров, что может быть обусловлено стремлением защитить интересы собственного государства.

Дина Кирнарская: *Говорят, что демократия – права меньшинства. И вот это маленькое меньшинство не надо преувеличивать, там нет каждого второго трансгендера и сумасшедшего парня, претворяющегося девицей. А вообще это, конечно,* ***идиотизм, бред, маразм, идиотизм и преступление*** («Время покажет», 05.08.2024).

В речи эксперта наблюдается скопление пейоративных лексем: *идиотизм* – ‘бессмысленность, нелепость, глупость’ [МАС 1999], *бред* – ‘о чем-либо несуразном, бессмысленном’ [там же]*, маразм* – ‘упадок, разложение’ [там же]*, преступление* – ‘неправильное, вредное поведение’ [там же]). Амплификация

используется для усиления степени осуждения и передачи негативной оценки обсуждаемого феномена.

Д) Приемы «навязывание пресуппозиции» и «недобросовестное использования инференций» являются важными инструментами в тактике дискредитации, позволяя манипулировать восприятием аудитории и формировать негативное мнение о предмете критики: «*пресуппозиция* представляет собой невербализованное, т.е. не высказанное прямо суждение, которое полагается «по умолчанию» как общеизвестное или безусловно истинное, выступая основным условием осмысленности всего высказывания, т.е. своего рода «базой» для его понимания; <…> *инференция* представляет собой, в отличие от пресуппозиции, так называемое «выводное знание», знание, которое вообще не содержится в семантике слов и выражений, составляющих высказывание [Радбиль, Юматов 2014: 19]. Обратимся к следующим примерам:

Михаил Делягин: *Понимаете, если эта женщина была таким же гинекологом, каким она является министром иностранных дел, то ее уход в политику спас много немецких жизней* («60 минут», вечерний выпуск 27.06.2022).

Тактика дискредитации в анализируемом контексте реализуется через имплицитное указание на слабые профессиональные качества политика. С помощью сравнительной конструкции *таким же …, каким …* эксперт уподобляет два уровня профессиональной деятельности референта, достигнутых в области медицины и политики. Из пресуппозиции высказывания следует, что объект обсуждения ‘является плохим министром иностранных дел’ – скрытый смысл выводится из фразы *ее уход в политику спас много немецких жизней* методом умозаключения: референт ‘был плохим гинекологом и является неквалифицированным политиком’.

Иван Трушкин: *Если он где-то сфотографировался или кому-то пожал руку, в этом месте, или тому человеку стоит ждать беды. Вот недавно жаловался, что он протянул руку бельгийскому премьеру Де Кро или фотографировался, выступая в парламенте, и вот уже Де Кро уходит в отставку, а Макрон*

объявляет внеочередные выборы в национально-французской конференции («Место встречи», 10.06.2024).

Ведущий использует прием наведения аудитории на желаемые выводы с помощью включения некоторой информации. С целью дискредитировать референта в глазах адресата указывает на закономерность, негативно характеризующую объект описания, устанавливает причинно-следственные связи между негативными событиями (*Де Кро уходит в отставку, Макрон объявляет внеочередные выборы*) и действиями референта (*сфотографировался или кому-то пожал руку*). Таким образом создается впечатление о том, что поступки лица были одной из причин указанных проблем.

Иван Трушкин: *Ее муженек зарабатывал на транзите между Эстонией и Россией. Задумайтесь* («Место встречи», 27.06.2024).

С помощью глагола *задумайтесь* из предыдущей фразы выводится скрытый смысл: говорящий подводит аудиторию к определенному выводу о возможных нечестных поступках, связанных с деятельностью супруга референта (лексема муженька – ‘разговорно-фамильярная к *муж*, употребляется преимущественно иронически’ [МАС 1999]).

Кроме того, в политическом дискурсе часто применяется тактика, которая направлена на создание негативного представления о будущем или о последствиях, произошедших из-за действий оппонента. Эта тактика, известная как «негативное прогнозирование», включает использование различных средств (употребление глаголов отрицательного воздействия на объект, устойчивых оборотов с семантикой предсказания, синтаксический параллелизм и аналогии и т.д.) для создания впечатления, что действия оппонента приведут к негативным последствиям или катастрофическим результатам.

7) Тактика негативного прогнозирования

Тактика негативного прогнозирования в политической коммуникации предполагает предсказание, суждение о дальнейшем развитии событий, о возможных отрицательных последствиях, а также создание неблагоприятного для

реципиента образа будущего. В качестве коммуникативных приемов и языковых средств реализации следует выделить:

Лексические средства реализации

А) Использование глаголов отрицательного воздействия на объект позволяет говорящему прямо или косвенно предсказать негативные последствия, которые могут произойти с референтом при определенных условиях, например:

Ольга Скабеева: *И не забывайте про российскую Конституцию:* ***непризнание Крыма Вам лично как гражданину Российской Федерации грозит ответственностью*** («60 минут», вечерний выпуск 27.06.2022).

В данном контексте угроза выражена косвенно, через указание на возможные санкции, наказания для адресата в будущем. Также в высказывании содержится агрессогенная лексема *грозит*, имеющая значение ‘заключать в себе какую–либо угрозу, опасность для кого–либо, чего–либо; пугать своей близостью, возможностью осуществления’ [Кузнецов 2000].

Б) Использование устойчивых оборотов с семантикой предсказания выражают идеи о вероятных исходах событий:

Анатолий Кузичев: *Мне кажется, что вот этот градус абсурда зашкаливающий, ну правда, вот сейчас, сегодняшний, он намекает, как бы на то, что* ***мы будет недолго ждать****, что переход в некое новое качество, не знаю какое, может оно напугает нас еще сильнее, чем сейчас, но оно* ***не за горами*** («Время покажет», 15.09.2021).

В своем выступлении эксперт указывает на изменения, которые, по его мнению (*мне кажется*), произойдут в ближайшее время. Семантика скорого приближения репрезентуется актором с помощью фразы *мы будет недолго ждать* и устойчивого оборота *не за горами,* употребляемого в значении ‘не так долго; скоро, в ближайшее время’ [Федоров 2008].

Константин Симонов: *Не обязательно рухнет, но то, что* ***шаг за шагом*** *Соединённые Штаты сами заставляют мир задуматься, что можно жить без доллара – это очевидно. Кстати, на той неделе Саудовская Аравия, например, прекратила действие знаменитой сделки по нефти долларами – опять же это не*

означает, что доллар рухнет, но тем не менее – это уже ***серьезные звонки****, таким образом постепенно можно* ***доиграться*** («Время покажет», 13.06.2024).

В приведенном речевом фрагменте тактика прогнозирования заключается в интерпретации последовательных изменений и событий, позволяющих эксперту сделать вывод о возможных перспективах и последствиях для доллара и мировой экономики. Маркерами мнения эксперта являются следующие устойчивый обороты: *можно доиграться* в значении ‘легкомысленным или неосторожным поведением довести себя до каких-л. неприятностей’ [МАС 1999], *шаг за шагом* — ‘постепенно, размеренно, неуклонно’ [там же], *серьезные звонки* — перен. разг. ‘тревожный случай, служащий предостережением, сигналом о возможности более серьёзных событий’ [там же]. Прагматическая направленность причинно-следственных отношений в предсказательных конструкциях заключается в объяснении взаимосвязи определенных явлений: говорящий указывает на то, что действия и решения, принимаемые Соединенными Штатами, позволяют судить о возможности жить без использования доллара в качестве основной валюты.

Александр Казаков: *Мелони – тетка* ***та еще****, она обязательно* ***подложит мину*** *под всю эту левоцентристскую историю* («Место встречи», 27.06.2024).

Эксперт для указания на возможные последствия, к которым приведет деятельность референта, использует разговорное выражение *та еще* с указательным местоимением и значением ‘человек, от которого можно ждать что угодно’ [Смирнов 2003], а также устойчивый оборот *подложит мину* – ‘причинить ущерб, вред’ [Федоров 2008], который употребляется в сочетании с усилительным наречием *обязательно* (‘безусловно, непременно’ [МАС 1999]).

И не только она одна. Вы Орбана показали, покажите еще Ле Пен. То есть сейчас в Европе есть кому ***подставить ножку*** («Место встречи», 27.06.2024).

В своей речи эксперт указывает на существование людей, которым можно *подставить ножку* (фразеологизм употребляется в значении ‘помешать достижению какой-либо цели недобросовестными средствами, устроить неприятность’ [Кузнецов 2000]), посредством чего намекает на возможные негативные последствия, которые могут произойти с референтами.

Грамматические средства реализации

А) Использование конструкций с условным компонентом позволяет актору создавать гипотетические сценарии и подчеркивать потенциальные риски, например:

Владимир Жириновский: *Сегодня вы бы в Брюсселе не находились, это доброта тех, кто в Кремле находится.* ***Уж я бы давно с вами по-другому все закончил,*** *вы язык добрый не понимаете* («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

В данном контексте угроза выражена косвенно. Смысловая составляющая анализируемого высказывания заключается в следующем: во–первых, говорящий указывает на благосклонное отношение российских представителей власти (*тех, кто в Кремле находится*) к адресату, во–вторых, выражает собственное отношение, которое отличается от описанного выше. Грамматическими признаками угрозы в исследуемом языковом материале являются форма сослагательного наклонения (*я бы давно с вами по–другому все закончил*), выражение *язык добрый не понимаете* является обоснованием косвенной угрозы.

Алексей Журавлев: ***Если вы, ребята, не способны это делать, не способны мозги включать, то нам приходится как–то решать более серьезными методами это дело****. И я считаю, что этот вопрос, если это приведет к катастрофе,* ***закрывать глаза на это дело никто не станет.*** *И там они способны на любое,* ***да, мы способны на любое для защиты своих граждан, и пускай они это знают*** («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

Косвенная угроза выводится из содержания всего высказывания: имплицитная угроза в речи эксперта предстает как вынужденная ответная мера на действия другой стороны (лексема *приходится* имеет значение ‘быть вынужденным что–либо сделать; необходимость**,** неизбежность в связи с какими–либо обстоятельствами, условиями’ [МАС 1999]). В контексте также реализуется тактика «свои»–«чужие» (*вы, ребята, они – нам, мы*)*,* которая позволяет определить две противоборствующие группы, личное местоимение 1л., мн. числа *мы* выполняет функцию объединения (говорящий включает себя в группу «своих»,

тем самым становится адресантом общего мнения). Эмоциональность речи придают устойчивые сочетания: *не способны мозги включать* (‘начать думать, размышлять’), *закрывать глаза* (‘не обращать внимания на что-нибудь, намеренно не замечать’ [МАС 1999]).

Андрей Норкин: ***Кто бы ни пытался помешать нам**, а тем более создать угрозы для нашей страны, для нашего народа, должны знать, что ответ России будет незамедлительным и приведет вас к таким последствиям, с которыми вы никогда не сталкивались* («Место встречи», 14.08.2024).

В основе высказывания лежит условно-уступительная конструкция с частицей бы (*кто бы ни пытался помешать нам)*, с помощью которой актор конструирует возможные события. Имплицитная форма выражения директивной интенции (лексема *ответ*, употребляемая как эвфемизм) позволяет предупредить реципиентов о последствиях, которые могут произойти в ответ на их действия.

Б) Синтаксический параллелизм в тактике негативного прогнозирования может использоваться для усиления воздействия, в частности, для акцентирования внимания на тех частях высказывания, которые, по мнению говорящего, наиболее важны, например:

Евгений Попов: *Вы же прекрасно понимаете, что ваша страна, не знаю, по счастливой для вас или несчастливому стечению обстоятельств, решит эту проблему. **Вода будет в Крыму не сегодня, завтра она будет, за счет того, что мы уничтожим дамбу, за счет того, что мы решим дипломатически – не важно*** («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

Предложение с однородными местоименно-союзными придаточными, с однотипным расположением коррелятов и однотипной организацией предикативных основ – синтаксический параллелизм, ведущий описывает два решения по выходу из ситуации: дипломатический компромисс или уничтожение дамбы. Из пропозиции высказывания следует, что для российской стороны *не важно*, какой путь выбрать (утверждается авторитет государства): мирный или военный – это зависит от действий другой страны.

Игорь Коротченко: *Будет заговор. Поэтому судьбу они будут готовить белорусской элите* ***точно такую же, которую приготовили ближайшим соратникам и точно такую же, которую приготовили противникам США*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Говорящий обвиняет референтов в подготовке заговора (лексема *заговор* имеет значение ‘тайное соглашение нескольких лиц о совместных действиях против кого–либо, чего–либо для достижения определенных политических целей’ [МАС, 1999]. В основе речевого акта угрозы лежит синтаксический параллелизм, в качестве аргументации эксперт отсылает к опыту других стран: *точно такую же, которую приготовили ближайшим соратникам – точно такую же, которую приготовили противникам США*. Так, говорящий косвенно указывает, что и с соратниками, и с противниками представители США поступают одинаково.

Коммуникативные приемы реализации

А) Использование аналогии предполагает, что говорящий определяет общие признаки у разных явлений и, основываясь на установленном сходстве, делает вывод о возможных последствиях, например:

Евгений Попов: *Значит смотрите, если вы тронете наших граждан, то* ***прилетит волшебник в голубом вертолете****, уверяю вас, очень быстро* («60 минут», дневной выпуск 11.09.2020).

Эвфемизация в приведенном контексте не только дает возможность избежать прямой угрозы, но и задает ироничный тон всему высказыванию: в контексте сталкиваются явления из противоположных сфер («взрослый» и «детский» мир). Образ волшебника в голубом вертолете взят из известной детской песни Крокодила Гены (мультфильм «Чебурашка») с целью придать комизм ситуации через сопоставление явлений из разных сфер жизни – политики и детского мультика.

Константин Симонов: *Знаете, был недавно придуман такой спорт смесь шахмат и бокса, когда сначала играешь в шахматы, а потом морду бьешь – вот тут тоже. Может наступить такой момент, когда уже шахматистам придется надевать перчатки. Так что уже не до стратегий каких-то будет,*

начнется уже глобальное такое рубилово, месилово («Время покажет», 13.06.2024).

Эксперт проводит аналогию между новым видом спорта, сочетающего шахматы и бокс, и политической ситуацией. Подобно тому, как в изобретенном спорте комбинированы стратегия и физическое насилие, говорящий предполагает, что можно ожидать резкого изменения характера политических действий, намекает на возможность перехода от интеллектуальных стратегий и умственных поединков к более насильственным методам разрешения проблем (*шахматистам придется надевать перчатки*). Для придания речи эмоциональности говорящий использует экспрессивную сниженную лексику: *рубилово, месилово* – жарг. ‘ожесточенная драка, бой, потасовка’ [Елистратов 2002: 247, 407], *бить морду* – груб-прост. ‘избить’.

Итак, допустимо утверждать, что коммуникативные тактики анализ–«минус», безличное обвинение, обвинение, дискредитация, оскорбление и негативное прогнозирование часто используются в политическом дискурсе при реализации стратегии на понижение, целью которой является стремление подорвать авторитет и доверие к оппоненту. Однако, стоит отметить, что использование данных тактик может иметь негативные последствия и привести к эскалации конфликта. В некоторых случаях более эффективной может быть стратегия на повышение, которая направлена на построение доверия и укрепление авторитета, а не на их разрушение.

2.2.2. Стратегия на повышение

Стратегия на повышение характеризуется стремлением говорящего представить объект обсуждения в выгодном свете, поднять его значимость в глазах аудитории, а также «реконструкцией положительных моментов описываемой ситуации с нивелированием критической аргументации» [Гасанов 2022: 112]. Для достижения обозначенных коммуникативных целей используются различные речевые тактики:

1) Тактика анализ–«плюс»

Тактика анализ–«плюс» предполагает «такое описание ситуации, которое имплицитно выражает положительное отношение к рассматриваемой ситуации» [Акопова 2013: 406]. Среди языковых средств и коммуникативных приемов, применяемых экспертами и ведущими российских политических ток-шоу для достижения целей данной тактики, можно выделить:

Лексические средства реализации

А) Использование лексики с положительной коннотацией способствует позитивному описанию рассматриваемой ситуации, актуализирует положительные смыслы и позволяет говорящему выразить собственное отношение, например:

Дмитрий Егорченков: *Все международные игроки, которые заинтересованы в том, чтобы, ну, хотя бы какое–то разнообразие в мире в 21 веке сохранялось, должны сегодня Россию поддержать. Что и делают* ***наши китайские товарищи и друзья,*** *поддерживая нас и с точки зрения гарантий безопасности, и с точки зрения создания общих, оторванных от западных систем, финансовых инструментов и так далее, и так далее.* ***Китайцы хорошо понимают, что то, что сейчас делает Россия, – это и в их интересах*** («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

В своем выступлении оратор положительно высказывается о российско-китайском сотрудничестве, для выражения одобрения использует оценочную лексику: *наши китайские товарищи и друзья (товарищ* – ‘человек, связанный с кем–л. узами дружбы, близкий приятель; человек, участвующий с кем–л. в одном деле’ [МАС 1999]; *друг* – ‘тот, кто связан с кем–л. дружбой’ [Кузнецов 2000]), *в их интересах* (словосочетание употребляется с целью указания на того, чьи интересы учитываются, и имеет значение ‘на благо кому–либо или чему–либо, на пользу кому–либо или чему–либо’ [Ефремова 2000]).

Сергей Липовой: *Сегодня китайцы показали свои лучшие качества* ***союзников–партнеров****, когда мы оказались в сложной ситуации. Сегодня они нас поддержали, и это точно так немножко охладило пыл Америки, ведя речь о том, что против них не одна Россия, а уже* ***два мощных союзника*** («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

Оратор положительно высказывается о российско-китайских отношениях, о поддержке, которую оказала китайская сторона (*показали свои лучшие качества союзников–партнеров, когда мы оказались в сложной ситуации*), использует в своей речи лексику с положительной коннотацией, со значением солидарности: *союзников–партнеров* (*союзник* – ‘тот, кто находится, действует’ [Кузнецов 2000]; *партнер* – это участник какой–либо совместной деятельности [Кузнецов 2000]; лучшие качества (*лучший* –превосходная степень к прилагательному «хороший»; ‘самый хороший’)*, два мощных союзника (мощные* – ‘обладающие большими силами, богатыми средствами и возможностями для осуществления каких–либо действий, для выполнения своего назначения’ [Бинштейн, Самыличева 2023: 8]).

Сергей Липовой: *Последние события в Казахстане показали, что ОДКБ – это не бумажная какая–то организация, а ОДКБ – это серьезная организация, в которой все четко отлажено, и в случае реальной угрозы они проводят блестящую операцию, и проводят настолько, что Америке и Европе сказать нечего* («60 минут», вечерний выпуск 11.01.2022).

В речи эксперта содержится положительная информация об организации ОДКБ, а также о проводимой ей деятельности. Положительный образ формируется через использование оценочной лексики: *серьезная организация* (*серьезный* – ‘проникнутый ответственностью, основательностью, взвешенностью; требующий такого отношения; большой и важный, существенный; фундаментальный’ [Кузнецов 2000])*, все четко отлажено* (*четкий* – ‘хорошо организованный, аккуратный; выполняемый точно, во всех подробностях’ [МАС 1999]; *отлажено* от глаг. *отладить* – ‘отрегулировать работу чего–либо, приготовить к действию’ [там же]), *проводят блестящую операцию (блестящий* – ‘перен.; выдающийся, замечательный, превосходный’ [там же]). Эксперт применяет прием антитезы: говорит о том, что это *не бумажная какая–то организация (бумажная организация* – ‘существующая скорее в теории, чем в реальности; деятельность отражена исключительно «на бумаге», т.е. в документах’; местоимение *какая–то* придает оттенок пренебрежения, является средством выражения авторской позиции), а *серьезная организация, в которой все четко отлажено* – такое

противопоставление позволяет подчеркнуть достоинства ОДКБ, отличающейся от других организаций. С помощью конструкции с местоимением *настолько* оратор указывает на высокую степень проявления признака, что также усиливает положительный образ объекта описания.

Адальби Шхагошев: *Российская Федерация строила в современной истории как минимум такие взаимоотношения, на таком паритетном праве, уважая своих партнеров, что за последние 10 лет это стало очевидным* («60 минут», вечерний выпуск 20.07.2022).

В своем выступлении эксперт положительно высказывается о деятельности Российской Федерации, которая выстраивала взаимоотношения с другими государствами *на паритетном праве (паритетный* – ‘основанный на принципе равенства и равноправия сторон’ [МАС 1999]), *уважая своих партнеров* (*уважать* – ‘принимать что–либо во внимание, считаться с чем–либо, относиться с уважением’ [МАС 1999]). Положительное отношение оратора выражается через высказывание *это стало очевидным,* т.е. не нуждающимся в доказывании [Бинштейн, Бурова, Поспелова 2024: 47].

Анатолий Кузичев: *Про то, как это время войдет в учебники истории, в учебники экономики, дай Бог, тоже войдет. И конечно, хочется, чтобы этот параграф* ***здоровенный назывался «удивительной Победой России»*** («Время покажет», выпуск 07.06.2024).

В своем выступлении эксперт обращается к тактике анализ-«плюс», используя выражение *дай Бог, тоже войдет,* глагол с модальностью желания (*хочется),* указывающий на то, что данный исход был бы для оратора предпочтительным. Говорящий подчеркивает значимость анализируемых событий, предполагает, что они будут включены в учебники истории и экономики, через гипотетическое название раздела положительно оценивает объект обсуждения (*назывался удивительной Победой России*: удивительный – ‘поразительный, прекрасный’ [МАС 1999]; *победа* – ‘успех в борьбе за что-л., достижение, успешное осуществление чего-л. в результате борьбы, преодоления’ [там же]).

Иван Трушкин: *Посмотрите, как континенты объединяются. Такого единства не было. Когда видят несправедливость, люди выходят на улицу и говорят: «это несправедливо». И когда мы предлагаем повестку «Россия», у нас* ***краеугольный камень этой повестки – справедливость*** («Место встречи», 17.05.2024).

В своей речи говорящий представляет справедливость, то есть ‘беспристрастное, справедливое отношение к кому-либо, чему-либо’ [МАС 1999], как основной принцип повестки Российской Федерации, что выражено через устойчивое выражение *краеугольный камень* – ‘основа, важнейшая часть чего-либо’ [там же].

Б) Использование метафор с положительной коннотацией позволяет образно представить анализируемую ситуацию с положительной стороны, например:

Константин Симонов: *С точки зрения поставок российского сырья на другие рынки, потому что, ну, например, на товарных рынках Россия – это настолько* ***ведущий игрок, что ее любыми санкциями невозможно стереть ластиком*** («Время покажет», 07.06.2024).

В выступлении эксперт использует метафору *ведущий игрок*, чтобы подчеркнуть роль своего государства в мировой экономике (лексема *ведущий* употребляется в значении ‘наиболее важный, главный, основной’ [Горбачевич, Герд Т.2 2004: 376]). Конструкция *настолько ... что*, метафора *невозможно стереть ластиком* способствуют выражению идеи о том, что даже применение санкций неспособно нанести России серьезный ущерб, поскольку позиция государства крепка, и на мировом рынке оно имеет высокую степень надежности как поставщик сырья.

Грамматические средства реализации

А) Предложение с составным градационным союзом (не только... но и) используется в тактике анализ–«плюс» для подчеркивания положительных аспектов рассматриваемой ситуации, акцентирования внимания аудитории на двух

важных, по мнению актора, положительных свойствах или результатах, что усиливает общий оптимистичный тон выступления, например:

Артем Шейнин: *Увеличение финансирования науки и исследований не только способствует развитию новых технологий, но и повышает конкурентоспособность страны на мировом рынке* («Время покажет», 15.09.2021).

В приведенном речевом фрагменте актор выделяет два положительных эффекта, связанных с увеличением финансирования науки и исследований: *развитие новых технологий* и *повышение конкурентоспособности страны на мировом рынке*. Составной союз *не только... но и* употребляется для выделения, подчеркивания существенной выгоды, которую приносит финансирование науки, что делает аргумент более убедительным.

Коммуникативные приемы реализации

А) Использование повтора при проведении тактики анализ-«плюс» обеспечивает привлечение внимания аудитории к позитивным свойствам объекта обсуждения, а также усиливает степень проявления признака и восприятие ключевой идеи выступления, например:

Петр Гаращук: *Я офицер советской армии. Этим **гордился, горжусь и буду гордиться**, **сколько буду жить*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Эксперт в своей речи придерживается стратегии на повышение. Конструкция с употреблением трех временных форм глагола *гордиться* (*гордился, горжусь и буду гордиться; гордиться – ‘Испытывать чувство гордости, удовлетворения’* [Ефремова 2000]) усиливает эмоциональность, указывает на протяженность и постоянство данного состояния [Бинштейн, Бурова, Поспелова 2024: 47].

Константин Абрамов: *На сегодняшний день эти выборы показали доверие избирательной системе России. То, что люди высказались, то, что им было **удобно**. 91 процент сказал о том, что голосовать в электронной либо живой форме достаточно **удобно**. Сейчас система сделана такой, чтобы любой человек, любой россиянин мог в любой **удобной** форме, в **удобное** для него время высказать свое мнение о том, какой должна быть страна* («Время покажет», 18.03.2024).

Эксперт подчеркивает высокий уровень доверия у россиян к избирательной системе, которая отличается удобством и доступностью процесса голосования, как средство убеждения использует процентный показатель (*91 процент сказал о том, что*) и ссылается на общее мнение граждан (*люди высказались*). Повторение лексемы *удобно*, употребляемой в значении ‘такой, которым хорошо, легко или приятно пользоваться’ [МАС 1999], способствует усилению стратегии на повышение, формированию положительного образа честного государства, которому можно доверять.

Антон Хащенко: *Ну, там же в документах, если внимательно посмотрите, в их заявлениях – там четкая* ***поддержка*** *политического курса друг друга,* ***поддержка*** *суверенитета. Что вам еще нужно-то?* («Место встречи», 17.05.2024).

В своей речи говорящий использует повтор лексемы с семантикой солидарности *поддержка*, имеющей значение ‘оказание помощи, содействия в чем-либо; выражение своего согласия с чем-либо, выступление в защиту кого-, чего-либо’ [МАС 1999]. Это создает впечатление о том, что отношения между сторонами равноправны и основываются на взаимном уважении и помощи. Через акцентирование внимания на документах, в которых, по словам эксперта, содержится подтверждение выбранной политической тактики, достигается положительная оценка описываемых событий.

Б) Апелляции к чувствам и эмоциям аудитории (надежды, справедливости, национальной гордости и т.п.) позволяют актору создать убедительное и эмоционально насыщенное сообщение, подчеркивающее положительные аспекты анализируемого явления, например:

Петр Гаращук: *Потому что мы родились в советской стране, наша страна имела армию, где мы,* ***мальчишки, в то время служили, принимали присягу и закалялась сталь****, и* ***гордились тем, что мы офицеры, защитники нашего Отечества****.* ***Священный долг, священная обязанность всех мужчин во все времена и всех странах – беречь свою страну, своих людей*** *от врага – и мы это делали, и я могу* сказать, *что мы гордились этим сами и продолжаем гордиться* («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Эксперт обращается к общим и неизменным ценностям и идеалам, выстраивает единый положительный ментальный образ защитника Родины, который понятен обеим сторонам аудитории: *закалялась сталь* – прецедентная метафора из заглавия романа «Как закалялась сталь» Николая Островского и одноименного фильма). В выступлении используется лексика со значением обобщенности: повтор определительного местоимения *весь (**всех** мужчин во **все** времена **и всех** странах)* выполняет выделительную функцию, репрезентует семантику неизменности, вечности, помогает подчеркнуть значимость аргумента.

Михаил Кузьмин: *Когда сказали о наших детях, что они туповаты. А **кто тогда сегодня защищает нас? А кто сегодня работает на нашем производстве?** Это наши дети – это наши дети, которые 20 лет сдают ЕГЭ, это **лучшие дети*** («Место встречи», 10.06.2024).

Эксперт положительно оценивает образовательную систему, требующую от обучающихся сдавать единый государственный экзамен. На контрасте с отрицательным контекстом (*Когда сказали о наших детях, что они туповаты*) говорящий использует повтор лексемы дети, риторические вопросы *(А кто тогда сегодня защищает нас? А кто сегодня работает на нашем производстве?)* и подчеркивает значимую и почетную общественную роль, которую играют люди, когда-то сдававшие ЕГЭ. Фраза *это лучшие дети* является повторением и усилением предыдущего утверждения об успешности и ценности этих людей, а апеллирование к теме детства придает выступлению эмоциональности.

Помимо проведения позитивной оценки ситуации, что достигается посредством реализации тактики анализ-«плюс», в политической коммуникации может возникнуть необходимость ответить на потенциальную критику или обвинения со стороны оппонентов. Для обозначенных целей участниками политический ток-шоу нередко проводится тактика отвода критики и оправдания, которая направлена на нейтрализацию или смягчение негативных высказываний или обвинений.

2) Тактика отвода критики и оправдания

Данная тактика заключается в приведении аргументов, которые позволили бы оправдать те или иные поступки, послужили бы смягчающим обстоятельством, основанием для извинения какого-либо негативно оцениваемого действия. При экспликации тактики отвода критики говорящий старается в своем выступлении «дистанцироваться от факта участия в той или иной негативной ситуации, стремится оправдать себя в глазах аудитории» [Акопова 2013: 406]. При этом в политическом дискурсе тактика отвода критики по своей сути является перлокутивным эффектом стратегии нападения: «адресат может промолчать или полностью согласиться с адресантом, а может использовать определенные защитные семантические варианты, чтобы предохранить себя от последствий вербального нападения, а также ответить “агрессору” контробвинением» [Залегдинова 2013: 13]. В качестве языковых средств и коммуникативных приемов реализации выступают:

Лексические средства реализации

А) Использование лексики с отрицательной семантикой позволяет оратору дистанцироваться от ситуации, отказаться от выдвигаемых в его сторону обвинений и перенаправить внимание аудитории, например:

Ольга Скабеева: *Глава МВД заявил, что россиян задержали всего в полутора километрах от резиденции Лукашенко и среди задержанных наверняка были снайперы, но, судя по кадрам белорусского телевидения, у россиян изъяли лишь перочинные ножи, фонари, деньги и контрацептивы больших размеров* ***– никаких снайперских винтовок, естественно, не было, оружия не было в принципе*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Ведущая не признает обвинения, направленные в адрес российской стороны, перечисляя предметы, которые были обнаружены у задержанных россиян, ведущая латентно указывает на абсурдность, приписываемой вины, поскольку у военных не было оружия. Вводное слово *естественно* (‘разумеется, по вполне понятным причинам’ [МАС 1999]) является маркером мнения, выражает позицию Ольги Скабеевой, которая не сомневается в невиновности задержанных, местоимение

никакой, а также частица *не* в сочетании с глаголом *быть* (*не было*) служат для выражения полного отрицания.

Б) Использование лексики с положительной коннотацией при проведении тактики отвода критики позволяет оратору «смягчить» негативную оценку, создать более благоприятное восприятие и поддержать собственный позитивный имидж или имидж своего государства, например:

Ольга Скабеева: *Подождите. Если у вас «хорошо» по математике, то надо тоже понимать, что* ***я с нежностью к Америке, поэтому сказала не как на самом деле «миллион триста», а сказала «примерно миллион». Вы знаете, чтобы не злорадствовать, даже немножко с некоторой жалостью. Что же вы передергиваете–то?*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

На высказывание о том, что ведущая программы *злорадствует*, т.е. ‘относится кому-то с ехидной злобой’ [Горбачевич, Герд Т.6 2004: 744], ведущая отвечает, что ее отношение к США можно назвать лояльным (использует лексемы *с жалостью* – ‘с чувством соболезнования, сострадания к кому–либо’ [МАС 1999]; *с нежностью* – ‘проявляя любовь, ласку по отношению к кому–либо, в обращении с кем–либо’ [там же]), поскольку она округлила данные в пользу американской стороны (*не как на самом деле «миллион триста», а сказала «примерно миллион»*). Также в ответ критикует своего собеседника, обвиняет в искажении ее слов (*передергивать* – ‘сознательно искажать что–либо, подменяя одно другим’ [там же]).

Игорь Коротченко: *Но данные о том, как она работает, где работает, какими методами работает, американские спецслужбы не имеют, потому что* ***ГРУ работает качественно, профессионально выполняя те задачи, которые перед нею стоят.*** *А главная задача – это информировать генеральный штаб вооруженных сил и верховного главнокомандующего вооруженными силами России о рисках и угрозах военной безопасности России* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Эксперт комментирует заявления американской стороны о том, что зафиксированные данные по заболевшим коронавирусом в США были

сфальсифицированы сотрудниками российского ГРУ. Игорь Коротченко в своей речи создает положительный образ разведывательного управления, для описания действий которого используются лексемы с положительной коннотацией *качественно* (‘Обладающий высоким качеством’ [МАС 1999]), *профессионально* (‘свойственный профессионалу’ [МАС 1999]). Перечисление задач, которые выполняют сотрудники ГРУ, дается с целью косвенно показать, что в них не входит борьба с иностранным государством.

В) Лексический повтор используется в тактике отвода критики для усиления положительных сторон объекта обсуждения, что позволяет опровергнуть информацию о совершении негативно оцениваемых действий, например:

Петр Гаращук: *Евгений,* ***никто никогда не выступал против отторжения от российского народа****, политики и люди – это разные вещи. Дело в том, что* ***политики, именно политики*** *развязывают войны и посылают солдат на другую землю.* ***Мой солдат,*** *<…>* ***мой****, ну, мужчина что ли,* ***наследник доблести и славы, чести****, не* ***пошел*** *на* ***другую землю****,* ***не пошел*** *завоевывать другое государство. <…> Так случилось* ***не по нашей вине, по вине политиков*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Чтобы отвести критику, эксперт обвиняет в произошедших событиях представителей власти: использует лексический повтор *политики* и частицу *именно*, употребляемую с целью подчеркнуть их причастность к негативно оцениваемым действиям. Простые люди, по мнению говорящего, не выступали *против отторжения от российского народа,* факт отсутствия вины усиливается через отрицательное местоимение и отрицательное наречие (*никто, никогда*). Далее говорящий создает в выступлении положительный образ «своего» солдата: использует лексемы с положительной коннотацией (*наследник доблести и славы, чести*), с помощью повтора *не пошел* отрицает направленную на него критику.

Грамматические средства реализации

А) Использование конструкций с условным компонентом – грамматическое средство, посредством которого актуализируется модальность

неуверенности или предположительности, что способствует «уходу» от критики, например:

Вадим Трюхан: ***Если*** *она* ***выступает****, я в этом не уверен, не знаю, то это, конечно же, лицемерие,* ***если выступает*** («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Эксперт открыто не отрицает обвинения, направленные в адрес объекта критики (вводное слово *конечно же* используется с целью выражения уверенности в истинности сообщаемого), соглашается с характеристикой, предложенной собеседником (*конечно же, лицемерие*). Однако, придерживаясь тактики отвода критики, Вадим Трюхан с целью показать аудитории свою непричастность и объективность по отношению к описываемым событиям использует повтор союза *если*, указывающий на условность анализируемых событий, сомнение в достоверности позволяет выразить словесная конструкция *я в этом не уверен.*

Леонид Калашников: *Тогда они решили через нашу границу вот эти провокации устраивать, поэтому вы не задавайте такие детские вопросы: «кто?».* ***Я сказал условно – Макей, условно.*** *Я же не могу его обвинить, он министр иностранных дел, пусть разбирается с ним сам* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Эксперт частично снимает с себя ответственность за произнесенные обвинения, указывает на условность используемых имен (лексема *условно* употребляется в значении ‘возможно, не существующий на самом деле, а лишь воображаемый, допускаемый мысленно’ [МАС 1999]), также говорящий ответно принижает коммуникативного оппонента, называя его вопросы *детскими,* т.е. наивными и непрофессиональными.

Эльман Пашаев: ***Мы сами все пьем.*** *Алкоголь придумали, чтобы пить –* ***мы все пьем****. Если только Ефремов придумал эту водку, Ефремов пьет, тогда я вас понимал бы. Но* ***алкоголь все пьют****. Единственное, Ефремов… говорят: «Это же актер», что надо учитывать, что это актер.* ***Ефремов пил только по мероприятиям, по праздникам****. Ефремов не алкоголик, чтобы с утра до вечера пить. Вы же знаете, он серьезные роли играл.* ***Как может алкоголик такие роли***

играть? Если бы был алкоголиком, то не сыграл («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Тактика оправдания носит убеждающий характер: адвокат неоднократно указывает на общность пагубной привычки (*мы сами все пьем, мы все пьем, алкоголь все пьют*), но М.О. Ефремова, по мнению говорящего, особенно жестко обвиняют в преступлении, поскольку подсудимый – известная личность, актер. С целью доказать, что у актера нет алкогольной зависимости, адвокат напоминает о серьезных ролях, которые человек, зависимый от алкоголя, сыграть бы не смог (вопросно-ответная конструкция: *Как может алкоголик такие роли играть? Если бы был алкоголиком, то не сыграл*).

Б) Использование антитезы основывается на противопоставлении понятий и образов, с помощью которого можно сместить фокус с негативного представления на положительное, например:

Татьяна Беркович: *Скажи, пожалуйста, у Иры, у его гражданской жены, которая была в больнице,* ***не те, которые пришли на передачу с тобой***, *а была в больнице, плакала и рыдала****. Я тебе покажу телефон ее подруги Лары, и у Лары есть мой телефон*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Эксперт апеллирует к чувствам аудитории – *плакала и рыдала* (гендерный аспект), в выступлении представлена оппозиция: женщина, которая действительно переживает трагедию, – гражданская жена и *те, которые пришли на передачу*. Тактика отвода критики через «очернение» другого лица: эксперт говорит о близких погибшего с целью показать их притворное поведение. Также эксперт приводит аргумент в свою пользу (она на стороне справедливости), поскольку поддерживает связь с подругой гражданской жены потерпевшего: *Я тебе покажу телефон ее подруги Лары, и у Лары есть мой телефон* [Бинштейн 2022: 12].

Ольга Скабеева: *Мы здесь с вами, в России, прекрасно понимаем, что натовцы не оставляют нам других шансов* («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

Тактика отвода критики реализуется через противопоставление представителей иностранного государства группе «своих»: словесный ярлык

натовцы обладает отрицательной коннотацией и выполняет функцию создания негативного образа. Использование местоимения *мы* позволяет говорящему установить в своей речи контакт с аудиторией, представить собственные мысли как общую позицию: *мы здесь с вами … прекрасно понимаем.* В выступлении ведущей действия группы «своих» объясняются отсутствием альтернативных вариантов, а виновником подобного безвыходного положения становятся представители группы «чужих»: *натовцы не оставляют нам других шансов.*

Коммуникативные приемы реализации

А) Использование риторических вопросов, которые выступают как «средство эмоциональной экспрессивизации и диалогизации монологической речи с имплицитным призывом к аудитории» [Архипова 2024: 584], может привести к переосмыслению критических замечаний, например:

Татьяна Беркович: *Ну, во–первых, я могу сказать, вы извините, но это какое–то Средневековье. Во–первых,* ***как можно отмазать Ефремова?*** *Можно отмазать кого–то, кто вообще неизвестный человек в тишине. Тут вся страна смотрит.* ***У нас есть презумпция невиновности или нет? Отменили?*** *<…> Во–вторых, есть обстоятельства дела, которое расследуется. Если сегодня произошло событие, а на следующий день суд, то это говорит о том, что кто–то спешит и торопится что–то так сделать. Ребят, ну нельзя линчевать человека и кричать «Убийца! Убийца!» раньше, чем это сделает суд. Позвольте суду собрать все факты и разобраться в этом деле непредвзято <…> У него есть права, такие же, как и у нас* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Эксперт апеллирует к логическим аргументам: полностью не отрицает вину подсудимого, но напоминает о презумпции невиновности (риторические вопросы: *У нас есть презумпция невиновности или нет? Отменили?*) и принципе юридического равенства (*у него есть права, такие же, как и у нас;* местоимение *нас* является маркером, указывающим на то, что подсудимый, несмотря на совершенное преступление, является частью группы «своих»), призывает аудиторию не судить актера, а позволить суду *непредвзято* разобраться во всех обстоятельствах. Также оратор исключает у референта возможность избежать

наказания: задает риторический вопрос *Во–первых, как можно отмазать Ефремова?*, актуализирующий пресуппозицию «невозможно отмазать» (*отмазать* – ‘жарг. помочь кому-либо избежать наказания или иных неприятных последствий’ [Елистратов 2002]), давая, тем самым, понять, открытость судебного процесса обеспечит справедливость конечного приговора (*Тут вся страна смотрит*). С целью показать несправедливость обращения с подсудимым эксперт употребляет лексему *линчевать*, т.е. ‘подвергать суду Линча, представляющему собой жестокую расправу, учиняемую в США реакционерами над прогрессивными деятелями’ [МАС 1999], уподобляет действия общественности Средневековью (*но это какое–то Средневековье*), которое у аудитории должно ассоциироваться с жестокими методами правосудия, публичными казнями.

Б) Использование иронии способствует предотвращению возможной критики со стороны коммуникативных оппонентов. Так, ирония может быть применена для демонстрации абсурдности или преувеличенности критических замечаний, что позволяет аудитории переосмыслить достоверность и весомость выдвинутых обвинений, например:

Евгений Попов: ***Мы вмешались? Мы вмешались, конечно. Вам лучше знать, вам лучше знать, разумеется, конечно*** («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Наигранно соглашаясь с экспертом, ведущий тем самым демонстрирует свое несогласие с позицией собеседника. Признаки иронии: использование вводных слов (*конечно; разумеется*), имеющих значение ‘само собой разумеется, без сомнения’ [МАС 1999], противоречащих при этом авторской интенции (противопоставление выраженного подразумеваемому), а также повтор, приводящий к речевой избыточности средств с семантикой согласия (*вам лучше знать, вам лучше знать, разумеется, конечно*). Ироничное употребление данных лексем переключает их значение на противоположное.

Борис Надеждин: ***Дорогие друзья! Последний раз я и названные вами люди были в правительстве двадцать один год назад! Вы бы еще Ивана Грозного обвинили или Батыя!*** («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Говорящий стремится показать голословность направленных против него обвинений, для этого указывает на давность обсуждаемых событий (*Последний раз я и названные вами люди были в правительстве* ***двадцать один год назад***!), для усиления оправдательного эффекта использует в своей речи иронию (комический эффект – аномальная аргументация), реализуемую через сравнения с историческими лицами из далекого прошлого (*Вы бы еще Ивана Грозного обвинили или Батыя!*).

Ольга Скабеева: *По американским меркам, это* ***страшно модная точка зрения, публикуют сейчас абсолютно все****. Там* ***даже*** *звучит,* ***словно*** *аннексирует Белоруссию по известной схеме сценария* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

В приведенном контексте уход от критики реализуется за счет ответного обвинения в адрес коммуникативных оппонентов. Все негативные высказывания предстают, как *модная* позиция (*публикуют сейчас абсолютно все*: с помощью наречия *абсолютно* в сочетании с определительным местоимением *все* говорящий акцентирует внимание на высокой степени проявления описываемого действия), искажающая реальные факты. *там* ***даже*** *звучит,* ***словно*** *аннексирует Белоруссию,* – говоря о выдвинутых обвинениях, ведущая наигранно соглашается (ирония достигается через несоответствие сказанного подразумеваемому): союз *словно* употребляется в значении ‘как будто’, указывает предположительность, недостоверность высказывания; частица *даже* выполняет функции выделения и усиления, так адресант подводит аудиторию к скрытому выводу о том, что в критические высказывания не соответствуют действительности.

Евгений Попов: *Никто не против частных военных компаний, при том, что мы понимаем, что это, скорее, серые схемы, традиционно это называют чаще чопами, но вот именно ЧВК Вагнера – это* ***либо мем, либо журнализм, либо такая пугалка что ли****, которую обычно используют* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Ведущий отрицает любые обвинения, которые сравнивает с чем–то шутливым и выдуманным (*мем, журнализм, пугалка*), с помощью иронии умаляет

критику. Лексема *пугалка* заставляет невольно провести аналогию между политиками и маленькими детьми, тем самым принижается авторитет референтов.

Леонид Калашников: *Вот этот председатель следственного комитета, он* ***взял бы вот эти контрацептивы и показал бы журналистам Белоруссии. Вот нашли улики против России.*** *Но это же полное фиаско, провал!* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

В выступлении эксперта тактика отвода критики реализуется через выставление референта в комическом положении. Объект иронии показан смешным и некомпетентным, обвинения – абсурдными и бездоказательными, поскольку единственной уликой стали *контрацептивы* (несоответствие экспрессивности и обыденности предмета).

В) Использование апелляций к разуму реализует стремление говорящего снять с себя ответственность и расставить необходимые акценты при представлении информации аудитории:

Александр Добровинский: *Дело заключается в том, что вдова, которой звонили, и, кстати, которая живет в Рязани (они все находились в этот момент в Рязани,* ***поэтому прибыть через 15 минут в Склифосовского они не могли****), так вот вдова Маргарита* ***Захарова работает в Министерстве внутренних дел. В Министерстве внутренних дел очень хорошо известно о негодяях и вымогателях, которые звонят по всей стране и говорят: «Вы знаете, Ваш сын попал в МВД. Срочно приезжайте, дайте денег». И это нормальная реакция человека, которому звонят ночью и которого пытаются, извините за выражение, развести на деньги*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Аргументы эксперта направлены на оправдание поступка объекта критики (вдова не приехала к мужу, когда ей сообщили об аварии). Говорящий апеллирует к логике, описывает поступок *как нормальную реакцию человека*, ошибочно решившего, что его хотят обмануть (разговорное выражение *развести на деньги* имеет значение ‘обманывать, вымогать деньги’), акцентирует внимание на том, что участники событий *прибыть через 15 минут в Склифосовского не могли,* поскольку находились в другом городе (логическая аргументация).

Г) Использование «ответной критики» заключается в стремлении оратора оправдать себя перед аудиторией с помощью высказываний, дискредитирующих его коммуникативного оппонента, например:

Вадим Трюхан: *Второе, ну, вы знаете, конечно же, вам можно вот так вот как бы, но* ***это очень удобно, так знаете делать из нас идиотов, вот обвинять во всех смертных грехах*** («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Тактика отвода критики в выступлении эксперта осуществляется через снижение образа реципиентов, в вину которых ставится стремление изображать коммуникативных противников в невыгодном свете: ***делать из нас идиотов*** (просторечная, бранная лексика, ‘Дурак, болван, тупица’ [МАС 1999])***, обвинять во всех смертных грехах*** (фразеологизм употребляется в значении ‘безосновательно осуждать чье–либо поведение, не находя в нем ничего хорошего’ [Федоров 2008], через него говорящий выражает упрек в сторону референта).

Дмитрий Галкин: *И в этой ситуации* ***очень выгодно, очень выгодно изобразить, что Россия вмешивается, пытается разжечь беспорядки в Белоруссии***. <…> ***В этой ситуации США было выгодно изобразить, что Россия стоит за организацией протестов*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Тактика отвода критики реализуется через ответное обвинение. Утверждения, направленные против российской стороны, по мнению эксперта, являются выгодной стратегией представителей противоположной стороны, желающих *во всех бедах обвинить Россию.* С целью продемонстрировать заинтересованность референтов в искажении положительного образа России говорящий неоднократно использует повтор словосочетания *выгодно изобразить*: наречие *выгодно* употребляется в значении ‘приносящий какую-либо пользу; положительный, благоприятный для кого-то’ [Горбачевич, Герд. Т.3, 2004: 98], глагол изобразить имеет значение ‘показывать’, а также ‘представлять на сцене, создавать сценический образ’ [Горбачевич, Герд. Т.7, 2004: 169–170], что актуализирует смысловой компонент «фальшивый, не соответствующий действительности».

Дмитрий Егорченков: *И сейчас, когда нам западные партнеры говорят о том, что Россия нагнетает, извините, это* ***все вы делаете своими руками****, это* ***вы пересматриваете итоги Холодной войны, а вовсе не Россия.*** *А почему так? А потому что в вашей идеологии Россия – самый главный противник* («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

Тактика отвода критики реализуется за счет выставления собеседника в негативном свете, а также ответного обвинения в его адрес. Эксперт утверждает, что именно американская сторона стала виновником произошедших событий, указывает на ее ответственность за порицаемые действия: *все вы делаете своими руками; это вы пересматриваете итоги Холодной войны, а вовсе не Россия.* Данные действия, как следует из выступления говорящего, обусловлены тем, что, согласно идеологии другого государства, *Россия – самый главный противник* [Бинштейн, Самыличева 2023: 7].

Д) Использование аллюзивных и цитатных элементов позволяет «представить и интерпретировать ситуацию под определенным углом, политический градус которого задается автором» [Марченко 2007: 247], в частности, с помощью цитат оратор может реализовать тактику отвода критики, показывая неоднозначность существующих обвинений:

Артем Шейнин: *Нет это не мы, это Кант, помните, как в «Обыкновенном чуде»: это не я, это дядюшка по этой самой, по материнской лини, а у нас вот сейчас Кант* («Время покажет», 13.06.2024).

Говорящий дистанцируется от произнесенных ранее слов, ссылается на чужое мнение, принадлежащее известному историческому авторитету (для усиления утверждения использует повтор: *это не мы, это Кант, у нас вот сейчас Кант*), а также включает в свою речь аллюзию (*как в «Обыкновенном чуде»*) с целью повышения смыслового и эмоционально-эстетического потенциала выступления.

Еще одной коммуникативной задачей, нередко встающей перед участниками политического дискурса, оказывается необходимость создать у аудитории положительный образ политического деятеля или государства, представляемого

им. Для этого актору следует создать выгодный имидж, убедительность которого будет являться частью профессионального успеха – достижению обозначенных целей способствует реализация тактики самопрезентации.

3) Тактика самопрезентации

Под тактикой самопрезентации исследователи понимают «намеренное поведение политика-адресанта, направленное на создание и закрепление индивидуального (своего) <…> имиджа с целью извлечения личной, политической, экономической или имиджевой выгоды [Бочаров 2024: 122]. Актуализация положительной самопрезентации обеспечивается различными коммуникативными приемами и языковыми средствами.

Лексические средства реализации

А) Лексика с положительно-оценочной семантикой, целенаправленный выбор которой позволяет продемонстрировать себя в наиболее выгодном свете, сделать акцент на своих профессиональных успехах и положительном опыте, например:

Артем Шейнин: *Рад сообщить, что наши переговоры прошли* ***успешно****. Нам* ***удалось достичь взаимовыгодных договоренностей****, которые принесут* ***значительную пользу*** *нашим странам и нашим народам. Это был* ***конструктивный*** *и* ***плодотворный*** *диалог, который еще раз подтверждает нашу* ***приверженность мирному*** *и* ***партнерскому*** *сотрудничеству. Мы будем и дальше продолжать работать для общего блага* («Время покажет», 13.06.2024).

В представленном речевом фрагменте используются элементы самопрезентации, подчеркивающие успех, партнерство и стремление к сотрудничеству, что в свою очередь способствует созданию позитивного имиджа референтов и их стран на международной арене. Говорящий формирует в своем выступлении образ политика, способного вести успешные переговоры и добиваться выгодных для страны соглашений. Цели тактики самопрезентации реализуются с помощью использования лексики с положительной коннотацией: *успешно* (‘заключающий в себе успех, сопровождающийся успехом’ [МАС 1999]), *взаимовыгодный* (‘имеющий, дающий какую-л. выгоду, пользу, преимущества;

благоприятный’ [там же]), *конструктивный* (‘такой, который можно положить в основу чего-либо’ [там же]), *плодотворный* (‘благоприятный, полезный для развития чего-либо, способствующий успешному развитию чего-либо’ [там же]).

Грамматические средства реализации

А) Актуализация «Я»-темы (использование местоимений первого лица) позволяет сделать акцент на личности оратора, уверенного в своих способностях и профессиональной готовности справиться с любыми обстоятельствами: «Местоимение я называет говорящего прямо и непосредственно. И появление его в высказывании (тексте) знаменует собой высшую степень модальности» [Солганик 2010: 55]. С помощью «Я»-темы осуществляется «модальное фокусирование текста» [Борисова 1996: 35–48], иными словами, каждому содержательному элементу выступления (идеям, фактам, событиям и ситуациям) придается субъективное отношение, например:

Джеффри Джук: *Я недавно приехал в Минск и* ***очень рад быть здесь***. *Для меня* ***большая честь*** *представлять правительство Соединенных Штатов и руководить посольством США до прибытия нового посла. После чего я стану заместителем главного министра. Я* ***представлял Соединенные Штаты в Европе и Средней Азии и посвятил многие годы изучению сложных политических отношений и экономического развития Европы как исследователь. А еще я муж и отец,*** *и моя семья с нетерпением ждет знакомства с вами и вашей прекрасной страной. Спасибо за ваше гостеприимство* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Коммуникативно–когнитивная стратегия говорящего направлена на конструирование собственного имиджа. Оратор стремится расположить аудиторию, для этого создает позитивное впечатление, говорит о собственной компетентности, неоднократно положительно высказывается о стране, в которой собирается жить и работать. Также Джеффри Джук акцентирует положительную информацию, говоря о себе как об отце и муже, что призвано вызывать у аудитории доверие к адресанту, сократить дистанцию между зрителями и говорящим. Акцентирование на местоимении 1-го лица единственного числа позволяет

выступающему подчеркнуть свою роль в политическом процессе, установить личную связь с аудиторией и убедить ее в необходимости поддержки его действий [Бинштейн, Самыличева 2024: 85].

Леонид Калашников: ***Я два года назад был в Армении, я до этого был в Киргизии, когда были события, видел реальных людей очень большого калибра****, которые разбираются в этой ситуации, которые зависят, еще бы они не зависели* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

В высказываниях эксперт подтверждает собственную компетентность в обсуждении выбранной темы, аргументируя это своим опытом (*Я два года назад был в Армении, я до этого был в Киргизии; видел реальных людей очень большого калибра* – повтор местоимения «я», использование однородных сказуемых, указывающих приобретенный опыт, выражение *реальных людей очень большого калибра* – через сочетание усилительного наречия *очень* с оценочной лексемой *большой* говорящий позиционируя себя как профессионала с уникальным доступом к значимым фигурам).

Андрей Богдан: *Она была* ***суперсекретной*** *и* ***суперсерьезной****.* ***Ее разрушил один телефонный звонок.*** *Человек, который совершил этот телефонный звонок, он фактически признался, что он его совершил. <…>* ***Знаю, кто звонил, и знаю, куда звонил и кому звонил*** («60 минут», дневной выпуск 11.09.2020).

В начале своего выступления эксперт говорит о серьезности ситуации (употребление аффиксоида *супер–* в прилагательных *суперсекретный, суперсерьезный* указывает на высшее проявление качества) и о роли всего одного телефонного звонка, который смог ее разрушить. Далее утверждает, что владеет подробной информацией об участниках состоявшегося разговора, использует в своей речи повтор глагола первого лица *знаю* – подобное указание позволяет эксперту показать свою авторитетность, поскольку он владеет уникальной информацией, которая недоступна обычным политикам.

Спиридон Килинкаров: ***Я в свое время возглавлял комитет по жилищно-коммунальному хозяйству, и мы проводили мониторинг по всем*** («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

С помощью личных местоимений *я, мы* эксперт акцентирует внимание на своем опыте, значимом для сферы рассматриваемого вопроса, тем самым утверждает собственный авторитет и профессиональную компетентность.

Ольга Петерзен: *Сейчас я понимаю, что для меня огромный плюс был родиться в Советском Союзе и вырасти в России и впитать другую культуру.* ***Я понимаю русский дух, русскую культуру****. И поэтому* ***для меня очень легко сопоставить факты из немецких СМИ и русских и понять, где правда.*** *У немецкого народа этой возможности нет, поэтому* ***я сейчас нахожусь здесь****, именно поэтому я решила один раз увидеть, чем сто раз услышать и* ***внести эту информацию*** *в масс-медиа на территории Германии* («Время покажет», 18.03.2024).

Говорящий отмечает свое преимущество по сравнению с гражданами, выросшими на территории Германии, подчеркивает роль Советского Союза в воспитании и в формировании его культурного и мировоззренческого багажа. Эксперт отмечает свою способность адекватно оценивать информацию из различных источников: *для меня очень легко сопоставить факты из немецких СМИ и русских и понять, где правда* – использует наречия *очень* (‘весьма, чрезвычайно, в сильной степени’ [МАС 1999]) и легко (‘без усилий; с большой скоростью, быстро’ [Горбачевич, Герд. Т.19, 2004: 93]), с помощью многократного повторения личного местоимения первого лица единственного числа *я* создает в своей речи образ уверенного профессионала, который обладает особыми знаниями и опытом.

Коммуникативные приемы реализации

А) Нейтрализация негативного представления выступает в качестве средства отрицания, позволяя актору сформировать устойчивый и положительный образ своего «Я», например:

Вадим Трюхан: *Я* ***вот, например, не знал и думаю, что большинство тех, кто голосовали, тоже не знали****. А голосовали не за то: патриот она, не патриот России, Германии, голосовали за ее творчество, за ее песню.* ***Я, честно говоря****,* ***не***

голосовал за нее, потому что мне нравится KAZKA *вот, ну, победила она, ну, хорошо* («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Неосведомленность зрителей, по мнению эксперта, объясняет победу музыкальной исполнительницы (*я вот, например, не знал и думаю, что большинство тех, кто голосовали, тоже не знали*). Говорящий стремится доказать, что решения судей песенного конкурса не были продиктованы политикой государства: *а голосовали не за то: патриот она, не патриот <…>, голосовали за ее творчество, за ее песню.* Но все же эксперт снимает с себя ответственность, отмечая, что его голос был отдан за другого исполнителя: *Я, честно говоря, не голосовал за нее, потому что мне нравится KAZKA*.

Михаил Кузьмин: *Очень много поступило ко мне. Мои близкие друзья – мои ректора, мои педагогические директора. Моя внучка егэшница, например, вы знаете, а у меня есть возможность министру позвонить. И что я могу сделать? Как в бане: все условия равны, и на сегодняшний день это исключительно важно. Объективность – и это основной принцип единого государственного экзамена* («Место встречи», 10.06.2024).

Эксперт указывает на свой высокий статус, связи, которыми обладает (*мои близкие друзья – мои ректора, мои педагогические директора*), упоминает о возможностях (*есть возможность министру позвонить*), однако отмечает, что не способен воспользоваться ими, чтобы помочь своему родственнику. Через сравнение *как в бане* говорящий подчеркивают важность объективности и честности при проведении государственного экзамена, создания равных условий для всех обучающихся, независимо от статуса их близких, что позволяет эксперту подчеркнуть свою приверженность принципам справедливости, убедить аудиторию в своей порядочности.

Андрей Новиков-Ланский: *Сейчас мы видим последние десятилетия ухода западного мира, он агонизирует. То, что мы видим, это последние шаги в этом умирании.* ***Конечно, нам это не нравится, потому что это наши родственники****. Это не наша цивилизация, мы другая немножко, мы не западноевропейская цивилизация,* ***но это наши родственники. И нам очень обидно, нам хочется их***

спасти, как хочется спасти самоубийцу, который стоит у края обрыва («Время покажет», 05.08.2024).

В своем выступлении актор выражает обеспокоенность ситуацией, при этом общее отношение к западному миру представляет как сочувствие. Данный тон помогает избежать возможных обвинений в том, что представители российской стороны испытывают радость из-за трудностей, с которыми сталкиваются другие государства. В речи эксперта дважды повторяется лексема *родственники*, позволяющая указать на связь между двумя группами, в качестве безличного сказуемого в сочетании с усилительным наречием *очень* используется лексема *обидно* (‘о чувстве обиды, досады, огорчения, испытываемом кем-либо’ [МАС 1999]), в сочетании с инфинитивом *спасти* (‘беречь, избавить от гибели, уничтожения’ [МАС 1999]) употребляется модальный глагол *хочется,* выражающий стремление. Также оратор через сравнение проводит аналогию с желанием спасти самоубийцу, стоящего у края обрыва, что придает речи убедительность и эмоциональность.

Кроме того, отдельно выделяют тактику презентации – «общий план представления событийной составляющей информации, ориентированной на позитивную презентацию описываемого события или явления, на создание мелиоративного имиджа личности, на обоснованное одобрение рассматриваемой проблемы» [Соломатина 2016].

4) Тактика презентации

В основе тактики презентации лежит стремление изобразить объект обсуждения с положительной стороны, убедить аудиторию в его преимуществах. Иллокутивный эффект достигается при помощи следующих языковых средств и коммуникативных приемов:

Лексические средства реализации

А) Использование лексики с положительной коннотацией является эффективным средством для создания положительного восприятия и привлечения внимания аудитории, например:

Андрей Исаев: ***Здравомыслие**, мы не хотим ядерной конфронтации, где мы сталкиваемся с прямым такого рода жестким напором между НАТО и Европой, вот наше **здравомыслие** они воспринимают за слабости* («Время покажет», 07.06.2024).

Для описания действий российской стороны эксперт использует лексему *здравомыслие*, имеющую значение ‘способность правильно и разумно мыслить, рассуждать’ [Горбачевич, Герд. Т.6, 2004: 698]), в качестве доказательства указывает на то, что государство не хочет *ядерной конфронтации.* Так, в своем выступлении говорящий демонстрирует, что использование здравомыслия может привести к более мирным и стабильным отношениям между странами.

Евгений Балицкий: *Продукты – вот это то, что сегодня нам дает форум, вот эта коммуникация с регионами, связи с нашими ближними соседями, которые сегодня готовы вложиться с бизнесом опять же, вот **сегодня утром была большая хорошая очень коммуникация, большой диалог*** («Время покажет», 07.06.2024).

В своем выступлении эксперт уделяет внимание примерам успешного общения, что подчеркивает эффективность анализируемого форума. Тактика презентации реализуется через акцентирование на значимости коммуникации, проводимой с регионами и с соседними государствами (эксперт употребляет лексему со значением социальной солидарности *соседи*), а также на успешном диалоге и партнерстве. Для описания форума говорящий использует положительно оценочную лексику (*хорошая* – ‘то, что является положительным, существенным, достойным, заслуживающим признания’ [МАС 1999]; также лексема *большой* – в контексте приобретает положительное оценочное значение ‘значительный по силе, интенсивности, глубине’ [МАС 1999]), усилительное наречие (*очень*), повторы (*большая … большой*), однородные прилагательные (*большая хорошая*): *большая, хорошая очень коммуникация, большой диалог.*

Константин Абрамов: *Мы видим, что, чем **сильнее** государство, тем больше его уважают и граждане внутри, и враги снаружи. Более того, когда мы делали*

запросы в других государствах, русских определяли как ***strong,*** *сильных* («Время покажет», 18.03.2024).

Тактика презентации в данном случае реализуется через обращение внимания на силу и авторитет государства и его ключевых качеств, которые вызывают уважение как у граждан, так и у других стран: лексема с положительной коннотацией *сильный* употребляется в значении ‘значительный по своему положению, влиятельный, обладающий мощью’ [Горбачевич, Герд. Т.25, 2004: 537]. Данный пример интересен тем, что для придания убедительности говорящий использует английскую лексему ***strong***, имитируя речь представителей других стран, которые, как следует из выступления, так же признают силу Российского государства.

Б) Использование метафор, обладающих положительным персуазивным потенциалом призваны вызвать однозначную положительную реакцию у массового адресата, сформировать яркие запоминающиеся образы, например:

Олеся Лосева: *Россия – это такая колыбель традиционных ценностей. На Западе многие хотели бы эту колыбель каким-то образом опрокинуть, но вот у них не выходит* («Время покажет», 19.02.2024).

С помощью метафоры *Россия – это такая колыбель традиционных ценностей* эксперт создает представление о России как месте, в котором сохраняются традиционные ценности, подчеркивает роль государства в сохранении культурного наследия. При этом говорящий замечает, что хотя западные страны стремятся изменить традиционные ценности России (глагол *опрокинуть* имеет значение ‘свалить, повалить набок или перевернуть; перен. заставить беспорядочно отступить, сбить с позиций, лишить прежнего значения, общего признания’ [МАС 1999]), но они не в силах с этим справиться – через данное высказывание оратор имплицитно актуализирует по отношению к Российскому государству положительные коннотации ‘сильный’, ‘устойчивый’.

Константин Малофеев: *Последние слова о том, что мы* ***все большая семья – это блестящее описание России****. И то, что он говорил, это была* ***забота отца о семье****. Ведь меры, которые обозначены и в национальной программе «Семья» и*

национальной программе «Молодежь», они направлены именно на нас, на наш народ, на тех людей, которые живут этим каждый день. То, что такая программа объявлена, это настоящая ***отеческая забота*** *о слабом, о том, кому сейчас плохо* («Время покажет», 29.02.2024).

В основе выступления лежит метафора семьи, отношения между государством и народом уподобляются заботе отца о своем ребенке (*большая семья – это блестящее описание России, забота отца о семье, отеческая забота*). Поскольку для российского менталитета семья является важнейшей социокультурной ценностью, то включение данного концепта в речь позволяет эксперту подчеркнуть значимость отдельных тезисов: так, оратор отмечает, что принимаемые меры в рамках национальных программ направлены на благо обычных граждан (*направлены именно на нас, на наш народ, на тех людей, которые, ждут этим каждый день,* с помощью местоимений *нас, наш* реализуется функция установления непосредственного контакта с аудиторией).

Россия *стала сейчас для всех* ***абсолютным флагманом, знаменем и маяком здравого смысла, нормальности****. А там уже забыли про нормальность, слово такого нет* («Время покажет», 29.02.2024).

В приведенном примере метафора *(Россия стала ... абсолютным флагманом, знаменем и маяком здравого смысла, нормальности)* используется экспертом для выражения идеи о России как о символе разумности (*здравый смысл* – ‘резвое, практическое понимание вещей, рассудительность’ [МАС 1999]; *нормальность* – ‘не отклоняющийся от нормы, такой, как полагается, как нужно’ [Горбачевич, Герд. Т.12, 2004: 323]), а также для того, чтобы вызвать определенные ассоциации у аудитории: оратор употребляет лексемы *флагман, знамя, маяк* в переносном значении и с их помощью актуализирует положительные коннотации. Кроме того, говорящий использует контраст, отмечает, что в других странах категории нормальность не существует (гипербола: *там уже забыли про нормальность, слово такого нет).*

Богдан Безпалько: *Мы регулярно общаемся с представителями Китайской народной Республики. Я прекрасно знаю, как он относится к инновациям, в целом,*

к важнейшим элементам прогресса сегодняшнего дня, в том числе к искусственному интеллекту. Это человек, ***который смотрит в будущее****. Это я могу сказать совершенно определенно по взаимной работе с ним* («Место встречи», 06.05.2024).

В приведенном речевом фрагменте содержится положительная характеристика референта, выраженная через метафору *смотрит в будущее,* реализующую значения ‘активно планировать и строить стратегию на будущее’, ‘стремится к прогрессу и развитию’.

В) Номинации, содержащие описание положительно оцениваемой деятельности, позволяют представить референта через призму его поступков и профессиональных качеств, что является важным фактором при формировании позитивного образа. В контексте политического дискурса способы отображения положительных характеристик субъекта деятельности включают следующее: «исходные намерениями субъекта как реального деятеля; содержание деятельности (благородное дело, благое дело); желаемая, предполагаемая деятельность» [Горина, Никульникова 2022: 409].

Евгений Попов: *Что бы ни случилось с ними – на помощь приходит Россия* («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Цель ведущего – создание у аудитории положительного образа своей страны. Для этого ведущий акцентирует внимание на готовности российской стороны прийти на помощь другим (апеллирование к моральным ценностям аудитории, указание на положительно оцениваемое действие – готовность помочь), что формирует позитивный образ государства.

Ольга Скабеева: Сергей Анатольевич, ну, ***мы*** *это говорим для своих, русских, людей. Им в самом деле ясно, что* ***мы*** *народ миролюбивый.* ***Мы*** *в свое время* ***спасли планету*** («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

Коммуникативная цель оратора – создание у аудитории положительного образа своей страны. Для этого ведущая неоднократно использует в речи личное местоимение первого лица *мы* со значением группы лиц, которое позволяет ведущей ток-шоу отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей

национальной, статусной и социальной принадлежности, а также притяжательного местоимения *своих,* что призвано создать в сознании адресата ощущения единения, общности с адресантом (*для своих, русских, людей*). Кроме этого, ведущая для описания россиян использует лексему *миролюбивый* (‘любящий мир, согласие, не склонный к вражде, ссорам, войнам’ [Кузнецов 2000]), обладающую положительной коннотацией, сообщает сведения о конкретных действиях объекта, которые положительно его характеризуют: *Мы в свое время спасли планету* [Бинштейн, Самыличева 2024: 84].

Ольга Скабеева: *То есть еще раз подтвердил, что является настоящим лидером нормального мира, который готов отстаивать в России базовые традиционные ценности человечества в противовес навязываемой левой пропаганде на Западе* («60 минут», вечерний выпуск 20.07.2022).

В речи ведущей содержится эксплицитная оценка: с помощью лексем *настоящий,* употребленной в значении ‘подлинный, истинный’, *нормальный* – ‘соответствующий норме, не выходящий из какой–либо нормы’ [МАС 1999], указания на позитивно оцениваемое действие (*готов отстаивать в России базовые традиционные ценности человечества*) формируется положительный образ сильного лидера российского государства. Из пресуппозиции высказывания следует, что референт ранее уже подтверждал, что *является настоящим лидером* (наречие *еще раз* имеет значение ‘совершить снова, вновь’). Тактика презентации реализуется через сопоставление с образом иностранного государства, языковым маркером антитезы является предлог *в противовес,* употребляемый в значении ‘в отличие от кого-либо; в противоположность’ [МАС 1999]. Действия группы «чужих» негативно характеризуются с помощью оценочных лексем *навязываемый* (‘то, что заставили, принудили принять против желания, против воли’ [Горбачевич, Герд. Т.11, 2004: 63]), *пропаганда* (‘политическое или идеологическое воздействие на широкие массы органы и средства такого воздействия’ [Кузнецов 2000]) – негативная оценка определена национальным контекстом и связана с понятиями враждебности, манипуляции сознанием и идеологического давления, подлости,

безнравственности, непорядоченности, которые в ценностной парадигме занимают сугубо негативный полюс [Романова 2008: 118].

Андрей Сидорчик: *Все–таки огромное преимущество нашей страны, что у нас есть собственные природные ресурсы. В этом плане мы абсолютно ни от кого не зависим. Нам нужны технологии. Создадим собственные и построим лучшее будущее* («60 минут», вечерний выпуск 20.07.2022).

Эксперт говорит о преимуществах Российской Федерации – о наличии собственных природных ресурсов, обеспечивающих независимость государства. Коммуникативная цель оратора – поднять значимость и авторитетность объекта описания (использует лексему *преимущество* в значении ‘выгода, превосходство в сравнении с кем-то или чем-то другим’ [Горбачевич, Герд. Т.19, 2004: 633]. Также эксперт дает позитивные прогнозы: *создадим собственные и построим лучшее будущее.*

Константин Симонов: *Запрещают им проводить транзакции, и это волнует всех, и вот когда мы говорим о мире по-новому, собственно, в этом есть и политическая и экономическая позиция России,* ***мы не навязываем свои правила во всем мире. Мы просто хотим, чтобы эти правила действительно были честными, чтобы была свободная торговля, свободный поток капиталов****, то, чему нас научили 30 лет назад* («Время покажет», 07.06.2024).

В данном примере стратегия презентации реализуется через указание на положительно оцениваемую деятельность: эксперт использует глагол *навязывать* (‘принуждать, заставлять кого-то принять что-либо против воли, желания’ [Горбачевич, Герд. Т.11, 2004: 73]) с отрицательной частицей *не*, прилагательное честный, т.е. ‘такой, который основан на правилах, понятиях чести, добропорядочности, соответствует им’ [МАС 1999]’, а также повтор лексемы *свободный*, имеющей значение ‘независимый, не ограниченный строгими правилами’ [Горбачевич, Герд. Т.25, 2004: 86–93]. Так оратор акцентируется внимание аудитории на позитивных действиях, подчеркивает важность стремления российской стороны к честным правилам, свободной торговле и свободному потоку капиталов.

Г) Использование повтора способствует эффективности коммуникации, направленной на положительную презентацию референта, поскольку делает значимые, по мнению говорящего, положения более заметными и запоминающимися, например:

Вадим Трюхан: *На самом деле мы были на «Евровидении» несколько раз и* ***дважды выиграли****, не забываете это сказать,* ***дважды выиграли*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

В стратегии на повышение, придерживаясь тактики презентации, эксперт акцентирует внимание на выгодных для него фактах. Чтобы задать правильный «угол зрения», говорящий в своей речи использует прием повтора: ***дважды выиграли****, не забываете это сказать,* ***дважды выиграли***. Фраза *не забываете это сказать* призвана привлечь внимание аудитории и представить информацию как важную.

Леонид Калашников: *Газ, кстати говоря, все белорусы нам* ***отдали****, трубу –* ***отдали****, по нефти — всю* ***отдали****. Все мы вместе с ними управляем, никаких проблем нет, геополитических нет разногласий, общий у нас там радар, значит военные у нас выстроены — вот именно это не устраивает. Это надо понимать* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Оратор говорит о выгодном сотрудничестве России и Белоруссии, использование повтора (*отдали*), а также слов *мы, вместе, общий*, формирующих положительный образ коллективной деятельности (создание «мы–общности»), позволяет подчеркнуть положительные стороны такого союза. Данная речь направлена на демонстрацию близости и единодушия с политическим партнером.

Олеся Лосева: *Запад слишком бесит, что* ***Россия налаживает свою жизнь***, *что* ***Россия не на коленях, Россия все больше и больше расправляет плечи,*** *с высоко поднятой головой идет. Я не знаю*, ***Россию все больше уважают в мире, Россия показывает свое влияние и показывает свое отношение к свободному выбору, к праву на нормальную, свободную жизнь других граждан*** («Время покажет», 18.03.2024).

В данном контексте эксперт выражает позитивное мнение о России и ее развитии, а также указывает на уважение и влияние, которое страна приобретает на международной арене. С помощью сочетания различных средств языковой экспрессии оратор создает общий положительный нарратив: использует экспрессивные устойчивые выражения с положительной семантикой (*налаживает свою жизнь* – лексема *наладить* употребляется в значении ‘приводить в лад, в строй, в порядок, улучшать’ [Ефремова 2000]; *расправляет плечи* – ‘обрести уверенность, собраться с силами, чтобы справиться с трудностями’ [Федоров 2008], *с высоко поднятой головой идет* –‘справляться с трудностями, держаться с достоинством’ [там же]); номинации, содержащие описание положительно оцениваемой деятельности (*показывает свое отношение к свободному выбору, к праву на нормальную, свободную жизнь других граждан*); апеллирует к общим ценностям, патриотизму и национальной гордости (*Россию все больше уважают в мире* – лексема *уважать* употребляется в значении ‘принимать что–либо во внимание, считаться с чем–либо, относиться с уважением’ [МАС 1999]; *Россия показывает свое влияние* – лексема *влияние* имеет значение ‘авторитет, власть, превосходство’ [Горбачевич, Герд. Т.2, 2004: 630]). Повторение слова *Россия* в данном контексте направлено на акцентирование внимания на самой стране и ее достижениях – многократный повтор служит для усиления положительного эффекта и эмоциональности всего выступления, способствует запоминаю основной идеи – успехов и прогресса российского государства. Кроме того, с помощью этого приема говорящий указывает на единство и целостность обсуждаемого объекта, что призвано вызвать у аудитории чувство патриотизма и гордости за свою страну.

Грамматические средства реализации

А) Использование антитезы позволяет подчеркнуть контраст между двумя противоположными идеями или концепциями, что может значительно усилить аргументацию, например:

Владимир Корнилов: *Здесь их пытать политическим вопросами, как там это позволительно сейчас, точно никто не будет Я вообще считаю, что, конечно, девушкам там теперь жизни не будет – Анне, Марии, да? Я считаю, что их надо*

быстрей эвакуировать <…>. И в следующем году пусть участвуют в национальном отборе российского конкурса «Евровидение» («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Тактика самопрезентации реализуется через противопоставление собственного государства негативно представленному образу. Например, совсем иные условия для творчества эксперт видит в России, предлагает участникам пройти отбор именно в российском конкурсе. Так, в речи Владимира Корнилова противопоставлен положительный образ честного и справедливого российского государства отрицательному и политизированному миру (антитеза «свои»–«чужие» реализуется через использование местоименных наречий *здесь–там*).

Игорь Коротченко: *Да, и в условиях, когда уже операция сработает, ловушка захлопнется, никто не будет там копаться в этих IP–адресах. Они так решили: уже никому это будет не надо.* ***Но оперативная удача, быстрая реакция Москвы. Быстрая реакция наших компетентных органов привела к тому, что мы имеем место сегодня*** («60 минут», дневной выпуск 11.09.2020).

Тактика презентации реализуется через противопоставление действий «чужих» и «своих»: если американские политики, по мнению эксперта, стремились устроить провокацию (*ловушка захлопнется*), обвинить российскую сторону в причастности к негативным событиям, то круг «своих» (*быстрая реакция Москвы*, *быстрая реакция наших компетентных органов*) показал высокий уровень профессионализма: лексема *компетентный* употребляется в значении ‘обладающий основательными знаниями в какой–л. области; знающий’ [МАС 1999], с помощью повтора прилагательного *быстрый* эксперт акцентирует внимание на скорости исполнения, тем самым демонстрирует положительные качества представителей группы «своих».

Ольга Скабеева: *Кроме того, на Западе очень внимательно наблюдали за учениями наших блестящих беспилотников и сделали вывод, довольно логичный: шансов у ВСУ с их турецкими байрактарами нет, вообще никаких, то есть «нема»* («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

Тактика самопрезентации реализуется с помощью создания положительного впечатления о военной подготовке собственного государства. Образ сильной страны формируется через использование прилагательного *блестящий* ‘исключительный по своим качествам; превосходный, замечательный’ [Горбачевич, Герд. Т.2, 2004: 51]. Ведущая выражает собственное мнение, указывает на правдивость заключения, утверждающего статус российского государства как сильной страны, употребляет лексему *логичный*, т.е. ‘основанный на законах логики, разумный’ [Горбачевич, Герд. Т.2, 2009: 273], по отношению к выводу о неспособности других государств превзойти Российскую Федерацию. Градация *нет, вообще никаких, то есть «нема»* способствует демонстрации силы группы «своих» в сравнении с «чужими», такое отрицание призвано подчеркнуть мощь российского государства (лексема *нема* – просторечие, стилистически сниженная лексика; стилистический контраст также придает речи ироничный тон).

Игорь Коротченко: *Западная элита измельчала и вырождается. Поэтому, безусловно, выступление российского политика воспринимается как главная новостная повестка дня всеми. Европа, американцы, на других континентах, все сегодня хотят видеть* ***сильных, уверенных лидеров****. А там, где их нет, смотрят, что* ***такой лидер есть во главе России*** («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

Объект презентации в сопоставлении с западной элитой, которая, по словам эксперта, *измельчала и вырождается,* представлен сильным и уверенным лидером. В речи используется гипербола как прием, позволяющий представить реальность в крайней степени: *выступление российского политика воспринимается как главная новостная повестка дня* ***всеми****;* ***все*** *сегодня хотят видеть сильных, уверенных лидеров <…> смотрят, что такой лидер есть во главе России*. С помощью форм определительного местоимения *весь* (*всеми, все* – ‘в полном объеме: целый, полный’), лексемы *главная* (главный – ‘самый важный, существенный среди других; основной’ [Кузнецов 2000]) говорящий описывает событие как наиболее важное и положительно характеризующее объект.

Ольга Скабеева: *Вообще складывается полное ощущение, что мир окончательно сбрендил. И мы в России такой что ли оазис* («60 минут», вечерний выпуск 20.07.2022).

С целью формирования положительного имиджа своего государства на основе сниженных образов других стран всему миру, который, по мнению говорящего, поступает парадоксально (*сбрендить* – ‘сойти с ума, спятить’ [Кузнецов 2000]); наречие *окончательно,* ‘совершенно, полностью’ [МАС 1999] усиливает и подчеркивает степень проявления признака), ведущая противопоставляет Россию. Положительный образ выражается с помощью лексемы *оазис,* употребляемой в переносном значении ‘о том, что доставляет удовольствие, положительно отличаясь от окружающего’ [Кузнецов 2000]; ‘Место резко в положительную сторону отличающееся от всего окружающего, остального, являющееся редким исключением’ [Горбачевич, Герд. Т.13, 2004: 12]. Кроме того, в целях установления непосредственного контакта с аудиторией говорящий употребляет в местоимение *мы*.

Андрей Клинцевич: *Они хотят с русскими говорить с позиции силы, но, как всегда, их концепции будут разбиваться о реальный гранит наших сил и средств* («Время покажет», 07.06.2024).

В приведенном контексте образ российской стороны противопоставлен образу других государств (оппозиция реализуется за счет использования местоимений *они, их – наших*). С помощью метафоры *разбиваться о реальный гранит наших сил и средств* эксперт выражает идею о превосходстве Российского государства, которое способно справиться с любыми вызовами и угрозами, вводное сочетание *как всегда* репрезентует значение ‘постоянно, неизменным образом’, позволяет подчеркнуть возможности своей страны.

Константин Малофеев: *Посмотрите, что происходит с нашим кино. У нас «Чебурашка», «Конек-Горбунок», «По щучьему велению» – у нас возрождается детское кино, хорошее детское кино, которое* ***несет те ценности, которые Запад когда-то имел, но потерял.*** *…* ***Мы не отрицаем того***, *что мы страна с тысячелетней историей,* ***а они отрицают*** («Время покажет», 29.02.2024).

Говорящий сопоставляет достоинства своего государства с недостатками другого, чтобы создать благоприятное представление о группе «своих». Противопоставление реализуется за счет использования конструкций с противительными союзами *но, а,* смысловых оппозиций: *несет те ценности – Запад когда-то имел, но потерял; Мы не отрицаем того <…>, а они отрицают, мы – они*. Эксперт обсуждает развитие российского кинематографа, который, по его мнению, выражает общечеловеческие ценности, которые были характерны для западного кино в прошлом, также акцентирует внимание на тысячелетней истории России и утверждает, что западные страны отрицают свою историю.

Сергей Строкань: *Я бы сказал, что Россия не только сосредотачивается, Россия движется. Это было послание* ***роста и развития, движения***. ***Немного стран*** *на самом деле в мире имеют возможности и привилегии развиваться, тем более в экстремальных условиях* («Время покажет», 29.02.2024).

Эксперт сравнивает Россию с другими странами, указывая на превосходство своего государства, которое способно развиваться даже в экстремальных условиях. Через прием антитезы говорящий выделяет объект описания и подчеркивает его особое положение, через ряд однородных членов *роста и развития, движения* формирует представление о России как о стране, активно стремящейся к прогрессу.

Следующей значимой целью для участников политического дискурса оказывается установление контакта и поддержание общего убеждающего нарратива, что может быть достигнуто посредством осуществления тактики солидаризации.

5) Тактика солидаризации

Тактика солидаризации предполагает, что актор в своем выступлении подчеркивает, что разделяет взгляды и интересы с другим политиком или с определенной группой (например, с аудиторией) [Паршина 2007: 51]. Языковыми средствами и коммуникативными приемами экспликации данной тактики в речи ведущих и участников исследуемых политических ток-шоу выступают:

Лексические средства реализации

А) Использование лексем с семантикой согласия, одобрения актуализирует ключевые аспекты взаимодействия говорящего как с аудиторией, так и с собеседниками (способствует поддержанию атмосферы единства и взаимопонимания, укреплению доверия адресата), например:

Ольга Скабеева: ***Полностью согласна****. Можно понести заслуженное наказание, отсидеть и выйти человеком уважаемым. Человеком, который смог принять этот груз и смог за него ответить. А можно отмазаться, никуда не сесть и всю жизнь с этим кошмаром жить* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Выразить свое согласие со словами эксперта ведущей позволяет словосочетание *полностью согласна,* состоящее из краткого прилагательного *согласна* с семантикой солидаризации и усилительного наречия *полностью,* употребленного в значении *‘в полном объеме, целиком’* [МАС 1999].

Ольга Скабеева: ***Все правда, Леонид Иванович,*** *тем более сейчас уже появились и билеты и в Стамбул с конкретными датами, из Стамбула дата 19 октября, если мне память не изменяет. Покажите, пожалуйста, да, 19 декабря. <…> Ну в общем* ***верно Вы сказали: вбросить вбросили, а там, как хотите, так и разгребайте*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Ведущая соглашается с экспертом через использование лексики с семантикой солидаризации *все правда, верного Вы сказали*, формирует в своей речи впечатление общности взглядов и интересов (модель «так думают многие»).

Дмитрий Болкунец: *И сейчас мы видим вот такой разворот, я бы сказал отчасти разворот Александра Лукашенко, его политики, политики белорусского руководства, отчасти на Запад ориентированной. Мы видим, что есть попытка наладить диалог с Соединенными Штатами Америки. Я этот диалог* ***приветствую,*** *потому что плохо, когда страна не имеет 12 лет посольство свое в Минске. И то, что сейчас восстановлю посольство* ***– хорошо, надо дружить*** («60 минут», вечерний выпуск 24.12.2021).

В речи эксперта обнаружены слова и словосочетания, эксплицитно выражающие согласие с действиями белорусского государства: *приветствую*

(‘одобрять, встречать что–либо доброжелательно’ [МАС 1999]), *хорошо, надо дружить*.

Артем Шейнин: ***Достаточно реалистичное, максимально реалистичное представление и о достижениях, и о проблемах*** («Время покажет», 19.12.2023).

Слова о том, что инициатива принадлежит нам, это такой очень вселяющий, дающий основания для оптимизма комментарий. Эксперт позитивно высказывается о позиции другого оратора: по отношению к чужой точке зрения использует повтор лексемы *реалистичное*, т.е. ‘основанное на реализме, исходящее из понимания и учета условий реальной действительности; трезво-практическое’ [Горбачевич, Герд. Т.23, 2004: 450], а также наречия, указывающие на степень проявления признака (*достаточно* – ‘довольно, вполне’ [Горбачевич, Герд. Т.5, 2004: 320]; *максимально* – ‘наибольший, наивысший в ряду других подобных’ [Горбачевич, Герд. Т.9, 2004: 431]), отмечает, что данный комментарий *дает основания для оптимизма*.

Олеся Лосева*:* ***Константин Валерьевич правильно подметил,*** *на Западе не учли из какого материала сделаны русские, потому что по закону физики одни под давлением сжимаются, а другие, наоборот, расправляются и становятся больше* («Время покажет», 18.03.2024).

Коммуникативной целью говорящего является формирование позитивного представления о своей стране. Высказывание строится на аналогии между физическими свойствами материалов и русским народом: эксперт представляет Россию в контексте уникальных качеств и способностей, которые отличают ее от других стран, сравнивает русских людей с материалами, которые сжимаются или расправляются под давлением, что позволяет создать яркий образ и отразить особенности национального характера – такой прием делает высказывание более запоминающимся и эмоционально окрашенным. Маркером тактики солидаризации является лексема *правильный*, которая употребляется в значении ‘верный, истинный, соответствующий действительности’ [МАС 1999], что призвано вызвать большее доверие у аудитории, а также усилить восприятие выступления.

Б) Имена существительные со значением социальной солидарности: *коллеги, партнеры, друзья*

Александр Добровинский: *Простите, хотел сказать вам два слова. Во–первых, преступление, которое было,* ***как говорит коллега абсолютно правильно****, не имеет никакого отношения к словам или действиям потерпевшего* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Эксперт соглашается с позицией ведущей (*как говорит коллега абсолютно правильно*) ток–шоу через использование лексики, семантически связанной с понятием солидаризации: *правильно* – в значении ‘верно, соответствует действительности’, усилительное наречие *абсолютно*. Примечательно, что по отношению к источнику приведенного мнения говорящий использует лексему *коллега,* реализующую значение ‘товарищ по профессии’ [Кузнецов 2000: 440] – за счет этого демонстрируется близость с коммуникативным партнером.

Алексей Леонков: *Я бы хотел договорить следующее: утро 10 августа может быть для Лукашенко не тем, как он ожидает. Да все говорят о том, что он победит, но все знают, что будет обязательно протестное движение. Это* ***вот то, что коллега правильно сказал*** *о том, что там 200 тысяч человек собирал суммарно по всей Белоруссии* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Тактика солидаризации позволяет эксперту представить собственные прогнозы точными и убедительными: создается впечатление общего правильного мнения (*все знают, коллега правильно сказал*). Лексема *коллега* маркирует принадлежность к единой социальной группе.

Николай Стариков*: Мы имеем дело с организацией, политиками, которые,* ***абсолютно согласен с коллегой,*** *измельчали, привыкли к безнаказанности, привыкли к тому, что они могут творить на этой планете все, что они хотят* («60 минут», вечерний выпуск 24.12.2021).

Коммуникативная цель говорящего – стремление создать впечатление общности взглядов, что реализуется с помощью выражения *абсолютно согласен с коллегой*: лексема *коллега* маркирует принадлежность к единой социальной группе,

наречие *абсолютно* и краткое прилагательное *согласен,* указывают на то, что эксперт придерживается одинакового с мнения с предыдущим оратором.

В) Фразеологические единицы, которые репрезентируют согласие, при проведении тактики солидаризации выступают в качестве поддержания общности взглядов и ценностей между коммуникантами, актуализируя модель «так думают многие», а также в качестве культурных маркеров (фразеологизмы часто отражают культурные и социальные контексты, что позволяет аудитории легче идентифицировать себя с оратором и его сообщением), например:

Алексей Мухин: *Ми-6 могут записать себе феноменальную вещь, это вербовка агента действующего президента европейского государства. Могут вписать это золотыми буквами в историю своих спецслужб. Ну, были вопросы к Михаилу Горбачеву…*

Артем Шейнин: *Вот, согласен,* ***сняли с языка*** («Время покажет», 16.11.2023).

Тактика солидаризации реализуется через использование лексемы с семантикой согласия (*согласен*), а также фразеологизма *снять с языка*, употребляемого в ситуациях, когда один из собеседников произносит то, что другой только что хотел сказать [Федоров 2008].

Анатолий Кузичев: ***Но это правда, подписываюсь под каждым словом*** («Время покажет», 29.02.2024).

Маркерами согласия с позицией собеседника являются выражение *подписываюсь под каждым словом*, употребляемое в значении ‘полностью согласиться с чем-либо’ [МАС 1999], лексема *правда* (‘то, что соответствует действительности; истина’ [там же]).

Александр Сытин: *Это далеко не единственное. Я* ***подхвачу мыслью*** *Максима, с которым я в общем согласен, дело все в том, что тогда не было открытой войны в Европе* («Место встречи», 10.06.2024).

С целью выразить солидарность с одним из экспертов говорящий использует выражение *подхватить мысль*, имеющее значение ‘перебить чью-то речь или быстро ответить, соглашаясь, продолжить идею собеседника’.

Грамматические средства реализации

А) Вводные и вставные конструкции, актуализирующие идею согласия, помогают создать атмосферу общего понимания, способствуют установлению связи между участниками коммуникации и усилению аргументации, например:

Анатолий Кузичев: ***Как уже было отмечено моими коллегами****, важно понимать, что равные возможности для всех граждан – это не просто моральный императив, но и залог устойчивого развития общества* («Время покажет», 15.09.2021).

С помощью вставной конструкции *как уже было отмечено моими коллегами* в речи оратора формируется связь с мнением других экспертов, подчеркивается, что данная точка зрения не является единоличной, а поддерживается многими авторитетными фигурами.

Михаил Кузьмин: *На предстоящих выборах,* ***как многие эксперты уже отметили****, важным фактором станет согласие избирателей по ключевым вопросам, таким как экономическое развитие, здравоохранение и образование* («Место встречи», 10.06.2024).

В данном контексте идея согласия достигается за счет использования вводной конструкции *как многие эксперты уже отметили* – ссылка на мнение экспертов придает идее согласия объективный характер, подкрепляя ее значимость.

Для стратегии на повышение характерно проецирование позитивных эмоций и настроений, нередко при ее реализации говорящий не только выражает солидарность с другим участником коммуникации, но и эксплицитно дает положительную оценку, употребляет «слова и выражения, обозначающие идеи и добродетели, почитаемые среди граждан тех или иных государств, или феномены, связанные с ними» [Васильев 2022: 85], что соотносится с тактикой похвалы.

6) Тактика похвалы

Коммуникативной целью тактики похвалы является выражение подчеркнутого дружелюбия и проецирование позитивных эмоций по отношению к референту или реципиенту. В качестве языковых средств и коммуникативных приемов реализации можно выделить:

Лексические средств реализации

А) Лексика с семантикой уважения и внимания к человеку или предмету используется в тактике похвалы с целью создания положительного эмоционального фона и атмосферы сотрудничества, например:

Руслан Осташко: *Давайте* ***поблагодарим*** *Ольгу Викторовну за ее позицию, вообще нашими русскими женщинами надо* ***гордиться****, мы и* ***гордимся*** («Время покажет», 05.05.2023).

С помощью лексики с семантикой уважения эксперт подчеркивает важность и ценность позиции референта, а также призывает аудиторию гордиться всеми русскими женщинами (введение в положительно оцениваемы контекст): глагол *благодарить* употребляется в значении ‘официальная положительная оценка чьего-либо труда, деятельности; как мера поощрения’ [Горбачевич, Герд. Т.2, 2004: 15], повтор глагола *гордиться* (‘испытывать гордость, уважение’ [Горбачевич, Герд. Т.4, 2004: 295]) в модальной конструкции долженствования (*надо гордиться*) и в утвердительной форме настоящего времени (*мы и гордимся.*)

Дмитрий Абзалов: ***Вы очаровательна, приятная женщина, красавица*** («60 минут», дневной выпуск 11.09.2020).

Приведенный пример интересен тем, что положительная оценка, содержащаяся в исследуемом высказывании, направлена не на одобрение профессиональных достижений ведущей как журналиста, а на указание стереотипных качеств, определяющих «правильную» женщину: *приятная* (‘привлекательный, вызывающий симпатию’ [МАС 1999]), *красавица* (‘красивая женщина’[там же]), *очаровательная* (‘чарующая, прелестная, восхитительная’ [там же]).

Владислав Шурыгин: *Генерал Мордвичев показал выдающиеся способности, это как раз то самое, что нам крайне-крайне нужно* («Время покажет», 19.02.2024).

В данном примере эксперт придерживается тактики похвалы для выражения высокой оценки действиям референта. Достижению коммуникативной цели способствует использование оценочной лексики с положительной коннотацией *выдающиеся способности* (*выдающийся* – ‘выделяющийся своими качествами,

замечательный отличный’ [Горбачевич, Герд. Т.3, 2004: 390]), повтор *крайне-крайне* в сочетании с модальным словом *нужно,* а также выражение *как раз то самое*, имеющее значение ‘именно, точно; необходимое в данный момент’ [МАС 1999], позволяют подчеркнуть важность действий объекта описания.

Б) Использование языковых единиц с семантикой совместности, одобрения, восхваления позволяет апеллировать к эмоциям адресата, что обуславливает употребление экспрессивных языковых средств, например:

Ольга Петерзен: *Я сама, скажем, сейчас нахожусь в такой ситуации, когда я вернусь в Германию, я не знаю, что меня там ожидает.*

Руслан Осташко: *Не боитесь, да?*

Ольга Петерзен: *Волков бояться – в лес не ходить.*

Руслан Осташко: ***Наш человек*** («Время покажет», 18.03.2024).

Ведущий использует устойчивую фразу *наш человек*, актуализирующую значения ‘близкий по духу’, ‘такой же, как мы’, ‘один из нас’, комментируя высказывание эксперта, который произносит в своей речи русскую пословицу *Волков бояться – в лес не ходить*, имеющую значение ‘если вы полны решимости что-то сделать, вы не должны позволять надвигающимся трудностям или рискам сдерживать вас’ [Мокиенко 2007]. При этом через включение эксперта в круг «своих» ведущий имплицитно указывает на то, что всему русскому народу свойственно не бояться трудностей.

Анатолий Кузичев: *Спасибо большое, спасибо, Азалия. Вот* ***посмотрите, как должна выглядеть чемпионка России по боксу. Потрясающе*** («Время покажет», 05.08.2024).

Выражение благодарности (*Спасибо большое, спасибо, Азалия*) создает общий позитивный фон и демонстрирует признательность ведущего. Тактика похвалы достигается через обращение к аудитории (с помощью глагола в форме побудительного наклонения *посмотрите* формируется призывность), а также через указание на то, что референт является образцом, профессиональным эталоном (*должна выглядеть чемпионка России по боксу*) и использование

лексемы с семантикой восхваления (*потрясающе* употребляется в значении крайне волнующе, производящее сильное впечатление’ [МАС 1999]).

На основании проведенного анализа можно отметить тенденцию к употреблению в речи экспертов политических ток-шоу высказываний с положительным эмотивным потенциалом. Анализируемая стратегия на повышение достигается посредством реализации входящих в нее тактик: анализ–«плюс», отвода критики и оправдания, презентации, солидаризации, похвалы. Кроме того, наблюдается стремление акторов к театрализации дискуссии, повышенному вниманию на выразительности и эмоциональной насыщенности коммуникации, что позволяет рассматривать стратегию театрализации наравне с разобранными ранее стратегиями на повышение и понижение.

2.2.3. Стратегия театральности

Выделение стратегии театральности в политическом дискурсе в значительной степени обусловлено тем, что «массы воспринимают политику преимущественно через массмедиа. Необходимость производить впечатление на публику заставляет [акторов] разрабатывать речевые стратегии и тактики создания привлекательного для публики имиджа» [Шейгал 2005: 52], а также интересного и запоминающегося выступления. Данная стратегия представляет собой комплекс разнообразных коммуникативных приемов и языковых средств, способствующих экспликации коммуникативных тактик театрализации дискуссии.

1) Тактика иронизирования и сарказма

Ироничность в политическом дискурсе занимает особое место: «она апеллирует одновременно и к разуму (понимание иронии во многом опирается на механизм инференции), и к эмоциям адресатов» [Шилихина 2011: 179], что делает ее частотным элементом политических выступлений, для которых характерны интерпретация действительности, неоднозначность, нарочитая упрощенность. Примечательно, что ирония и сарказм как виды дискурсивной практики способствуют реализации различных коммуникативных стратегий. Однако если в предыдущих параграфах ирония рассматривалась как коммуникативный прием, участвующий в экспликации тактик дискредитации и отвода критики через

осмеяние, то в настоящем параграфе при анализе контекстов акцент смещается на языковые средства, позволяющие акторам выражать иронические смыслы и, как следствие, «театрализовывать» свои выступления. Способы создания иронии в политическом дискурсе многообразны и включают в себя следующие языковые средства и коммуникативные приемы:

Лексико-стилистические средства реализации

А) Антифразис – один из наиболее распространенных способов реализации иронии на лексическом уровне: в основе лежит противоречие между вербализованным и имплицитным смыслом, т.е. использование лексических единиц в антонимическом значении (несоответствие произнесенного подразумеваемому), например:

Ольга Скабеева: *Вадим Валерич,* ***демократия же, в Европейский союз идете – мы смотрим, завидуем*** («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Иронический смысл реализуется через наигранное утверждение о демократическом прогрессе, что расходится с мнением ведущей. Наблюдается несоответствие произносимого с подразумеваемым: лексема *завидуем,* имеющая значение ‘испытывать чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием другого’ [МАС 1999], используется в противоположном для нее значении.

Ольга Скабеева: ***Ну, а что делать? Ну, просто и так ведь понятно, что русские виноваты во всем. Так сложилось уже в мире*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Ведущая притворно соглашается с обвинениями, направленными в адрес российской стороны. Гиперболизированный тезис о том, что *русские виноваты во всем* имплицитно позволяет выразить мысль о несостоятельности данных нареканий.

Ольга Скабеева: ***Бедный, бедный Дональд Трамп.*** *Деваться ему, похоже, некуда. Сейчас срочные новости приходят:* ***снова сплошные расстройства для Трампа*** *– поздравляют с победой на выборах в США американского президента.* ***Увы и ах*** («60 минут», дневной выпуск 15.12.2020).

В своем выступлении оратор выражает саркастическое отношение к референту, покинувшему пост президента США. Наигранное сочувствие *бедный, бедный Дональд Трамп* (прямое значение расходится с подразумеваемым), разговорно–шутливое выражение *увы и ах,* также выражающее притворное сожаление, позволяют интерпретировать приведенный речевой фрагмент как иронический.

Ольга Скабеева: *Что называется **вангуя**, в США потом все непременно скажут, что это они, **чудесные** и **бравые** американцы, заставили уйти из Казахстана миротворцев ОДКБ* («60 минут», вечерний выпуск 11.01.2022).

В приведенном высказывании разговорная лексика (окказионализм *вангуя* употребляется в значении ‘предсказывать’), антифрастические эпитеты *(чудесные, бравые),* а также предсказание, усиленное с помощью наречия *непременно* (‘совершенно обязательно’ [МАС 1999]) и определительного местоимения все (‘целиком, без исключения’ [там же]) сигнализируют о скрытом ироническом смысле, позволяющем оратору заранее опровергнуть тезисы американских СМИ.

Б) Олицетворение – троп, суть которого заключается в наделении неодушевленных предметов, явлений и абстрактных понятий человеческими чертами. В политическом дискурсе через ироническое олицетворение объекты получают неожиданные и оригинальные характеристики, что придает выступлению высокую образность и экспрессивность, а также комический и саркастический эффект, например:

*Андрей Сидорчик: Они не понимают одного, что такими правилами игры они отталкивают от себя не только Россию, но и весь **остальной мир. Который видит это и говорит: «Нет, ребята. С такими шизофрениками дела иметь не надо»*** («60 минут», вечерний выпуск 27.06.2022).

В своей речи эксперт использует олицетворение, с помощью которого описывает гротескную ситуацию, когда мир обращается к людям и называет иностранных для говорящего политиков *шизофрениками* (шизофреник – ‘разг. человек, страдающий шизофренией’ [МАС 1999]), что усиливает высказанный ранее тезис (*отталкивают от себя не только Россию, но и весь остальной мир*).

Андрей Норкин: ***Кризис*** *уже не просто* ***стучится, он ломится*** *в их двери, но они продолжают игнорировать все знаки и затыкают уши* («Место встречи», 10.06.2024).

В приведенном контексте, используя олицетворение *кризис стучится, ломится,* ведущий имплицитно формирует образ надвигающейся угрозы: в выражениях *стучаться в дверь, ломиться в дверь* актуализуются семантические компоненты ‘приближаться, надвигаться’ [МАС 1999], *кризис* употребляется в значении ‘затруднительное положение; резкое изменение, крутой перелом; тяжелое переходное состояние; политическая обстановка в стране, характеризующаяся резким недовольством народных масс политикой правительства’ [там же]. Применение олицетворения позволяет актору представить кризис не просто абстрактным понятием, но активным участником, а также подчеркнуть контраст между «действиями» кризиса и пассивностью людей, которые *продолжают* ***игнорировать*** *все знаки* (*игнорировать* – ‘умышленно не замечать’ [МАС 1999]) и ***затыкают уши*** (‘стараться не слышать, не обращать внимания’ [Федоров 2008]), следовательно, рецептивная схема актуализации смысла – ‘люди бездействуют и не желают признавать существующие проблемы или принимать меры’.

В) Каламбур – «столкновение или, напротив, неожиданное объединение двух несовместимых значений в одной фонетической (графической) форме. Основными признаками каламбура являются, с одной стороны, одинаковое звучание, с другой – несоответствие между двумя значениями» [Кадиева 2011: 100]. В тактике иронизирования каламбур служит как средством создания комических эффектов, так и способом представления политических деятелей и их взаимодействий, например:

Ольга Скабеева: *Секунду, сейчас все выскажемся. Просто в доказательство того, что весь Интернет завален* ***этим добром, хотя на самом деле злом.*** *Давайте прочтем про ФСБшников* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

В первой части высказывания слово *добро* используется в значении ‘скопление информации’ [МАС 1999], а во второй – приводится антоним к прямому

значению слова (*добро* – ‘что–либо положительное, хорошее’). Каламбур позволяет ведущей выразить негативное отношение к высказываниям, оправдывающим объект обвинения.

Анатолий Кузичев: *Знаете, почему их партии не могут договориться в условиях пандемии? Потому что у каждой свои* ***антитела*** *к компромиссам (*«Время покажет», 15.09.2021).

В приведенном речевом фрагменте лексема *антитела,* имеющая значение ‘вещества, вырабатываемые организмом при введении в него чужеродных веществ и нейтрализующие их вредное действие’ [МАС 1999], употребляется в переносном значении для указания на нежелание партий договариваться из-за различных точек зрения и интересов.

Петр Толстой: *И хотя они и обещали* ***заразить*** *страну хорошими новостями, но, похоже, вирус оказался более* ***заразным*** («Время покажет», 15.09.2021).

Говорящий использует каламбур для моделирования иронической ситуации, где обещания положительных изменений оказываются недостаточно эффективными и позитивными в сравнении с негативными последствиями вируса. В первой части анализируемого высказывания лексема *заразить* употребляется в переносном значении ‘передать, внушить склонность к чему-либо, распространить что-либо’ [МАС 1999] и в сочетании со словосочетанием *хорошими новостями* описывает обещание государства изменить ситуацию в положительную сторону. Однако во второй части в сочетании с наречием степени *более* эксперт употребляет прилагательное *заразный* (в прямом значении ‘передающий заболевание, несущий в себе инфекцию’ [там же]), тем самым имплицитно указывая, что вирус преобладает над обещанными позитивными прогнозами.

Г) Окказионализмы являются одним из ярких средств реализации словообразовательной игры, «преимущественно выполняют характеризующе-оценочную функцию с преобладанием осуждающей, иронической и юмористической тональностей» [КРР 2003: 273], что совпадает с прагматическим вектором политического дискурса, например:

Евгений Попов: ***ТНР – Тихановская Народная Республика*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

В приведенном высказывании средством создания иронии является ироническое словообразование. Евгений Попов по аналогии с аббревиатурой БНР (Белорусская Народная Республика) создает новый окказиональный термин *ТНР*, однако вместо названия государства предлагает поставить фамилию кандидата в президенты Республики Беларусь – Светланы Тихановской. Контаминация является элементом языковой игры и гиперболически (чрезмерно) подчеркивает значимость отдельного лица.

Ольга Скабеева: *Это знаменитая* ***теория американского глобуса*** *– все, что ни происходит в этом мире, рассчитано исключительно на американское население* («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

Для подчеркнутого описания эгоцентричности американских политиков ведущая изобретает псевдонаучный термин *теория американского глобуса,* иронически характеризующий чрезмерную сосредоточенность американской стороны на любых событиях, происходящих в мире.

Иван Трушкин: *Ну, и немного о ситуации в* ***Объединенных Трибалтийских Вымиратах*** («Место встречи», 10.06.2024).

В своей речи по отношению к трем государствам (Эстония, Литва, Латвия) эксперт использует окказиональную номинацию – *Объединенные Трибалтийские Вымираты*, образованную по аналогии с топонимом *Объединённые Арабские Эмираты*. Лексема *Трибалтийские* создана путем контаминации числительного *три* и прилагательного *прибалтийские* и имплицитно указывает на конкретные государства, о которых говорит актор. Лексема *Вымираты* несет основную информационную нагрузку высказывания (вымирать – ‘становиться пустым, безлюдным вследствие отсутствия людей’ [Ефремова. 2000]) – в данной окказиональной номинации актуализируются семантические компоненты ‘разрушения’, ‘бедственного положения’.

Артем Шейнин: *Дело пахнет* ***байденовским*** *керосином* («Время покажет», 12.12.2024)

В речи актора применяется окказиональное преобразование фразеологической единицы: в устойчивое выражение *дело пахнет керосином*, употребляемое для обозначения ‘приближающейся неприятности или опасности’ [Федоров 2008], добавляется относительное прилагательное *байденовским,* образованного суффиксальным способом от фамилии американского политика Джо Байдена.

Олеся Лосева: *События, происходящие на территории Великобритании, хотя на самом деле* ***Малобритании***.

В приведенном контексте единица ***Малобритания*** создана путем морфологической деривации по продуктивной модели сложных слов с оценочным первым компонентом, т.е. антонимической замены первой части узуального топонима *Великобритания*: компонент «велико-» (с семой ‘большой, значительный, могущественный’ [МАС 1999]) замещается компонентом «мало-» (с семой ‘небольшой, незначительный, ничтожный’ [там же]) при полном сохранении корневой основы. Прагмалингвистический механизм инференции в данном случае заключается в подведении адресата к самостоятельному выводу оценочно сниженного смысла через активацию антонимической оппозиции.

Д) Стилистическая неоднородность и стилистический контраст нередко становятся источниками иронии: «на фоне книжных слов, служащих лексической основой рассуждения на общественно значимые темы, появление языковых единиц с разговорной и просторечной окраской вызывает стилистический эффект неожиданности, который во многих случаях сопровождается иронией» [Ляпун 2009: 41], например:

Алексей Журавлев: *Да, заходите, будем с нами, вместе с нами* ***поливать*** *Россию. Делать светлое будущее, но че–то ни у кого–то пока не получается делать светлое будущее* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Насмешка в словах эксперта призвана изобличить сторонников иных взглядов, указать на отсутствие успеха во всех проектах, направленный против России. В качестве инструмента иронии выступает стилистический контраст: *поливать* (употребляется в переносном значении: ‘когда о ком–то говорят, что он

поливает кого–то грязью, последними словами и т.п., имея в виду, что он говорит о другом человеке плохие вещи’ [Дмитриев 2003]), разговорно–просторечная форма *че–то* [Бинштейн 2024: 206-207].

Евгений Попов: *А до Байдена, судя по всему, не дошло. Может быть, не было* ***правильной шпаргалки****. Впрочем, чтобы объявить новые антироссийские санкции она не нужна* («60 минут», вечерний выпуск 27.06.2022).

Ведущий в шутливой манере предполагает, что отсутствие *шпаргалки* (‘разг. листок бумаги, книжечка с заметками и т. п., которыми учащийся пользуется во время проверки его знаний тайно от преподавателя’ [МАС 1999) стало причиной неуместных ответов Бориса Байдена. С помощью иронии косвенно утверждается мысль о некомпетентности референта.

Артем Шейнин: *Это был замечательный анализ технологии* ***махача*** *от заместителя директора института стратегических исследований прогнозов РУДН, члена общественной палаты Российской Федерации. Все очень серьезно с глубоким аналитическим подходом по любой, кстати говоря, теме* («Время покажет», 13.06.2024).

Говорящий использует в своей реи стилистически сниженную лексику (*махач* – жарг. ‘драка’ [Елистратов 2002: 245]) для описания серьезной темы, разбираемой заместителем директора института стратегических исследований прогнозов РУДН, что создает контраст и подчеркивает комичность ситуации.

Коммуникативные приемы реализации

А) Гротеск – средство экспликации иронии, основанное на чрезмерном (комическом) преувеличении явления для усиления интенсивности признака, используется актором, чтобы продемонстрировать противоречивость обсуждаемой ситуации и нарушение в ней нравственных и рациональных истин, например:

Владимир Корнилов: *В следующем году* ***вы с линеечками будете черепа замерять там****.* ***До чего вы уже докатились?*** («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Иронический эффект достигается через доведение ситуации до абсурда: *линеечками будете черепа замерять*. Также эксперт использует риторический

вопрос, содержащий разговорною лексему *докатиться*, т.е. ‘довести себя до какого-либо унизительного состояния’ [МАС 1999], что позволяет имплицитно выразить отрицательное отношение говорящего к описываемой ситуации.

Юрий Афонин: *Вот есть известная шутка, да, про Антарктиду, после того как в Антарктиде нашли нефть, ГОСДЕП заявил о необходимости свержения кровавого режима пингвинов. Так же и у нас* («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Комический эффект достигается благодаря доведению ситуации до абсурда (*необходимость свержения кровавого режима пингвинов*), при этом ирония позволяет говорящему провести параллель с реальными событиями (*так же и у нас*), дать оценку действиям иностранного государства.

Ольга Скабеева: *То есть следующее, что должен сказать хитрый, как вы только что охарактеризовали адвокатов, Эльман Пашаев,* ***что за рулем сидели марсиане и это тоже придется проверять?*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Ведущая стремится выразить негативное отношение к рассматриваемой ситуации. Прием доведения до абсурда (*за рулем сидели марсиане*) способствует чрезмерному комическому преувеличению, иллюстрирующему недостатки реальных событий.

Ольга Скабеева: У меня тоже ***складывается ощущение, что это его, Эльмана Пашаева, подбросили Ефремову, чтобы он засадил его на веки вечные*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

В анализируемом контексте комизм создается через комическое представление событий, о которых говорит ведущая: адвокат выполняет действия противоположные его основной задаче, т.е. защите обвиняемого. Также глагол *подбросить* (‘подкладывать, забрасывать тайком’ [Горбачевич, Герд. Т.17, 2004: 447]) употребляется по отношению к одушевленному объекту, что придает высказыванию дополнительный иронический, «театрализованный» смысл.

Алексей Наумов: *Даже знаю, откуда они эту чушь взяли.* ***Выходит, какой–то источник разведки, звонит им и говорит: «Ребят, у нас есть для вас инфа,***

подходите». Они приходят вдвоем, садятся, он говорит: «Вы на меня не ссылайтесь, но расскажите, что есть такое» («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020)**.**

В приведенном текстовом фрагменте прием иронии позволяет говорящему успешно реализовать тактику отвода критики. Эксперт заметно упрощает ситуацию: исключаются детали, с помощью разговорной лексики (*чушь, ребят, инфа*), также являющейся иллокутивным индикатором сарказма, политический диалог сводится к бытовой коммуникации – в подобном контексте любое высказывание западной прессы, направленное против российской стороны, кажется безосновательным. Транслируя адресату–зрителю созданную им сцену разговора западных СМИ и источника разведки, говорящий убеждает аудиторию в том, что все заявления, направленные против России, ложны [Бинштейн 2024: 34].

Алексей Журавлев: *Там уже показывают:* ***девушка голая ходит в протестах. Ее наши ГРУшники раздели, или она смотрит, пупок у нее есть или нет?*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Сарказм в словах эксперта направлен на понижение авторитета референта. Говорящий формулирует иронично окрашенный риторический вопрос, который мог бы возникнуть у иностранных СМИ, высказывает предположение о том, что девушку, выступающую в протестах или могли *раздеть ГРУшники*, или она сама смотрела, есть ли у нее пупок (прием доведения ситуации до абсурда, введение в перечислительный ряд неожиданной лексической единицы *пупок)*, что является насмешкой, содержащей имплицитную оценку безосновательным обвинениям (тактика отвода критики).

Ольга Скабеева: *Вы* ***стоите в тайном сообществе каком–то, вероятно, но просто в таком тайном, о котором никто не знает*** («60 минут», дневной выпуск 25.09.2020).

В приведенном высказывании посредством иронии реализуется стратегия на понижение: ведущий шутливо намекает на возможный заговор, к которому причастен адресант, через гиперболу доводит ситуацию до крайней степени преувеличения (*в таком тайном, о котором никто не знает*).

Б) Алогизм представляет собой нарушение привычных логических связей, что позволяет оратору создавать эффект неожиданности и подчеркивать абсурдность ситуации. Такой прием помогает выразить критическое отношение к определенным явлениям или идеям, сподвигнуть аудиторию задуматься о глубине противоречий, например:

Максим Юсин: *В общем, у них по 60–70 тысяч,* ***просто у меня пятерка по математике была****, это где–то на 14 надо умножать, что биллион получить. Но тем не менее, а вот это они посмотрят, скажут: «Ведущая программы в прайм–тайм и начинает с того, что злорадствует»* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Ирония применяется экспертом для создания юмористического эффекта: из пропозиции высказывания следует, что *пятерка по математике* позволяет судить о сложных статистических данных (ироническое несоответствие причины и следствия, нарушающее стилистическую картину высказывания).

Ольга Скабеева: *Это мы уже поняли.* ***Запретят нам тостеры и американские стиральные машинки.*** *В Вашингтоне, есть ощущение, сформировалась новая традиция, пугать Россию невиданными санкциями* («60 минут», вечерний выпуск 11.01.2022).

Ведущая иронически интерпретирует угрозы финансовой системе Российской Федерации как запрет на *тостеры и американские стиральные машинки* – возникает парадоксальность, которая проявляется из-за нарушения логических связей внутри высказывания, последствия санкций представляются забавными и потому несерьезными [Бинштейн, Самыличева 2023: 9-10].

Андрей Норкин: *У меня идея: надо спросить экстрасенсов и колдунов, не созрела ли Единая Россия для запрета рекламы об экстрасенсах (*«Место встречи», 27.06.2024*).*

Ирония содержится в размышлении эксперта о том, что для принятия решения о запрете рекламы эзотерических услуг, необходимо проконсультироваться с экстрасенсами и колдунами, для которых данный закон невыгоден. Намеренное нарушение логики призвано развлечь аудиторию.

В) Риторический вопрос, применяемый в тактике иронизирования, способен значительно усилить саркастический тон выступления, акцентируя внимание на абсурдности поведения участников определенного события, кроме того, позволяет оратору подчеркнуть нелепость ситуаций и действий коммуникативных оппонентов, представив их как лишенные логики и смысла, например:

Ольга Скабеева: *Виктор Федорович,* ***вам шашечки или ехать?*** *Подождите,* ***вам газ дешевый или позицию крепкую?*** («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Синтаксический параллелизм (*вам шашечки или ехать? <…> вам газ дешевый или позицию крепкую*?) позволяет ведущей провести аналогию между анекдотической ситуацией (крылатая фраза *вам шашечки или ехать?* употребляется в значении ‘получить желаемый результат либо формальность’ [Федоров 2008]) и реальными событиями, когда перед людьми стоит выбор из двух противоположностей [Самыличева, Бинштейн 2025: 19-20].

Ольга Скабеева: *Не договорились в том смысле, что контракт не продлили, газотранспортная система по–прежнему в опасности, ну и,* ***страшный сон для Польши – «Северный поток–2» будет достроен. Как жить–то теперь?*** («60 минут», дневной выпуск 19.09.2019).

Оттенок иронии выступлению придает риторический вопрос, с помощью которого ведущая выражает наигранное сочувствие. Иронический эффект достигается за счет несовпадения произносимого с интенцией говорящего, а также за счет использования разговорно–просторечной формы глагола с частицей –то *жить–то,* нарушающего общую стилистическую картину высказывания.

Александр Добровинский: *И правильно вы считаете. Вы считаете, что ему надо* ***дать медаль за то, что произошло****? Дайте ему медаль* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Иронический эффект достигается с помощью вопросно-ответной формы и доведения ситуации до абсурда: получение награды за отрицательный поступок. Ирония позволяет эксперту выразить несогласие с позицией предыдущего оратора.

Еще одной тактикой в рамках стратегии театральности является тактика проведения аналогии, которая позволяет участникам дискуссий устанавливать параллели между различными событиями, концепциями или персонажами, делать сложные идеи более понятными и наглядными для аудитории.

2) Тактика проведения аналогии

При реализации тактики проведения аналогии, суть которой заключается в поиске закономерностей между двумя явлениями, интертекстуальные включения и описываемыми актором модели наделяются высоким воздействующим потенциалом. Данный факт обусловлен репрезентативным характером, «обеспечивающим обращение к прагматически релевантным феноменам и задающим фокусирование ассоциативных связей вокруг тезиса адресанта» [Марченко 2007:14]. В политическом дискурсе экспликации данной тактики способствуют аллюзии, бытовые и исторические аналогии, аналогии из художественной литературы и кинофильмов и т.д.

Максим Юсин: *Мне кажется, видя, в каком сейчас состоянии* ***американское общество, оно близко к помешательству.*** *<…>* ***Слушайте, ну вот мы встречаем сумасшедшего, идет он по улице, еще у него лезвие не дай Бог в руке. Мы что, будем на полном серьезе с ним интеллектуальные беседы вести или мы попытаемся его как–то успокоить, урезонить?*** («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

В своем выступлении эксперт проводит аналогию между американским обществом и вооруженным умалишенным, которого необходимо успокоить. Данное сравнение используется как объяснение, оправдывающее активные действия. Средством выражения намека является риторический вопрос: *Мы что, будем на полном серьезе с ним интеллектуальные беседы вести или мы попытаемся его как–то успокоить, урезонить?*

Андрей Григорьев: *Но вот* ***существуют такие пазлы, большие картинки. И если там не хватает одной части, то картинки как бы нет****, а теперь вот* ***эти пазлы все сложились****. Они как раз переориентировали операцию на то,*

чтобы расстроить российско–белорусские отношения («60 минут», дневной выпуск 11.09.2020).

В выступлении эксперта политическая ситуация уподобляется пазлу (настольной игре), в котором пропущена одна деталь, отсутствующим фрагментом стала информация о действиях объекта обсуждения. Посредством развернутой метафоры выражается имплицитная информация о том, что представители иностранного государства перестали скрывать свои намерения [Самыличева, Бинштейн 2025 18-19].

Артем Шейнин: *У меня вот сегодня почему-то от сегодняшней повестки сложилось. Вы наверняка видели эти ролики в каких-то фильмах про девяностые, там еще две группы противоборствующих, не знаю, там групп молодежи, там групп фанатов и так далее. Когда они сходятся друг с другом, а потом с какого-то момента начинают бежать друг на друга. Да это ведь та же самая история, и вот где-то начинается тот момент, с которого вот эти две стены враждебные остановиться не могут* («Время покажет», 13.06.2024).

Эксперт уподобляет политическую ситуацию столкновению двух враждующих групп из фильмов про девяностые годы (говорящий отсылает к прецедентным феноменам, понятным аудитории). Подчеркивает, что конфликт между сторонами может достичь такой точки, когда уже невозможно остановиться – тактика проведения аналогии позволяет лучше понять сложные политические процессы и динамику конфликтов. Коммуникативной целью оратора является стремление предупредить о возможных последствиях, используя знакомый для адресата образ.

Артем Шейнин: *Ну, вот это танго можно играть вдвоем, сейчас это модная фраза, что типа санкции, в санкции можно играть вдвоем* («Время покажет», 13.06.2024).

В приведенном контексте аналогия способствует усилению положительного образа группы «своих», способных справиться с выдвинутыми против них санкциями. Эксперт использует аллюзию, ссылается на идиоматическое выражение *для танго нужны двое*, употребляемое для указания на ситуацию, в

которой ‘неразрывно связаны две стороны, одинаково отвечающие за последствия’.

Артем Шейнин: *И это не шутка, это действительно правда жизни, что обычно стадо баранов на бойню ведет козел – это действительно так в жизни. И вот тут у меня вопрос, до какой степени эта некая западная единая рать, или внутри нее есть тоже козел и бараны?* («Время покажет», 13.06.2024).

Тактика аналогии в данном контексте используется для усиления высказывания и придания убедительности аргументации путем сопоставления жизненной ситуации (стадо баранов, которое ведет козел на бойню) с политической и социальной реальностью (единомыслие или разнообразие в западной среде). Автор задает риторический вопрос (… *внутри нее есть тоже козел и бараны?*), подчеркивая, что политические деятели не способны самостоятельно принимать решения.

Александр Казаков: *Помните, был такой анекдот о разногласиях перед замужеством, когда невеста говорит подруге, что у нее есть некоторые разногласия: «я вот не могу выбрать между белым и розовым платьем, а он вообще не хочет жениться»* («Время покажет», 13.06.2024).

Говорящий вспоминает анекдот о разногласиях перед замужеством в качестве аналогии для описания политической ситуации. Подобно тому, как невеста шутливо говорит о своих проблемах с выбором платья, указывая на более серьезные разногласия в отношениях, автор сравнивает это повествование с текущей политической динамикой. Прием аналогии в данном контексте позволяет подчеркнуть несоответствия в поведении и позициях сторон политического взаимодействия, сделать акцент на том, что даже незначительные разногласия могут быть индикатором более фундаментальных проблем или различий.

Артем Шейнин: *Тони Блинкен все это время внимательно и очень напряженно смотрел на Байдена. Моя версия заключается в том, если кто-то из вас бывал на свадьбах или днях рождениях, всегда есть человек,* ***он совсем ничего не понимает, но пытается сохранять трезвый вид*** («Время покажет, 16.11.2023).

С помощью аналогии говорящий уподобляет политическое общение бытовой ситуации (*бывал на свадьбах или днях рождениях*), сравнивает поведение политического деятеля с действиями человека, который *совсем ничего не понимает, но пытается сохранять трезвый вид,* тем самым подчеркивая напряженное состояние референта и стремление сохранить видимость контроля над ситуацией.

Артем Шейнин: *А особенно, когда я слушаю наших оппонентов, я вспоминаю Чацкого: «Но чтоб иметь детей, кому ума недоставало?» А с нашей стороны должен стоять Онегин и напоминать: «Послушайте ж меня без гнева: сменит не раз младая дева мечтами легкие мечты»* («Время покажет», 16.11.2023).

Ведущий при обсуждении политической ситуации использует цитату из комедии А.М. Грибоедова «Горе от ума»: *Но чтоб иметь детей, кому ума недоставало?* – указанный афоризм имеет значение ‘для появления ребенка не требуется серьезной интеллектуальной работы’. Применительно к политической ситуации интертекстуальное включение актуализирует скрытый смысл второго порядка: поступки референтов, репрезентированных в речи лексемой *оппоненты*, не являются разумными, поскольку для совершения данных действий не требуется *много ума*. Позицию группы «своих» актор так же иллюстрирует с помощью цитаты из произведения русской классической литературы. Ведущий цитирует Евгений Онегина, героя из одноименного романа в стихах русского поэта А.С. Пушкина: *Послушайте ж меня без гнева: сменит не раз младая дева мечтами легкие мечты,* что позволяет представить высказывания референтов как мечты, то есть ‘что-либо созданное воображением, фантазией; мысль, дума о чем-либо сильно желаемом, манящем’ [МАС 1999]. Следовательно, в рассматриваемом речевом фрагменте тактика проведения аналогии позволяет эксплицировать не только стратегию театральности, но и стратегию на понижение.

Богдан Безпалько: *Ну у меня очень короткая мысль о том, что на самом деле есть определенный такой магазин в автомате. Есть патроны, которые прямо вот перед заходом в ствол, а есть те, которые сзади. Это конфликт, как воронка, в которую этот магазин подбрасывается* («Место встречи», 06.05.2024).

В данном примере аналогия используется для объяснения сложной политической ситуации через сравнение ее с более простым и понятным объектом, что делает высказывание говорящего более конкретным и привлекательным для аудитории. Эксперт уподобляет событие магазину в автомате, т.е. ‘приспособлению, служащему вместилищем для патронов в оружии’ [МАС 1999], в которое добавляют новые снаряды, что позволяет визуализировать концепцию конфликта и представить его элементы через осязаемые образы.

Алексей Мухин: *Дело в том, что это настолько очевидно, что даже странно. Где самые послушные люди располагаются? В больнице. Потому что люди находятся в состоянии аффекта, страдания. Приходит врач, говорит: «Вам нужна вот эта таблеточка, стоить будет вот столько». Что ты скажешь? Что «нет, не выпью»? Ну умрешь. Создается болезненное состояние, которое делает абсолютно послушных людей в социальном смысле* («Время покажет», 05.08.2024).

В выступлении актор использует тактику проведения аналогии с целью привлечения внимания аудитории и последующего убеждения ее правильности своих аргументов. Прибегая к вопросно-ответной форме изложения, эксперт утверждает, что люди становятся абсолютно послушными в больнице из-за своего нездорово состояния, которое он описывает с помощью лексем *аффект* (‘кратковременное состояние сильного эмоционального переживания, нервного возбуждения (ужаса, ярости, отчаяния)’ [Горбачевич, Герд. Т.1, 2004: 314]) и *страдание* (‘физическая или нравственная боль; мука, мучение’ [МАС 1999]), что приводит к тому, что они безоговорочно следуют указаниям врачей. Данное объяснение, по мнению говорящего, можно применить и к другим аспектам человеческого поведения и социальной динамики.

Игорь Морозов: *Мне, честно говоря, история газа, работы турбин напоминает* ***кормление голодного ребенка.*** *Вот у меня дочки были хорошие, некапризные. Но я читал в книгах, видел в кино, как себя* ***ведут нехорошие дети. Папа с мамой танцуют вокруг них, ложечку пытаются всунуть в рот за папу, за маму. Погремушечками, мультики включают. Что только не делают. Ребенок отворачивается, выплевывает.*** *Давайте зададимся вопросом.* ***Эта***

каша кому нужна? Она нужна ребенку, чтобы расти, чтобы стать полноценным гражданином своего общества. Папе и маме это тоже нужно, но ребенку это важнее. Вот так же и Россия с европейцами. Что они только ни делают, что они только ни пытались сделать, отвернуться, выплюнуть, сказать что–то нехорошее в адрес наших газопроводов («60 минут», вечерний выпуск 20.07.2022).

Говорящий проводит аналогию между поведением капризного ребенка и действиями американских политиков, сравнение двух явлений позволяет объяснить одно из них посредством другого. Подобное сопоставление выполняет умаляющую функцию, с помощью него формируется сниженный образ политических представителей США. При помощи аналогии выступающий также показывает, что газовый ресурс в первую очередь необходим американскому государству, а не российской стороне.

Помимо аналогии, для речи участников политических ток-шоу характерно активное применение метафор, которые служат мощными средствами концептуализации различных типов реальности. Метафоры позволяют не только выразить сложные идеи более доступным языком, но и создать новые смыслы, порождая тем самым и новое знание. Повышенная метафоризация обусловливает выделение тактики метафоризации речи, которая используется для создания воздействующего эффекта и косвенного вовлечения аудитории в обсуждение.

3) Тактика метафоризации речи

Повышенная метафоричность как отличительное свойство современной политической речи позволяет рассматривать метафоризацию с позиций коммуникативной тактики, входящей в состав стратегии театральности. Использование метафор, характеризующих реалии как внутренней, так и внешней политики, выполняет целый ряд важных функций, выходящих за рамки эмоционально-экспрессивного описания действительности. Реализация данной тактики не только способствует формированию заданного актором восприятия событий и явлений, но и активно влияет на эмоциональный фон, вызывая у аудитории определенные чувства и реакции, будь то восторг, тревога, доверие и

т.п. В рамках стратегии театральности метафоры выполняют роль одного из ключевых элементов моделирования политического дискурса, придавая ему выразительность, драматизм и эмоциональную окраску. В зависимости от коммуникативной роли, реализуемой в политическом дискурсе, можно выделить следующие виды метафор:

А) Номинативно–оценочная метафора представляет собой способ расширения языковой семантики. При реализации стратегии театральности с помощью данной метафоры передается эмоционально-оценочный аспект, который может включать выражение как положительных, так и отрицательных коннотаций, например:

Игорь Коротченко: *Это **высекли сами себя в прямом эфире**, и самое главное, когда в этом участвуют влиятельные американские СМИ* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Метафора *высечь <…> в прямом эфире* участвует в реализации стратегии на понижение: в высказывании содержится имплицитная информация об ‘самоуничижении’ референтов, выраженная через лексему *высечь* (‘наказать розгами, плетью’ [МАС 1999]).

Ольга Скабеева: З*автра Лукашенко обратится к нации, мы очень надеемся, что конфликт, как сказал глава службы внешней разведки Нарышкин, будет исчерпан. Произошедшее квалифицирует как **срежиссированную акцию**, но у Лукашенко совсем другое мнение* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

В речи эксперта содержится имплицитная негативная информации о намеренном создании конфликтной ситуации. Через метафору *срежиссированная акция* актуализируется смысловой компонент ‘фальшивый’, ‘заранее созданный’, что способствует формированию отрицательного отношения к рассматриваемым событиям [Бинштейн 2024: 34-35].

Алексей Журавлев: *Все то же самое – ничего нового, но важно, что это работает, зараза, вот в чем дело. Если бы это не работало, они бы не **жужжали*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

С помощью умаляющей метафоры (*жужжать*) эксперт уподобляет высказывания референтов звукам, издаваемым насекомыми, тем самым формируется сниженный образ представителей другой стороны.

Игорь Коротченко: *То, что мы сейчас видим, называется* ***показательная порка их спецслужб*** («60 минут», дневной выпуск 11.09.2020).

Умаляющая метафора ***показательная порка*** является приемом в тактике дискредитации: в речи эксперта обсуждаемые события уподобляются виду телесного наказания.

Евгений Попов: *Называется рекогносцировка,* ***театр военных действий****. Ну, Лукашенко тоже к нему пришел* («60 минут», дневной выпуск 11.09.2020).

Негативный компонент значения игровой метафоры проявляется через сочетание с лексемой *военный*. Параллель между политическим конфликтом и войной создается через использование военной терминологии: *рекогносцировка* – ‘изучение расположения противника и местности перед предстоящими боевыми действиями’ [Самыличева, Бинштейн 2021: 280].

Дмитрий Абзалов: *Надежд нет практически, но шоу остается. 6 января еще готовится* ***последний бой этого потешного войска Дональда Трампа*** («60 минут», дневной выпуск 15.12.2020).

Через развернутую метафору проводится параллель между потешным войском (умаляющий образ, лексема потешный употребляется в значении ‘смешной, забавный, несерьезный’ [МАС 1999]) и политической партией Дональда Трампа, политические события уподобляются битве.

Сергей Липовой: *То, что складывается у нас на границах, и те заявления, которые есть, мне напоминают* ***политический театр абсурда, в котором собрались клоуны разных мастей, политические колуны и который хотели нам продемонстрировать очередной политический спектакль маразма****. Это ещё раз говорит о том, что они понимают, что их приперли, они понимают, что они проиграли на политической арене, у них дело идет к проигрышу, им больше крыть нечем* («60 минут», дневной выпуск 21.12.2021).

В речи эксперта политические события представлены через театральные образы: *политический театр абсурда, собрались клоуны разных мастей, политические колуны, политический спектакль маразма.* Метафорические номинации театра характеризуются уничижительной коннотацией, содержат имплицитное значение ‘несерьезный’, ‘потешный’, а также намек на «нереальность» политических событий, в которых существенным является элемент постановки, «игры».

Дмитрий Егорченков: *Эти китайские болванчики, кивают головами и говорят: «О, великие, да, так и будет, демократия – это наше все»* («60 минут», вечерний выпуск 11.01.2022).

Эксперт использует метафору *китайские болванчики*. Данная номинация имеет уничижительную коннотацию и указывает на ограниченность поведения представителей иностранного государства, играющих свою роль и слепо действующих по воле других.

Я каждое утро просыпаюсь с ощущением, что я ***нахожусь в фильме «День сурка»****. Потому что* ***наши западные партнеры, такое впечатление, что каждое утро обнуляются. Вот им что–то рассказываешь, объясняешь, разжевываешь****, как говорил господин Рябков, они раз с утра,* ***и это, как с чистого листа начинают, то же самое, совершенно не потеряв, что называется, боевого задора*** («60 минут», вечерний выпуск 11.01.2022).

В своем выступлении эксперт проводит аналогию между художественным фильмом «День сурка», в котором герой был вынужден вновь и вновь переживать один и тот же день, и поведением представителей американской стороны, которые, по мнению говорящего, также не меняют своих решений, словно забывая о результатах предыдущих переговоров. Свое мнение эксперт выражает с помощью глагола *обнулиться* в значении ‘вернуться к нулю, первоначальному состоянию’ и через идиоматическое словосочетание *начать с чистого листа* – ‘начать сначала’. Образная речь выполняет функцию убеждения, позиция автора кажется правдоподобной, однако при этом она не подкреплена рациональными аргументами.

Б) Моделирующая метафора способствует реализации стратегии театральности, поскольку с ее помощью оратор повышает аттрактивность своего высказывания и предлагает аудитории по-новому взглянуть на сущность обсуждаемого явления, например:

Игорь Коротченко: *Ради чего должна Европа исполнять какие–то танцы для Соединенных Штатов Америки. Цель Трампа понятна: это такой* ***рэкетир с дубиной, который хочет бейсбольной битой бить по головам своих европейских друзей*** *для того, чтобы поднимать экономику США и свой личный рейтинг накануне новых президентских выборов. <…> Мы полностью не захлопываем двери от диалога с США, но мы должны понимать логику их действий. Это* ***логика действий гангстера, экономического гангстера*** («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

В речи эксперта развернутая метафора применяется с целью реализации стратегии на театральность и понижение, т.к. позволяет представить иностранных политиков как часть криминального мира: деятельность представителей США уподобляется поведению *рэкетира с дубинкой* (‘преступник, который занимается вымогательством, угрожая насилием’), *гангстера* (‘бандит, член бандитских шаек в США и в некоторых других странах’ [МАС 1999]).

Константин Семин: *Можно поговорить о том, что пациента сначала придушили, а потом искусственно пытаются накормить.* Развернутая метафора позволяет говорящему уподобить анализируемые события спасению уже погибшего человека, через данную аналогию актуализируется значение бесполезности совершаемых действий, напрасно потраченных усилий, поскольку результат уже не может быть изменен.

Янина Соколовская*:* ***Дело в том, что пока толстый похудеет, конь сдохнет, а худой в этой ситуации выиграет*** («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

Метафорическая модель способствует представлению политической ситуации в образном и упрощенном виде, а также выполняет эвфемистическую функцию, скрывая референтов высказывания.

Алексей Журавлев: *Их приглашают в этот* ***треугольник, в котором пропадают не только люди и самолеты, но и целые страны исчезают – вот в этом треугольнике, в который их приглашают четвертой стороной*** («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

С помощью развернутой метафоры эксперт проводит аналогию между Люблинским и Бермудским треугольником. Отрицательные эмоции, связанные с традиционными представлениями о Бермудском треугольнике, переносятся и на Люблинский союз. Во фразе *четвертой стороной* содержится намек на то, что для Люблинского треугольника Белоруссия будет лишней.

Игорь Коротченко: *И собственно, понятно, когда вот это* ***золотое яичко****, как, казалось бы,* ***иностранная курочка сейчас снесет****, а* ***американцы решили, что это должно упасть в американское лукошко*** («60 минут», дневной выпуск 11.09.2020).

Аллюзия на детскую сказку в речи российского политолога оказывается удачным средством упрощения и развернутого метафорического переосмысления событий. Метафора также позволяет эксперту передать имплицитную информацию о том, что у представителей американской стороны есть собственные интересы (*американцы решили, что это должно упасть в американское лукошко*) [Бинштейн, Самыличева 2024: 207-208].

Александр Рар: *Надо следить, чтобы не стать* ***футбольным мячиком в игре американцев****.* <…> ***Нельзя играть на стороне западных разведок*** *против собственных разведок, против собственных силовых структур* («60 минут», вечерний выпуск 19.10.2020).

Метафора *футбольный мячик в игре американцев* позволяет говорящему в образной форме предостеречь участников процесса, которых, по мнению политолога, американская сторона использует в своих интересах. Продолжением мысли эксперта становится высказывание *нельзя играть на стороне западных разведок,* в котором он обвиняет политиков в том, что они предают интересы собственного народа.

Артур Демчук: *Ну, Америка – это вообще страна контрастов, и то, что сейчас происходит в Вашингтоне, напоминает* ***шахматную партию****, где каждая из сторон хочет выиграть любой ценой* («60 минут», дневной выпуск 12.01.2021).

Образ *шахматной игры* позволяет представить действия политических партий США в виде закономерной последовательности логических «ходов», при этом в поступках представителей разных сторон усматривается определенная стратегия, целью которой является победа в данной «игре» [Самыличева, Бинштейн 2021: 276].

В) Гипотетическая метафора помогает создать образ объекта, который еще не полностью понятен и для которого нет четко определенных характеристик. При реализации стратегии театральности способствует более глубокому восприятию темы и может использоваться для создания многослойных образов и символов, которые позволяют зрителям интерпретировать события в направлении, совпадающим с точкой зрения говорящего, например:

Константин Семин*: Мы знаем, что и по иракскому опыту, и по югославскому опыту, и по ливийскому опыту*, *мы знаем, что всегда сначала* ***запускается осел, груженый золотом и, если ему уже не удается достигнуть результат****, тогда уже начинают говорить пушки* («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Через развернутую метафору оратор описывает возможный результат событий, предупреждает о последствиях. Метафорический образ *груженного золотом осла* позволяет понять перспективы развития сложившейся ситуации и смоделировать негативный результат: *начинают говорить пушки* [Бинштейн 2020: 33].

Евгений Попов: *Если мы не будем останавливать коррупцию, то наша страна превратится в* ***гниющее яблоко****, непригодное для употребления* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Метафорический образ гнилого яблока позволяет оратору изобразить последствия коррупционной деятельности, которая может подвести к необратимым последствиям.

Константин Семин: *Россия – это медведь, который спит, но не забудьте, он может проснуться в любой момент* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Метафорический образ спящего медведя, который может проснуться *в любой момент,* является намеком на возможные негативные последствия от конфликта с Россией*,* используется для обозначения необходимости быть осторожным.

Г) Эмотивная метафора за счет повышенной выразительности и образности помогает воздействовать на эмоциональную сферу адресата и формировать определенное отношение к действительности. В рамках стратегии театрализации позволяет сообщать не только информацию, но и ассоциации и настроения, которые могут значительно изменить восприятие обсуждаемой темы, например:

Владимир Жириновский: *Когда вам дают что–то: газ или нефть – это* ***наркотик, а нужна еще доза и еще выше, пока не захлебнетесь, пока не задохнетесь; <…> вся ваша промышленность, вся Европа на нашем русском газе*** («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

В речи эксперта через развернутый метафорический образ (мотивирующие лексемы *наркотик, доза*) происходит понижение статуса референтов: получаемые европейскими государствами энергоресурсы уподобляются *наркотику*, через данную лексему актуализируется значение ‘вызывающий привыкание’, утверждается зависимое положение европейских государств [Самыличева, Бинштейн 2025: 19].

Юрий Кот: ***Иногда нужна прививка для того, чтобы болезнь проснулась, переболели и забыли*** («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

Развернутая метафора актуализирует семантический компонент *болезнь* и используется для формирования у аудитории сниженного образа, по отношению к которому действия российской стороны представлены как прививка, т.е. средство борьбы с «заболеванием».

Ольга Скабеева: *Но ведь завтра, если верить всем абсолютно белорусским политологам, он снова собирается* ***разыгрывать антироссийскую карту*** *и снова*

собирается немало говорить про эту провокацию («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Помимо тактики метафоризации речи, в выступлении ведущей реализуется тактика анализ–«минус»: из пропозиции высказывания следует, что у российской стороны есть оппоненты, стремящиеся ослабить ее положение. Обличительную функцию выполняет именно метафорическое выражение *разыгрывать антироссийскую карту,* которое апеллирует к чувствам аудитории [Самыличева, Бинштейн 2021: 277].

Д) Эстетическая метафора занимает важную позицию в реализации стратегии театрализации, так как использование образных форм не только привлекает внимание реципиента, но и значительно усиливает воздействующий потенциал высказывания, например:

Константин Семин*: Трампу, который строил свою репутацию на борьбе с нелегальной миграцией, на конфронтационной риторике по отношению к испаноязычному меньшинству в Соединенных Штатах –* ***ему нужно положить какой–то козырь прямо сейчас*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Эксперт употребляет словосочетание *положить козырь*, чтобы сделать акцент на том, как важно для партии Дональда Трампа использовать любые преимущества (лексема *козырь* употребляется в значении ‘что может дать кому–л. в нужный момент преимущество’ [МАС 1999]).

Коллеги, мне кажется, что все–таки стоит ***снизить градус нашего противостояния*** («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Говорящий прибегает к использованию метафоры *градус противостояния* для снятия напряженности в дискуссии.

Вадим Трюхан: ***Королевство кривых зеркал****, вот в зеркало смотришь и видишь несколько другое изображение, чем на самом деле происходит* («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Используя метафорический образ *кривого зеркала*, а также перифрастический оборот *королевство кривых зеркал,* эксперт говорит о необъективности, предвзятости политических ток–шоу, которые искажают факты.

Отсутствие аргументации компенсируется метафорической формой изложения [Бинштейн 2022: 34].

Якуб Корейба**:** *И сегодня мы должны решительно* ***забивать гвозди в гроб российского империализма. <…>*** *Сегодня* ***был забит очень важный гвоздь*** («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

В речи эксперта содержится косвенный метафорический призыв к совершению негативных действий, направленных против российской стороны. Стоит отметить, что метафора *забивать гвозди в гроб российского империализма* является перифрастическим оборотом и потому смягчающим способом описания желаемого для оратора действия.

Дмитрий Абзалов: *Мы все вот в эту* ***игру*** *брались, то есть* ***тараном*** *пробивается составляющая против российской составляющей* («60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020).

Для описания политического столкновения эксперт использует метафору *игра,* действий иностранных политиков – *таран.* Данные образы делают речь более доступной для понимания аудитории.

В стратегию театральности входят различные тактики как позитивного воздействия, так и негативного. К последним, в частности, относится тактика провокации, использование которой часто сопровождается резкими высказываниями, неожиданными вопросами или спорными утверждениями.

4) Тактика провокации

Под тактикой провокации понимают «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на (1) получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо (2) дестабилизацию его эмоционального состояния» [Иссерс 2009: 95]. Основными индикаторами провоцирующих речевых действий являются семантические, прагматические и стилистические языковые средства, по которым можно определить коммуникативные цели говорящего. К ним относятся:

Лексические средства реализации

А) Использование пейоративов: поскольку пейоративность – это «свойство разноуровневых языковых единиц (чаще – лексических) передавать неодобрение, критическое отношение, порицание, и даже негодование и презрение» [Акай, Куликова 2021: 155], то применение пейоративов в речи способствует реализации тактики провокации и создает предпосылки к достижению перлокутивного эффекта, например:

Иосиф Пригожин: *Он **бандит, преступник** и должен сидеть в тюрьме. Он предал свой народ, он **просто мудак**. Группа «MARUV» – абсолютно конкурентоспособный коллектив, если эта страна не захочет им предоставить площадку, то это ее проблемы. Мы должны предоставить им эту возможность, потому что они очень достойные музыканты и хотят заниматься музыкой, а не политикой, а эти **пытаются завязать их в это дерьмо в узелочек** и навязать им свою игру* («60 минут», вечерний выпуск 25.02.2019).

Речь эксперта направлена на привлечение внимания аудитории. Приведенный речевой фрагмент связан со стратегией агрессии и выполняет агональную функцию. Эмоциональность высказываний формируется за счет использования оценочных слов («словесных ярлыков»: *бандит* – ‘субъект, действующий насильственными, незаконными методами вне правового поля’, *преступник* – ‘Тот, кто совершил преступление’ [МАС]), открытых обвинений (*предал свой народ*), бранной лексики (*мудак* – ‘груб., вульг. глупый, бестолковый человек; ничтожество’ [МАС 1999]). Развернутая метафора *пытаются их завязать в это дерьмо в узелочек* содержит экспрессивно сниженную ненормированную лексику и придает провокационный характер всему выступлению: деминутив *узелочек* в контексте с лексемой *дерьмо* (‘дерьмом грубо называют что–нибудь плохое, что вызывает негодование, отвращение, презрение и т. п.’ [Дмитриев 2003]) приобретает негативно–оценочный компонент.

Алексей Наумов: *То есть как бы какой-то рычаг влияния на ситуацию в России – это угроза применения разжигать огонь. **Мы для чего-то эти испытания сейчас проводим? Чтобы они, как бы там выразились, обосрались*** («Место встречи», 06.05.2024).

В данном примере оратор использует экспрессивно сниженную лексику для выражения своего отношения к обсуждаемым событиям. Привлекает внимание к теме с помощью вопросно-ответной конструкции, а причину, повлиявшую на проведение испытаний, видит в стремлении вызвать страх у противоположной стороны (лексема *обосраться* употребляется в значении ‘изумляться, поражаться, приходить в крайне сильное эмоциональное состояние; испытывать страх’ [Елистратов 2000: 261]).

Коммуникативные приемы реализации

А) Использование сарказма в контексте тактики провокации заключается в намеренном применении ироничных или насмешливых высказываний для достижения определенных целей, таких как вызов эмоциональной реакции, акцентирование внимания на абсурдности ситуации и побуждение к размышлениям, например:

Янина Соколовская: *Минимум 30 миллиардов все равно вам придется качать, и теперь уже* ***вы клянчите у нас: «Мы выбираем скидку, пожалуйста, купите у нас газ, дайте нам транзит»,*** *– а мы уже сейчас стоим и выжидаем, мы ждем пока* ***ваш труп аккуратно проплывет мимо нас,*** *у нас есть время подождать* («60 минут», вечерний выпуск 19.09.2019).

В приведенном контексте представлен метафорический образ трупа как косвенное обещание негативных последствий для собеседников. Также в речи говорящего содержится лексически выраженная негативная оценка образа реципиента, который предстает в унизительном положении (*и теперь уже вы клянчите у нас, клянчить* – ‘неотступно, назойливо просить; умолять’ [МАС, 1999]), что придает всему высказываю саркастический тон.

Б) Провокационные вопросы относятся к косвенным, поскольку их целью «является обычно не побуждение к ответу, а побуждение к действию. От спрашивающего никакой осведомленности в запрашиваемой информации не требуется, т.к. чаще всего нет области незнания говорящего (говорящий информирован или у него в сознании есть предполагаемый ответ), нужна лишь реакция от адресата – совершение или отклонение» [Галанова 2012: 26], например:

Ольга Скабеева: *Знаете, я бы как сказала? Секунду.* ***Если у убитого такая плохая жена, то значит его можно было безнаказанно убить****? <…> А зачем тогда вы мне рассказываете про хитросплетения вот этих вот отношений жен и любовницы. Да нам плевать на любовниц* («60 минут», вечерний выпуск 29.07.2020).

Провокация способствует убеждению аудитории в абсолютной неуместности доводов предыдущих ораторов. Ведущая доводит озвученные ранее тезисы до крайности, в ее речи умышленно нарушаются нормы морали (*Если у убитого такая плохая жена, то значит его можно было безнаказанно убить*). Высказывания такого рода направлены не на коммуникативного противника, а на аудиторию. Не вызывает сомнения, что зритель не согласится с подобной шокирующей позицией, но при этом обратит внимание на провокационные слова и поддержит противоположное мнение, т.е. мнение оратора [Бинштейн, Самыличева 2023].

Андрей Кормухин: ***У меня есть право сотовый телефон выбросить. Хотите растопчу?*** («Место встречи», 17.05.2024).

Эксперт с целью показать, насколько он независим от технологий, использует в речи провокационный вопрос, предлагая растоптать свой сотовый телефон. Подобная тактика призвана вызывать эмоциональный отклик у аудитории, привлечь внимание к проблеме и спровоцировать обсуждение.

Таким образом, стратегия театральности становится важным инструментом в арсенале участников политических ток-шоу, позволяя им эффективно взаимодействовать с аудиторией и создавать запоминающиеся образы. Указанная стратегия включает в себя не только тактики позитивного и негативного воздействия, но и использование различных риторических приемов, невербальных сигналов и средств эмоциональной выразительности.

А) Нарушение принципов кооперации и постулатов общения предполагает применение нестандартных, неожиданных или неформальных способов общения, которые выходят за рамки традиционных норм и правил языка, например:

Андрей Никулин: *Они используют излишнюю силу. Их нужно бить головой об стену* («60 минут», дневной выпуск 01.02.2019).

Эксперт использует в своей речи провокационное высказывание *нужно бить головой об стену*: модальный глагол *нужно* употребляется в значении *‘необходимо, следует; надо’* [МАС 1999], позволяет описать желательные для говорящего действия. Подобная реплика имеет конфликтогенный характер, поскольку противоречит этическим нормам, принятым в обществе.

Леонид Калашников: *Теперь, если я спрошу Вас, какая Вы сволочь, – на этом разговор будет закончен?* [«60 минут», вечерний выпуск 03.08.2020].

Несмотря на то, что провокационный вопрос задается экспертом с целью закончить разговор, в нем содержится указание на негативные черты, присущие собеседнику (*сволочь* – ‘груб. прост. скверный, подлый человек; негодяй’ [МАС 1999]), что не позволяет выйти из конфликтной ситуации.

Евгений Попов: *Они, наверное, не понимают нашей идеологии, потому что им просто не хватает ума* («60 минут», вечерний выпуск 27.06.2022).

В речи эксперта имплицитно репрезентуется сема ‘глупый’ (*не хватает ума*), что позволяет представить сниженный образ представителей другого государства. Высказывание является провокационным, поскольку содержит негативную оценку референта и нарушает один из главных принципов общения – принципа вежливости.

Подводя итог, можно отметить, что коммуникативные стратегии и тактики в политическом медиадискурсе реализуются непосредственно через обширный диапазон многообразных средств различных уровней: лексическо-стилистического, грамматического и коммуникативного.

2.3. Анализ текстов политического медиадискурса с применением методики лингвистической экспертизы

Изучение политического дискурса имеет практическое значение в системе общественно–политических отношений. Оно помогает понять, каким образом

власть и оппозиция общаются между собой и с обществом, как формируются общественное мнение и политические предпочтения. Исследования в данной области «могут детально продемонстрировать, каким образом темы, заголовки и лиды новостей <…> в политическом дискурсе могут быть использованы и эксплуатированы для «определения ситуации», то есть как эти дискурсивные структуры могут быть использованы для создания высшего уровня (макро)структур ментальных моделей событий» [Teun A. van Dijk 2013: 43]. Более того, анализ коммуникативных стратегий и тактик, применяемых в политической коммуникации, представляет собой форму противодействия сообщениям в СМИ, в частности, тем, которые содержат лингвистические признаки речевых преступлений, таких как дискриминация, клевета, оскорбления и т.д., которые часто используются в политической коммуникации в целях дискредитации противников. Знание этих признаков позволяет лучше понимать механизмы процессов манипуляции общественным мнением и повышает навыки аналитической работы в области политических коммуникаций.

В рамках исследования были выявлены и проанализированы контексты, содержащие негативную информацию о конкретном лице, группе лиц, организации, государстве.

№1 *Его заставляли сдавать анализы, и он тоже сделал то, что Вы сейчас описали. Но! Важное уточнение: он это сделал в подконтрольной своему дружку лаборатории, товарища, с которым он с тех пор, разумеется, поссорился. Вот бы Пальчевский опубликовал истинные теперь результаты* («60 минут» дневной выпуск от 21.12.2021). В приведенном речевом фрагменте содержится имплицитная негативная информация о том, что референт совершил нечестный поступок: сдал анализы в лаборатории, принадлежащей заинтересованному лицу, действующему в его интересах (*сделал в подконтрольной своему* ***дружку*** *лаборатории,* ***товарища***…). Намек на то, что результаты данных анализов не соответствуют действительности, репрезентуется через причинно-следственную связь между результатами анализов и дружескими взаимоотношениями объекта дискредитации и руководителя лаборатории, проводящей анализ: с помощью

словосочетания *важное уточнение* акцентируется внимание на обстоятельствах, прямо не связанных с рассматриваемой ситуацией.

Сочетание *вот бы* является языковым средством выражения желания актора, указанием на то, что описанный результат (*вот бы опубликовал истинные результаты*) был бы для него благоприятным. Косвенно выражается информация о том, что опубликованные результаты истинными не являются (манипулятивный прием навязывание пресуппозиции – сведения о том, что анализы не соответствуют действительности преподносятся как предварительное знание, не подлежащее доказыванию). В исследуемом контексте также содержатся языковые признаки насмешки: вводное слово *разумеется* употребляется в значении ‘конечно, несомненно, бесспорно’ по отношению к информации о том, что референт впоследствии поссорился со своим товарищем. Коммуникативная цель данного речевого акта заключается в понижении значимости образа референта через подчеркивание его комичности.

Отметим, что имплицитная негативная информация о совершении лицом нечестного поступка выражена в форме утверждения о факте, лингвистическими маркерами которого являются грамматическая форма повествовательного предложения, глагол в изъявительном наклонении (*сделал, поссорился*), отсутствие модальных слов и конструкций, влияющих на информационную природу высказывания. Данная информация может быть верифицирована (проверена на соответствие действительности), так как соотносится с реальными людьми и может быть ими подтверждена или опровергнута.

№2 *Ну и, неадекватный, как его накануне назвал Лавров, генсек НАТО вставил свои пять копеек или пять норвежских эр, и отвечая на заявление о том, что на Западе надули и нагло обманули Советское руководство в 90–ые годы, почти пенсионер Йенс Столтенберг прямым текстом заявил, что Запад НАТО никогда никому ничего не обещали* («60 минут» вечерний выпуск от 24.12.2021).

В приведенном текстовом фрагменте в форме мнения выражена негативная информация о Йенсе Столтенберге, генеральном секретаре НАТО, образ которого принижается за счет использования оценочной лексемы с эмоционально–

экспрессивным компонентом значения *неадекватный,* имеющей значение ‘лишенный адекватности, не соответствующий норме, требованиям’ [Кузнецов 2000]. Языковое средство выражения мнения – вводная конструкция с семантикой источника сообщения, на которые ссылается говорящий: *как его накануне назвал Лавров.* Высказывание *вставил свои пять копеек или пять норвежских эр* является приемом языковой игры: в устойчивое сочетание *вставить свои пять копеек,* имеющее значение ‘внести небольшой вклад куда–либо; сказать что–то незначительное’ [Мокиенко, Никитина, 2007: 67], оратор включает *или пять норвежских эр,* тем самым имплицитно указывая на национальность референта (Йенс Столтенберг – норвежский государственный и политический деятель; эре – ‘разменная монета Швеции, Норвегии и Дании’ [МАС 1999]). Следует отметить, что приведенное выражение усиливает семантический компонент незначительности образа, но при этом не влияет на информационную природу высказывания. Наречие *почти* в словосочетании *почти пенсионер* указывает на близость референта к пенсионному возрасту (слово *пенсионер* репрезентирует семантический компонент ‘пожилой человек’). Коммуникативная направленность приведенных высказываний – снижение образа объекта описания через указание на его приближающийся к старости возраст (*почти пенсионер*), качества, негативно характеризующие лицо (*неадекватный*).

№3 *Это действительно* ***угасание****, когда мы видим* ***слабого*** *человека, которого можно именовать, как он сам себя называет, лидером свободного мира. <…> Ну, он в силу своих привычек* ***мог бы прийти и в плаще на голое тело, для него это нормальная история****. Ненормально то, что вот эта семерка до сих пор полагает, что мир – это они* («60 минут» вечерний выпуск от 27.06.2022).

В речи эксперта представлена критика американского государства, реализуемая через изобличение одного из ее представителей. Говорящий использует лексику с отрицательной коннотацией, что позволяет сформировать образ слабого и непрофессионального политика*:* ***угасание****, мы видим* ***слабого*** *человека* (*угасание* от *угасать* – ‘уменьшаясь, ослабевая по силе, степени проявления, прийти к концу, утратиться, исчезнуть’ [МАС 1999] – в контексте

политического взаимодействия приобретает значения ‘потеря политического авторитета, компетентности’; оценочная лексема *слабый* – ‘не обладающий достаточной физической силой’ [там же]). Также в выступлении содержится имплицитная негативная информация о том, что поведение Бориса Джонсона не соответствует нормам: словосочетание *нормальная история*, выступающее подлежащим, получает пояснение в виде предиката *прийти в плаще на голое тело*. Связь понятия нормальности с совершенно не вписывающейся в его рамки моделью поведения создает эффект абсурдности. Выражение *прийти в плаще на голое тело* в данном контексте используется как гипербола с целью подчеркнуть эксцентричность поведения Джо Байдена.

№4 *В белом доме после провального визита Байдена на Ближний Восток, очевидно, строил хорошую мину при очень плохой игре. Рассказывает, что якобы поездка президента в Иран показала, насколько Россия сейчас изолирована. Очередное доказательство того, что американские фантазии далеки от реальности* («60 минут» вечерний выпуск от 20.07.2022).

В приведенном фрагменте содержится эксплицитная негативная информация о неудачном визите Джо Байдена на Ближний Восток, а также имплицитная информация о том, что референт сообщил недостоверные сведения. Говорящий использует в своей речи оценочную лексику с отрицательной коннотацией (*провальный* – ‘безнадежный; относящийся к провалу, образованный провалом’ [МАС 1999; Кузнецов 2000: 1000]); трансформированное фразеологическое высказывание *строил хорошую мину при очень плохой игре* (фразеологизм *делать хорошую мину при плохой игре* – ‘скрывать свое огорчение, свои неприятности и т. п. под наружной веселостью, внешним спокойствием, беззаботностью’ [Федоров 2008]), стоит отметить, что говорящий также использует наречие *очень*, усиливающее степень проявления негативного признака (*очень плохой игре*); оборот *фантазии далеки от реальности*, имеющий оценочную природу и употребляющийся в значении ‘о том, что является неправдоподобным вымыслом; выдумка’ [Кузнецов 2000]. Маркерами субъективной модальности являются вводное слово *очевидно,* имеющее значение ‘вероятно, по–видимому, должно быть’

[Кузнецов 2000]; частица *якобы*, с помощью которой говорящий выражает сомнение в достоверности сообщаемого (способ имплицитно указать на недостоверность сведений, сообщаемых оппонентом). Следовательно, в данном контексте информация носит оценочный характер и выражена в форме оценочного суждения.

Кроме того, обобщенная негативная информация о деятельности представителей американской стороны подчеркивается указанием на ее длительность, протяженность во времени: *очередное доказательство (очередное* – ‘повторяющийся, возникающий время от времени’ [МАС 1999]). Так, в речи оратора критика современной американской политики реализуется через изобличение одного из ее представителей. В целом же коммуникативная направленность исследуемого контекста связана с дискредитацией: были выявлены высказывания, косвенно характеризующие деятельность референтов с негативной стороны (***строил хорошую мину при очень плохой игре****; рассказывает, что* ***якобы*** *поездка президента в Иран показала, насколько Россия сейчас изолирована; американские* ***фантазии далеки от реальности***).

№5 *Мы когда смотрим эти все репортажи западных стран, ощущение, что у европейских, американских политиков коллективная шизофрения. Пора, наверное, на них надевать смирительную рубашку. Западное общество опасно и для себя, и особенно для окружающих стран. <…> Полный регресс, отсутствие каких–либо элементарных планов на будущее. Загибаются, деградируют и бешено шлют нам проклятия* («60 минут» вечерний выпуск от 20.07.2022).

Анализируемый текст стоит рассматривать как выражение субъективного видения говорящего (негативная информация представлена в форме оценочного суждения). Коммуникативная направленность приведенного речевого фрагмента заключается в стремлении создать сниженный образ объекта описания – политических представителей западных стран. Оценочная лексема *шизофрения*, имеющая значение ‘1. тяжелое психическое заболевание, характеризующееся нарушением связности психических процессов и упадком психической деятельности’ [МАС 1999]; ‘2. О чем–либо странном, нелогичном, абсурдном’

[Кузнецов 2000], идиоматическое словосочетание *надевать смирительную рубашку,* продолжающее семантическое поле сумасшествия, выражают имплицитную негативную информацию об неадекватном поведении обобщенного объекта. В последующем высказывании содержится эксплицированное основание оценки: з*ападное общество опасно и для себя, и особенно для окружающих стран* (краткое прилагательное *опасно:* «опасный» имеет значение ‘способный причинить большое зло, несчастье, нанести какой–либо ущерб, урон’ [Кузнецов 2000]).

Негативная информация выражена через лексику с негативным оценочным компонентом: *полный регресс* (регресс – ‘ухудшение в развитии чего–либо, движение вспять; упадок, деградация’ [Кузнецов 2000]; степень проявления признака усиливает прилагательное *полный); загибаются* (‘разг.–сниж., умирать’ [Кузнецов 2000: 317]), *деградируют* (‘постепенное ухудшение, утрата ценных свойств и качеств, упадок’ [Кузнецов 2000]); а также через речевые фрагменты: *бешено шлют нам проклятия* («бешено» – ‘исступленно, необузданно; неистово; чрезмерно по силе проявления’ [МАС 1999] – является имплицитным выражением непрофессионального и безрассудного поведения) и *отсутствие каких–либо элементарных планов на будущее* (содержит негативную имплицитную информацию о том, что западное общество ‘регрессирует’).

Стоит отметить, что в исследуемом контексте содержатся коммуникативно–прагматические и речевые признаки речевого акта дискредитации, такие как наличие оценочных, эмоционально–экспрессивных характеристик объекта, его свойств, избыточного нагнетания средств языковой экспрессии (амплификация) с целью сформировать определенный образ действительности и определенное отношение адресата в нужном для оратора направлении (‘регрессирующий и вымирающий Запад’, ‘неадекватное и опасное западное общество’ и т.д.).

№6 *Ну, по поводу Лиз Трасс: малообразованная, с большими комплексами, очень амбициозная, ей очень хочется бряцать оружием и доминировать. Удовлетворяет свои амбиции и комплексы, но это комплексы по Фрейду, очень злопамятная, любит подражать, особенно Маргарет Тэтчер в мелочах. Ну, а ее*

место, разумеется, не на политике, а на кухне, причем не на политической кухне. Я думаю, Соединенное Королевство ждут очень большие проблемы, если эта женщина станет министром Великобритании. Она опасна прежде всего для Соединенного Королевства. Ее неадекватность, мелочность, тщеславие, амбициозность может сыграть просто злую шутку: она может втянуть Британию в какие–то очень опасные военно-политические конфликты. Но при этом заявляет, что готова начать ядерную войну. Ну, а противник у Великобритании только один – Российская Федерация – она открыто угрожает нам ядерным оружием («60 минут» дневной выпуск от 24.08.2022).

В данном выступлении содержится негативная информация о личностных и профессиональных качествах Лиз Трасс, британского политического и государственного деятеля.

«1. В высказывании *Ну, по поводу Лиз Трасс: малообразованная, с большими комплексами, очень амбициозная, ей очень хочется бряцать оружием и доминировать* негативная информация выражена с помощью оценочных лексем, содержащих отрицательную коннотацию: лексема *малообразованная* употребляется в значении ‘не имеющий достаточного образования, достаточных знаний’ [Горбачевич, Герд. Т.9, 2004: 454], словосочетание *большим количеством комплексов* – ‘комплекс неполноценности; ощущение индивидом своих ограничений или психических недостатков’ [Ильичев, Федосеев 1983: 271], лексема *амбициозная* – ‘самолюбивый, тщеславный, честолюбивый’ [Горбачевич, Герд. Т.1, 2004: 123]. Стоит отметить, что в анализируемом контексте употребляются языковые единицы, указывающие на характер интенсивности признака: наречие степени *очень*, словесное выражение *большим количеством*, которые также позволяют передать авторское отношение к объекту описания. В данном высказывании выражена характеристика лица и через указание на негативно оцениваемые действия: словосочетание *хочется бряцать оружием* используется в значение ‘грозить войной’ [Горбачевич, Герд. Т.2, 2004: 219], глагол *доминировать* – ‘быть ведущим, основным; преобладать, господствовать, возвышаться на остальными’ [Горбачевич, Герд. Т.5, 2004: 247]. Высказывание,

грамматически оформленное как повествовательное предложение, содержит слова с эмоционально–экспрессивными компонентами значения, следовательно, данная информация выражена в форме оценочного суждения.

2. В высказывании *Удовлетворяет свои амбиции и комплексы, но это комплексы по Фрейду, очень злопамятная, любит подражать, особенно Маргарет Тэтчер в мелочах* аналогично предыдущему контексту негативная информация о лице выражена через отрицательную оценку его действий. Исходя из пропозиции высказывания, поступки Лиз Трасс обусловлены собственными интересами и потребностями, а не общественными: *удовлетворяет свои амбиции и комплексы*. Уточняющее словесное выражение *но это комплексы по Фрейду* следует рассматривать как средство, позволяющее снизить образ объекта описания, выразить авторскую позицию. На несамостоятельность и искусственность созданного политического образа указывает глагол *подражать*, употребленный в значении ‘повторять, воспроизводить с возможной точностью чьи–либо действия; быть схожим с кем–либо, копировать его’ [МАС 1999]. В качестве средства выражения оценки также используется лексема *злопамятная* («злопамятный» – ‘долго не забывающий, не прощающий причиненную обиду’ [Горбачевич, Герд. Т.6, 2004: 742]) в сочетании с наречием степени *очень*. Выделенный признак (наличие негативной оценочной информации, которая вычленяется при проведении лексико–семантического анализа) позволяет отнести данное высказывания к оценочному суждению.

3. В высказывании *Ну, а ее место, разумеется, не на политике, а на кухне, причем не на политической кухне* содержится оценочная характеристика профессиональных качеств Лиз Трасс, предстающей неквалифицированным специалистом, неспособным принимать участие в политической деятельности. Вводное слово *разумеется* употреблено в значении ‘несомненно, бесспорно’, что подчеркивает категоричность утверждения и является лингвистическим маркером мнения. На то, что британский политический деятель, по мнению говорящего, не должна влиять на политические процессы, указывает языковая игра: в данном контексте лексема *кухня* употребляется не только как часть термина «политическая

кухня», предполагающего ‘совокупность взаимодействий между субъектами политического процесса, определяющих его развитие’ [Моченов 2003: 112], но и как лексическое средство реализации гендерного стереотипа о месте женщины на кухне. Высказывание содержит эмоционально–экспрессивные средства выражения оценки (языковая игра, вводное слово «разумеется»), субъективное мнением говорящего, т.е. является оценочным суждением.

4. Контекст *Я думаю, Соединенное королевство ждут очень большие проблемы, если эта женщина станет министром Великобритании. Она опасна прежде всего для Соединенного королевства* содержит высказывания о возможных будущих событиях, отрицательных последствиях – на что указывают глаголы в форме будущего времени (*ждут*, *станет*) – которые могут произойти, если Лиз Трасс займет пост министра Великобритании: *ждут очень большие проблемы*. По мнению эксперта (маркер мнения – конструкция *я думаю*), данный политический деятель способен нанести ущерб интересам собственного государства: лексема *опасна* используется в значении ‘способный причинить большое зло, несчастье’ [МАС 1999], указательное местоимение в словосочетании *эта женщина* выполняет функцию умаления значимости. Исследуемый контекст содержит негативную информацию, выраженную в форме мнения, лингвистическими признаками которого являются конструкция, указывающая на источник мнения, а также высказывания о возможных последствиях, связанных с профессиональной деятельностью объекта описания» [Бинштейн 2022: 141-143].

5. Фрагмент *Ее неадекватность, мелочность, тщеславие, амбициозность может сыграть просто злую шутку: она может втянуть Британию в какие–то очень опасные военно–политические конфликты* содержит ряд однородных оценочных лексем, негативно характеризующих объект описания: *неадекватность* – ‘по значению прил. неадекватный – ведущий себя несоответствующим ситуации образом’ [МАС 1999]; *мелочность* – ‘по значению прил. мелочный – придающий значение пустякам, мелким, не имеющим значения фактам, обстоятельствам’ [Горбачевич, Герд. Т.10, 2004: 41]; *тщеславие* – ‘стремление к славе, почестям, почитанию’ [МАС 1999]; *амбициозность* – ‘чрезмерно, обостренно самолюбивый,

полный амбиций; вызываемый ими; наполненность самомнением’ [Кузнецов 2000]. Выражение с экспрессивной коннотацией *сыграть <…> злую шутку* усиливает указание на возможные негативные последствия деятельности Лиз Трасс, глагол *втянуть* (разг.) предполагает, что именно британский политик в будущем может вовлечь государство в военно-политический конфликт. Формы будущего времени реализуются с помощью модального глагола *может* (*может сыграть просто злую шутку, может втянут*»), выражающего предположение об осуществлении отрицательных действий в будущем. Негативная информация о возможных последствиях деятельности Лиз Трасс выражена в форме мнения, поскольку в контексте используются оценочные лексемы («неадекватность, мелочность, тщеславие, амбициозность»), слова с эмоционально–экспрессивными компонентами значения («коннотацией «сыграть <…> злую шутку», «втянуть»), а также высказывание о будущих событиях.

6. «В высказывании *Но при этом заявляет, что готова начать ядерную войну. Ну, а противник у Великобритании только один: Российская Федерация – она открыто угрожает нам ядерным оружием* говорящий отсылает к словам Лиз Трасс о готовности начать ядерную войну, но при этом указывает в своей речи на единственно возможного противника Великобритании – Российскую Федерацию. Информация о том, что ‘она [Лиз Трасс] открыто угрожает нам ядерным оружием’ преподносится в форме утверждения о фактах (отсутствуют маркеры мнения и оценки), как нечто само собой разумеющееся, не требующее критического осмысления и является подведением к ложному умозаключению (манипулятивный прием наведение ложной инференции).

Таким образом, проведенный лингвистический анализ позволяет сделать вывод о том, что в тексте содержатся негативные сведения о деятельности Лиз Трасс и о ее личных деловых качествах. Общая пресуппозиция текста проявляется в установлении причинно–следственной связи между негативными качествами и возможными последствиями политической деятельности Лиз Трасс: ‘Поскольку Лиз Трасс обладает следующими негативными качествами: *малообразованная, с большими комплексами, очень амбициозная, ей очень хочется бряцать оружием и*

доминировать, очень злопамятная, любит подражать, опасна, ей характерны *неадекватность, мелочность, тщеславие, амбициозность*, то ее действия и решения могут привести к негативным последствиям’. Так как коммуникативной целью исследуемого текста является формирование негативного образа британского политического деятеля, то можно говорить о том, что речевой стратегией выступающего является стратегия дискредитации. Эксперт активно использует экспрессивную и оценочную лексику с отрицательным коннотативным компонентом, средства убеждающего воздействия: ряды однородных членов, перечисления и повторы. В целом анализируемый текст стоит рассматривать как отражение субъективного видения говорящего, лингвистическими признаками которого стали негативные оценочные суждения, высказывания о возможных будущих событиях, конструкции, указывающие на источник мнения (*я думаю*)» [Бинштейн 2022: 143].

№7. *Мы еще раз говорим, что не хотим войны с Британией. Живите там на островах – главное не лезьте в наши дела. Но британские политики, особенно последняя генерация вот этих политических неадекватов, передают друг другу эстафетную палочку вот этого дебилизма, шовинизма и абсолютного отсутствия политического реализма* («60 минут» дневной выпуск от 24.08.2022).

В исследуемом контексте содержится негативная информация, направленная против группы лиц (*британские политики*). Словосочетание *политические неадекваты* является обобщением, имеет отрицательную оценочность: в его состав входит оценочная лексема *неадекват* (жарг.), означающая ‘человек не в здравом уме, странный, ведущий себя несоответствующим ситуации образом, имеющий психические отклонения выделяющийся неадекватным поведением’ [МАС 1999], указательное местоимение *этих*, так же выполняющее функцию снижения образа. При этом в анализируемых высказываниях отсутствует указание на конкретное лицо или группу лиц, о которых говорит эксперт. Идиоматическое выражение *передают друг другу эстафетную палочку* используется в значении ‘продолжить чьи–либо начинания, традиции; накопленный опыт с целью продолжить начатое дело’ [Мокиенко, Никитина. 2007: 308] и позволяет автору приписать британским

политикам общие негативные свойства, которые представляются как доминирующие – данное выражение выполняет задачу косвенного речевого манипулирования (прием навешивания групповых ярлыков). В рассматриваемом случае такими качествами выступают *дебилизм* (инвектива «дебил» обозначает ‘психически недоразвитого человека’; ‘бранно. О тупом, несообразительном человеке’ [Кузнецов 2000]), *шовинизм* (‘крайняя агрессивная форма национализма, проповедующего национальную исключительность, противопоставляющего интересы одной нации интересам всех других наций, разжигающего национальную вражду и ненависть’ [МАС 1999]), *отсутствие политического реализма* как важного качества, характерного для участника в сфере международных политических отношений. Крайнюю степень проявления негативного признака подчеркивает прилагательное *абсолютного* (‘высший предел; совершенно, совсем’ [Горбачевич, Герд. Т.1, 2004: 12]). Коммуникативной задачей в таком случае будет являться стремление автора выразить собственное отношение к рассматриваемой проблеме и группе лиц.

№8. *Она называет себя беспощадной. Прежде всего, ты женщина, мать, даже если ты глава кабинета министров Великобритании. Госпожа Трасс, Вы должны демонстрировать лучшие женские качества, лучшие качества британской нации, а не вести себя как хабалка на политическом стриптизе. Лиз Трасс – это деградация не только британской политики, но и уровня жизни, безопасности самой Великобритании* («60 минут» дневной выпуск от 24.08.2022).

В основе высказывания *Госпожа Трасс, Вы должны демонстрировать лучшие женские качества, лучшие качества британской нации, а не вести себя как хабалка на политическом стриптизе* лежит противопоставление того, как, по мнению эксперта, должна вести себя Лиз Трасс (*должны демонстрировать лучшие женские качества, лучшие качества британской нации*), тому, как она поступает в действительности (исходя из пропозиции высказывания: ‘*ведет себя как хабалка на политическом стриптизе’).* В исследуемом речевом фрагменте содержится лексика, имеющая эмоционально–оценочное значение: сравнение *как хабалка на политическом стриптизе* (лексема «хабалка» – простореч. вульг. бран.)

употребляется в значении ‘грубая, вздорная, нахальная женщина вульгарного поведения’ [Кузнецов 2000]). В анализируемом высказывании содержится негативная информация о деятельности лица, выраженная через разговорное слово *хабалка,* что позволяет отнести данное высказывание оценочному суждению.

В предложении *Лиз Трасс – это деградация не только британской политики, но и уровня жизни, безопасности самой Великобритании* говорящий характеризует Лиз Трасс через негативные последствия ее деятельности: оценочная лексема *деградация* употребляется в значении ‘постепенное ухудшение, утрата ценных свойств и качеств, упадок’ [Кузнецов 2000]. Автор высказывания использует градацию, чтобы подчеркнуть масштабность последствий: *деградация британской политики → уровня жизни, безопасности самой Великобритании.* Негативная информация в высказывании выражена в форме оценочного суждения и потому не подлежит верификации (не может быть проверена на соответствие действительности).

№9. *Сегодня на кадрах видно, как мучают бедного старика Байдена. Жалко его, это реально просто издевательство. Вы хотите такой лозунг сразу: «Свободу Джо Байдену!» Там новое движение в Америке, ведь реально. Ну, это больной человек. Он просто в какой-то степени не осознает, где находится. У него другое целеполагание, ему хочется отдохнуть, ему хочется свое любимое ванильное мороженое* («Время покажет», 07.06.2024)

Из пропозиции следует, что представленный видеоматериал свидетельствует о тяжелом положении Джо Байдена, американского государственного и политического деятеля, действующего президента США (с 2021 года). Маркерами мнения выступают словосочетания, содержащие оценочные лексемы *бедный старик* (слабый – ‘не обладающий достаточной физической силой’ [МАС 1999], слово *старик* по отношению к политической фигуре также воспринимается как нежелательное, поскольку указывает на возраст, а не на профессиональные качества) и *больной человек* (больной ‘болезненный, страдающий какой-либо болезнью’ [там же]), *жалко его* (*жалко* – ‘о чувстве сострадания, жалости, испытываемом по отношению к кому-, чему-л’ [там же]), *просто издевательство*

(*издевательство*, т.е. ‘злая, оскорбительная насмешка; оскорбительный поступок или поведение по отношению к кому-либо’ [там же]), формирующие образ беззащитного индивида, который находится в уничижающем положении. Используя ироничный лозунг *Свободу Джо Байдену!*, автор текста формирует нежелательное представление о референте, указывая на его предполагаемую беспомощность и на то, что выполнение государственных обязанностей для него воспринимается как издевательство. Информация о том, что у Джо Байдена *другое целеполагание* и о том, что он *не осознает, где находится* актуализирует сему ‘болезнь’, имплицирует представление о том, что референт имеет уязвимое психическое и физическое состояние. Высказывание о том, что в действительности указанному лицу хочется *отдохнуть* и съесть *свое любимое ванильное мороженое* также служит упрощением образа, указывает на неуместное поведение, неприемлемое для политических лидеров и создает впечатление, что интересы референта тривиальны и инфантильны. Выделенный признак (наличие негативной оценочной информации, которая вычленяется при проведении лексико-семантического анализа) позволяет отнести данное высказывания к оценочному суждению.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что методы лингвистической экспертизы являются эффективным инструментом, применяемым при исследовании текстов политического медиадискурса. Они обеспечивают комплексный и системный подход к исследованию политических текстов, повышая объективность и глубину анализа. Установление формы (утверждение о факте, событии или оценочное суждение, мнение) и речевых средств выражения негативной информации способствует более точному пониманию намерений автора и его коммуникативных целей. Это позволяет выявить, каким образом формируется общественное мнение и какие стратегии воздействия используются в медиадискурсе. В свою очередь исследование политического дискурса оказывается полезным для области лингвистических экспертиз, поскольку в нем содержатся яркие примеры конфликтогенных высказываний, совершения конфликтных

речевых действий (издевки, насмешки, оскорбления и др.), применения приемов манипулятивного воздействия, реализации тактики дискредитации и т.д.

Выводы

На основе проанализированного материала можно выявить основные функции языковых средств в политическом дискурсе – нападение, оправдание и развлечение, которые часто дополняют, усиливают друг друга и воздействуют не только на конкретного человека, но и на аудиторию в целом. Одной из ключевых стратегий, применяемых в исследуемых российских ток–шоу, является стратегия на понижение, для которой свойственны тактики обвинения, дискредитации, безличного обвинения, анализ–«минус» и т.д. Для речевого поведения участников дискуссионной политической телепередачи характерна негативная оценка как отдельных политических деятелей, так и политической ситуации [Бинштейн, Самыличева 2023]. Акторы обычно стремятся в своей речи создать сниженный образ объекта описания и убедить аудиторию в правильности такой оценки, для чего обращаются к различным эксплицитным и имплицитным речевым средствам, таким как лексика с отрицательной коннотацией; номинации, содержащие описание негативно оцениваемой деятельности; пейоративы; сравнения, аналогии, метафоры, обладающие негативным персуазивным потенциалом; гипербола и гротеск; вводные слова; сопоставительные конструкции; эмоционально-экспрессивные частицы; усилительные наречия; «словесные ярлыки»; синтаксический параллелизм; перифрастические обороты и т.д.

Подобную коммуникативную направленность можно объяснить стремлением ораторов «защитить» статус собственного государства, на контрасте сформировать в сознании аудитории положительный образ сильной и независимой страны. Кроме того, такая риторика может служить для формирования единой национальной идеологии, которая объединяет различные социальные группы вокруг общих ценностей и целей. Использование в выступлениях языковых средств эмоционального воздействия, обращение к историческим символам и культурным

достижениям также позволяют моделировать устойчивый и привлекательный образ своего государства.

Не стоит забывать, что «российские политические ток-шоу играют значимую роль в развитии общественного патриотического воспитания, поскольку являются важным инструментом формирования определенных настроений у граждан» [Бинштейн, Бурова, Поспелова 2024: 47]. Стратегия на повышение в политических ток-шоу оказывается не менее значимой, чем на понижение, поскольку она позволяет политикам и общественным деятелям усилить поддерживаемую позицию или создать положительный имидж. Путем активного использования медийной площадки эксперты могут представлять собственные убеждения и мнения, выдвигать предложения, обсуждать инициативы с широкой аудиторией и давать комментарии на актуальные вопросы. Ведущие и эксперты российских ток-шоу в своих выступлениях апеллируют к чувствам и ценностям аудитории, сосредоточиваются на определенных чертах и ярко высвечивают один или несколько признаков наиболее значимые для формирования положительного образа. Например, российское государство описывается как сильное, независимое, миролюбивое, честное, справедливое, обладающее традиционными нравственными ценностями, имеющее развитую экономику и богатые природные ресурсы и т.д.

Стратегия на повышение связана с реализацией целого ряда тактик (анализ–«плюс», отвода критики и оправдания, презентации, солидаризации, похвалы и т.д.) и с успешным применением языковых средств и коммуникативных приемов (лексика с положительной коннотацией; повтор; лексемы с семантикой согласия, одобрения; апелляции к чувствам и эмоциям аудитории; использование «ответной критики»; актуализация «Я»-темы (использование местоимений первого лица); нейтрализация негативного представления о себе; лексика с семантикой уважения и внимания к человеку или предмету; языковые единицы с семантикой совместности, одобрения, восхваления и т.д.)

Наконец, стратегия театральности в политическом дискурсе способствует успешному коммуникативному воздействию. В ситуации медийного

политического общения ключевым условием достижения коммуникативной интенции является контроль над ситуацией и умение завладеть вниманием аудитории. Это достигается через использование неожиданных образов, эмоционально насыщенных высказываний и коммуникативных приемов, которые делают политическую речь более яркой и запоминающейся (энантиосемия, ирония, каламбур, гротеск, аллюзия, метафора, сравнение, гипербола, риторические вопросы; стилистическая неоднородность и стилистический контраст; алогизмы; окказионализмы; провокационные вопросы). В качестве тактик следует выделить тактику иронизирования и сарказма, провокации, проведения аналогии, метафоризации речи. Их активное использование позволяет формировать не только информационное, но и эмоциональное восприятие политических событий, что способствует укреплению связи между оратором и аудиторией.

Из проанализированных публичных выступлений экспертов и ведущих российских политических ток-шоу методом статистического подсчета можно вывести процентное соотношение, указывающее на частоту реализации выявленных коммуникативных стратегий и тактик:

Таблица 1. Статистический подсчет реализации коммуникативных тактик в речи ведущих и экспертов российских политических ток-шоу «60 минут», «место встречи», «Время покажет»

№	тактики	количество контекстов	процентное соотношение
	стратегия на понижение		
1	тактика дискредитации	33	11.46%
2	тактика анализ–«минус»	31	10.76%
3	тактика обвинения	18	6.25%
4	тактика «безличное обвинение»	17	5.9%
5	тактика негативного прогнозирования	12	4.17%
6	тактика «свои–чужие»	11	3.82%
7	тактика «оскорбление»	5	1.74%
	стратегия на повышение		
1	тактика презентации	23	7.99%
2	тактика отвода критики и оправдания	20	6.94%

3	тактика солидаризации	14	4.86%
4	тактика анализ–«плюс»	13	4.51%
5	тактика самопрезентации	9	3.13%
6	тактика похвалы	5	1.74%
	стратегия театральности		
1	тактика иронизирования и сарказма	30	10.42%
2	метафоризация речи	28	9.72%
3	тактика проведения аналогии	11	3.82%
4	тактика провокации	8	2.78%

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что доминирующими в российских политических ток-шоу являются тактики анализ–«минус» (10.76%), дискредитации (11.46%), презентации (7.99%), иронизирования и сарказма (10.42%), а также тактика метафоризации речи (9.72%). Высокий процент использования тактик «анализ–минус» и дискредитации указывает на распространенную практику представления информации в негативном ключе, сфокусированной на критике оппонентов и уменьшении значимости позитивных аспектов их деятельности, что способствует формированию негативного восприятия референта и укреплению позиций «своих». Поскольку в основе риторики большинства современных политических экспертов лежит стремление к упрощенному представлению анализируемых вопросов, то метафоризация речи, иронизирование и сарказм также оказываются продуктивными средствами конструирования действительности.

Рассмотрение коммуникативного поведения и особенностей выступлений участников и ведущих исследуемых политических ток–шоу позволяет «установить особенности реализации отдельных коммуникативных стратегий и тактик в условиях столкновения полярных мнений. Стратегии и тактики определяют выбор говорящим семантических и стилистических средств выражения, а также контролируют его прагматические установки. Использование конкретных языковых единиц в речи политического дискурса обусловлено их направленностью на достижение конкретных целей: развлечение аудитории, привлечение внимания,

создание положительного образа, стремление ослабить позиции отдельного политика или выразить негативное отношение к предмету дискуссии и т.д.» [Бинштейн, Самыличева 2023: 12]

Исследовать языковые средства, которые применяются в речи политических экспертов для достижения определенных коммуникативных целей, в частности, позволяют методы лингвистической экспертизы, отрасли прикладного языкознания, анализирующей язык и речь на более глубоком уровне, чем прочтение и оценка текста. Так, некоторыми учеными отмечается, что написание судебных и досудебных экспертиз «помогает очертить круг проблем, недостаточно освещенных в теории современного русского языка, и наметить пути их решения» [Власова 2016: 124]. Использование методов лингвистической экспертизы позволяет более глубоко понять особенности политического дискурса и выявить тенденции в его развитии провести многогранный и объективный анализ текстов, что может быть особенно полезным при проведении аналитических исследований в области политической лингвистики. Перенос методов лингвистической экспертизы из юридической сферы в сферу политической коммуникации позволяет делать выводы об использовании языковых средств, оказывающих речевое воздействие на аудиторию, а также оценивать эффективность таких приемов.

Основными преимуществами применения методов лингвистической экспертизы при анализе текстов политического медиадискурса являются:

1. Объективность и тщательность исследования: экспертная оценка проводится на основе строго установленных критериев и методов, что обеспечивает достоверность результатов. Лингвистическая экспертиза базируется на системном подходе к языковому материалу, в частности, одним из требований к ее методам является воспроизводимость, т.е. результаты анализа при повторном исследовании спорного текста должны оставаться неизменны;

2. Выявление и анализ денотативного компонента текста (темы), соответствующего пропозитивному компоненту содержания, оценочного (отношения), связанного с выражением отношения говорящего к объекту высказывания, иллокутивного (целью), представляющего интенцию говорящего,

целевую часть прагматического компонента содержания – такого рода описание создает объективную и устойчивую основу для анализа значения компонентов, выводов и их проверки;

3. В отличие от собственно лингвистических, структуру лингвоэкспертного метода составляют три части – *обосновывающая* (лингвистическая семантика, в качестве ожидаемого результата выступает установление наличия/отсутствия смысловых компонентов, важных для решения вопроса), *операционная* (экспликации смысловых компонентов, важных для решения вопроса) и *техническая* (простые и электронные базы данных и знаний, в качестве которых выступают словари, грамматики, корпуса текстов, справочники и др.) [Кукушкина 2016: 124];

4. Выявление имплицитной, т.е. словесно не выраженной информации в тексте: методика экспертного исследования позволяет выявить скрытые от адресата значения слов и выражений, направленные на формирование определенных убеждений и целей – возможность исследовать политический дискурс на качественно ином уровне, чем риторический и другие лингвистические методы. Подобный анализ можно представить, по всей видимости, как метод исследования скрытых смыслов в политике [Демкина 2021: 100];

5. Установление форм выражения информации (утверждения о фактах, мнения, оценочного суждения, предположения): информационная составляющая текстов СМИ постепенно отходит на второй план, уступая место речевому воздействию, однако существуют определенные сложности с предоставлением доказательств наличия данной тенденции [Никонова 2019: 87], выявление средств реализации субъективной и объективной модальности в текстах политического дискурса может стать вариантом решения обозначенной проблемы;

6. Определение эмоциональной окраски: лингвистическая экспертиза позволяет провести анализ языковых средств, используемых для создания определенных эмоций и настроений у аудитории, например, при создании сниженного образа оппонента, выявляет языковые маркеры эмоционального воздействия (экспрессивные частицы, модальные слова, риторические фигуры,

пейоративы и т.д.), демонстрирует воздействующий потенциал, которым обладают языковые средства разных уровней;

7. Установление характера коммуникативных стратегий и тактик: необходимость декомпозиции текста, проводимой в лингвистической экспертизе обусловлена тем, что понимание исследователя «устроено симультанно и субъективно, то есть составные части сообщения воспринимаются одновременно, в их единстве и целостности, и на их восприятие неизбежно накладывается жизненный опыт воспринимающего» [Кукушкина 2016: 119–120], в этих условиях значимым представляется процедура извлечения из единого целого компонентов, отвечающих определенным параметрам (например, наличие концептуальной переменной, соотносимой с конкретным денотатом или референтом) и установления их значения и средств выражения;

8. Определение дискурсивных характеристик: лингвистическая экспертиза предполагает анализ коммуникативной ситуации и исследование жанровой специфики спорного текста – но не как «экстралингвистический» или описывающий свойства особого компонента, а в силу того, что «именно из ситуации адресат извлекает огромную часть информации о значении главных компонентов смысла – денотативного, оценочного и целевого» [Кукушкина 2016: 125]. Интерпретация текстовых фрагментов опирается на языковые средства, однако учитывает как языковые, так и фоновые знания коммуникантов. Такой подход к описанию семантики текстов позволяет объективировать механизмы выявления интенций говорящего, а также используемых для их реализации манипулятивных тактик.

Поскольку политическая коммуникация содержит яркие примеры использования языковых средств влияния на массовое сознание, реализации стратегии на понижение (тактик дискредитации, обвинения, «анализ»–«минус» и др.), то результаты анализа политического дискурса в свою очередь также оказываются полезны для области лингвистических экспертиз. Изучение таких примеров позволяет лингвистам лучше понимать психологию языкового воздействия и разрабатывать методы анализа языковых текстов с целью выявления

коммуникативных приемов речевого воздействия. Кроме того, анализ политического дискурса помогает лингвистам изучать изменения в использовании языка и адаптироваться к современным языковым тенденциям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данного диссертационного исследования заключалась в выявлении, анализе и подробном описании коммуникативных стратегий речевых тактик в российском политическом дискурсе и исследовании коммуникативных приемов и языковых средств их реализации. Поскольку язык способен оказывать большое влияние на то, как человек воспринимает реальность и реагирует на нее, то необычайно важно исследовать телевизионную политическую речь, основной целью которой является осуществление воздействия на аудиторию, то есть формирование определенных представлений у массового зрителя. Отличительной чертой современного политического дискурса является столкновение полярных интересов, поэтому не вызывает сомнений, что одной из главных проблем лингвистического исследования политической коммуникации становится изучение языковых средств, коммуникативных приемов, тактик и стратегий, позволяющих воздействовать на адресата, его модель мира и систему ценностей.

Под коммуникативной стратегией подразумевается совокупность мер по реализации речевых намерений говорящего; «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [Чернявская 2012: 44]; «план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для «обработки» партнера» [Иссерс 2008: 103]. Стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего. «Коммуникативная тактика» в таком случае понимается как определенный набор приемов использования тех или иных языковых средств.

Среди исследований, посвященных изучению коммуникативных стратегий и тактик в русском политическом дискурсе, выделяются работы таких лингвистов, как О.И. Иссерс 2003; О.Л. Михалева 2002; О.Н. Паршина 2007; В.Е. Чернявская 2012 и др. В данной работе за основу систематизации стратегий и тактик, реализуемых в политических ток–шоу «60 минут», «Место встречи», «Время покажет» взяты классификации О.И. Иссерс, а также О.Л. Михалевой. В работах ученых наиболее подробно и всесторонне рассматриваются ключевые стратегии, используемые политиками в своих выступлениях. На наш взгляд, наиболее

эффективными в политическом дискурсе являются стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности. Особое место в политической коммуникации отводится тактикам дискредитации, обвинения и иронизирования.

Для современного политического дискурса свойственна популярность жанра политического ток–шоу как средства коммуникации политических и социальных идей. Данный телевизионный формат не только помогает людям понимать и анализировать политические процессы, но и затрагивает актуальные темы, вызывая дискуссионное обсуждение между экспертами и способствуя формированию общественного мнения. Политические ток–шоу представляют собой площадки, на которых ведущие и эксперты обсуждают текущие события и политические проблемы. Зачастую внимание участников данного телевизионного формата сосредоточено на сенсационных заголовках, а не на глубоком анализе произошедших событий.

Анализ политических медиатекстов продемонстрировал, что современный политический дискурс, представленный в телевизионных ток–шоу, может быть сильно поляризованным и сенсационным, его участники часто вступают в дебаты, когда каждая сторона пытается выразить собственную позицию как единственно верную точку зрения по данному вопросу. Важно понимать, что политические телепередачи создают особую коммуникативную модель, когда в процессе дискуссии основным адресатом–наблюдателем являются зрители. В таких условиях, чтобы привлечь внимание аудитории, эксперты делают свою речь особенно зрелищной, а одной из основных стратегий оказывается стратегия театральности.

Выбор лексических единиц в речи политических передач определяется их прагматической направленностью на реализацию целей убеждения. Синтаксическими особенностями такой коммуникации являются повторы, синтаксический параллелизм, риторические вопросы и восклицания. Приемами завуалированного представления действительности чаще всего являются метафоры, сравнения, аллюзии, эвфемизмы и другие стилистические средства косвенной оценки.

В настоящее время отечественные политические ток–шоу исследуют общественно–значимые проблемы, обсуждают и анализируют нововведения, дают свои прогнозы. В сложившейся ситуации можно говорить о политизации российского телевидения, что ведет к формированию определенного общественного мнения, к растущему интересу к политике, а также к политической вовлеченности. Поскольку политические ток-шоу имеют большое влияние на моделирование общественного мнения, они могут служить эффективным инструментом для популяризации патриотических идей. Такие телепередачи способствуют информированию общественности о политической ситуации в стране и мире, поддержанию демократических ценностей и укреплению гражданского общества, помогают зрителям лучше понять сложные политические процессы и принять обоснованные решения при определении собственной позиции.

В российских политических ток-шоу как ведущие, так и приглашенные эксперты выступают с ярко выраженной патриотической точкой зрения. Это означает, что они склоняются к поддержке своей страны или нации в различных обсуждениях и анализе политических событий или проблем. Подобное акцентирование на патриотизме, силе своего государства может влиять на то, какие вопросы будут подняты в эфире, как будет интерпретироваться информация и какие аргументы будут поддерживаться или опровергаться. Важно учитывать, что подобный подход может отражать не только личные взгляды экспертов, но и является частью общей риторики ток-шоу. В отличие от речевого поведения ведущих, занимающих наиболее сильную позицию в коммуникативном акте, экспертам приходится по–настоящему бороться за право быть услышанным аудиторией. Следствием становится проявление некоторых речевых закономерностей в реализации стратегий и тактик, свойственных гостям и экспертам ток–шоу: метафоричность и образность речи, превалирование стратегии театральности над другими, использование прямых обличительных тактик. Поскольку в обязанности ведущих входит контролирование развития диалога, то для их коммуникативного поведения допустимы конфликтные действия: они могут

как прервать говорящего, так и дать ему больше времени для раскрытия мысли, им позволительно повышать тон, удалять эксперта, например, за высказывания, нарушающие нормы этики и морали.

В речи ведущих можно наблюдать тенденцию к использованию иронии, которая превалирует в сравнении с частотностью использования данного приема в речи экспертов. Этот факт обусловлен дозволенностью ведущих комментировать выступления участников, из–за чего высказывания оппозиции часто приобретают противоположный для говорящего эффект: снижается аргументированность или высмеивается образ оппонента. В политическом ток–шоу ведущие нередко прибегают к иронии для снятия напряженности, а также для выражения своего мнения.

Как было отмечено, в политическом дискурсе выделяются различные коммуникативные стратегии, направленные на достижение определенных целей влияния на аудиторию. Одна из них – стратегия на понижение, цель которой является дискредитация референта или общая негативная оценка анализируемой ситуации. Данная стратегия опирается на целенаправленное использование тактик обвинения, дискредитации, безличного обвинения, а также тактики негативного прогнозирования. Реализация стратегии на понижение требует использования разнообразных речевых средств, направленных на создание негативного образа – к ним относятся, прежде всего, лексика с ярко выраженной отрицательной коннотацией; важную роль играют номинации, содержащие описания негативно оцениваемой деятельности (например, вместо нейтрального «проведение реформ» может использоваться такое выражение, как «разрушительная политика»); широко используются пейоративы – слова, имеющие уничижительный характер, сравнения, аналогии и метафоры также часто наделены негативным персуазивным потенциалом; для усиления воздействующего эффекта в рамках стратегии на понижение применяются гипербола и гротеск, позволяющие выделить отрицательные стороны описываемых событий или явлений; вводные слова, сопоставительные конструкции, эмоционально-экспрессивные частицы и

усилительные наречия нередко служат для подчеркивания негативной оценки и усиления эмоционального воздействия на аудиторию.

Напротив, стратегия на повышение ориентирована на создание положительного образа референта, для ее реализации используются тактики анализа с акцентом на положительные стороны («анализ-плюс»), отвода критики, оправдания, презентации своих достижений, солидаризации, похвалы. В качестве языковых средств и коммуникативных приемов актуализации позитивных смыслов можно выделить использование лексики с положительной коннотацией, повтора, обеспечивающего повышение значимости ключевых слов и концепций, лексем с семантикой согласия и одобрения, риторических апелляций к чувствам и ценностям слушателей, а также употребление «ответной критики», которая позволяет нейтрализовать негативные замечания оппонента, актуализации «Я»-темы, лексики, выражающей уважение и внимание к аудитории, языковых единиц с семантикой совместности, одобрения и восхваления.

Наконец, стратегия театральности в политическом дискурсе – это особый конструирующий принцип, направленный на усиление эмоционального воздействия и запоминаемости речи. Для экспликации данной стратегии используются неожиданные образы, метафоры и сравнения, иронические высказывания, каламбуры, гротеск, аллюзии и другие стилистические фигуры, включая антифразис; стилистическая неоднородность, провокационные вопросы и контраст способствуют привлечению внимания и усиливают впечатление от выступления; риторические вопросы, которые выступают как средство эмоциональной экспрессивизации и диалогизации, также являются частью данной стратегии.

В исследуемых программах («60 минут», «Время покажет», «Место встречи») наблюдается ряд стратегий и тактик, которые обусловливаются жанром политического ток–шоу (обозреванием актуальных социально–политических проблем в форме дискуссии): преобладающими являются стратегии театральности, установки на понижение и на повышение. Проведенное исследование продемонстрировало, что доминирующими в российских политических ток-шоу

являются тактики анализ–«минус» (10.76%), дискредитации (11.46%), презентации (7.99%), иронизирования и сарказма (10.42%), а также тактика метафоризации речи (9.72%). Высокий процент использования тактик «анализ–минус» и дискредитации указывает на распространенную практику представления информации в негативном ключе, сфокусированной на критике оппонентов и уменьшении значимости позитивных аспектов их деятельности, что способствует формированию негативного восприятия референта и укреплению позиций «своих». Поскольку в основе риторики большинства современных политических экспертов лежит стремление к упрощенному представлению анализируемых вопросов, то метафоризация речи, иронизирование и сарказм так же оказываются продуктивными средствами конструирования действительности.

Вследствие того, что политическая коммуникация содержит примеры использования языковых средств манипулирования, реализации стратегии на понижение (тактик дискредитации, обвинения, «анализ»–«минус» и др.), результаты анализа политического дискурса оказываются полезны для области лингвистической экспертизы, прикладной отрасли языкознания, объектом которой является конфликтогенный текст. Изучение подобных примеров позволяет лингвистам лучше понимать психологию языкового воздействия, разрабатывать методы анализа языковых текстов с целью выявления приемов. Методы лингвистической экспертизы, применяемые при анализе различных компонентов текста (денотативного, оценочного, иллокутивного, экстралингвистического) и при выявлении лингвистических признаков разных уровней (текстового, синтаксического, лексического, морфологического, фонетического), в свою очередь оказываются эффективным инструментом для понимания содержания и целей коммуникативных стратегий и тактик в текстах политического дискурса.

Таким образом, перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы за счет включения смежных типов дискурса (рекламного, развлекательного, масс-медийного), что позволит проследить особенности применения коммуникативных стратегий и тактик в неполитических сферах. Более того, актуальным направлением представляется сопоставительный

аспект: проведение сравнительного анализа российских медиапродуктов с их англоязычными аналогами. Это даст основу для выделения как универсальных характеристик современного глобального политического дискурса, так и этноспецифических доминант, отражающих уникальные для каждого лингвокультурного сообщества способы интерпретации реальности и механизмы формирования общественного мнения. Наконец, логичным развитием темы видится включение в объект исследования новых медийных форматов, таких как стриминговые эфиры, авторские Telegram-каналы, аналитические новостные обзоры, что обеспечит многоаспектный анализ функционирования политического дискурса и позволит выявить закономерности адаптации манипулятивных техник к специфике различных медиаплатформ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Дискуссионное общественно-политическое ток–шоу «60 минут» с Ольгой Скабеевой и Евгением Поповым: дневной выпуск от 01.02.2019; вечерний выпуск от 12.02.2019; вечерний выпуск от 25.02.2019; дневной выпуск от 19.09.2019; вечерний выпуск от 19.09.2019; вечерний выпуск от 29.07.2020; вечерний выпуск от 03.08.2020; дневной выпуск от 11.09.2020; дневной выпуск от 25.09.2020; дневной выпуск от 15.12.2020; дневной выпуск от 21.12.2021; вечерний выпуск от 24.12.2021; вечерний выпуск от 11.01.2022; вечерний выпуск от 27.06.2022; вечерний выпуск от 20.07.2022; дневной выпуск от 24.08.2022. Режим доступа: http://60-minut.net/.

Дискуссионное общественно-политическое ток–шоу «Время покажет» с Артемом Шейниным, Анатолием Кузичевым, Олесей Лосевой, Русланом Осташко: выпуски от 15.09.2021, 05.05.2023, 16.11.2023, 19.12.2023, 29.02.2024, 07.06.2024, 13.06.2024, 19.02.2024, 18.03.2024, 05.08.2024, Режим доступа: https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vypuski?ysclid=lxycx4fg27388581727

Дискуссионное общественно-политическое ток–шоу «Место встречи» с Андреем Норкиным и Иваном Трушкиным: выпуски от 06.05.2024, 17.05.2024, 10.06.2024, 27.06. 2024, 14.08.2024. Режим доступа: https://www.ntv.ru/peredacha/Mesto_vstrechi/?ysclid=m052eldnx365428827

Справочные издания

1. *СЛТ – Словарь лингвистических терминов* / Ахманова О.С. – М.: «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
2. *Большой академический словарь русского языка в 27 т.* / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. – М.; СПб.: Наука, 2004–2022.
3. *Большой словарь русских поговорок* / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М: Олма Медиа Групп, 2007. – 785 с.
4. *Большой толковый словарь русского языка.* / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
5. *Большой полутолковый словарь одесского языка.* / *Смирнов В.П.* – М.: Полиграф, 2003.
6. *Елистратов В.С.* Словарь русского арго. – М.: Русские словари, 2002 – 694 с.
7. КРР 2003 – Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
8. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный в 2 т. – М.: Русский язык, 2000.

9. *ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
10. *МАС – Словарь русского языка: в 4 т.* / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp
11. *Мокиенко В. М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. – М: Олма Медиа Групп, 2007. – 783 с.
12. *Моченов А.В.* Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А.В. Моченов, С.С. Никулин, А.Г. Ниясов, М.Д. Савваитова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 256 с.
13. *Русская грамматика* / Академия наук СССР Институт русского языка. – М.: Наука, 1980 URL: http://rusgram.narod.ru/index1.html
14. *Русский семантический словарь*. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник», 1998. – 674 с.
15. *Словарь русского языка*: В 4–х т. / РАН, Ин–т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4–е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 750 с.
16. *Современный толковый словарь русского языка в 3 т.* / Т.Ф. Ефремова. – М.: Астрель: АСТ, 2006 – 1165 с.
17. *Толковый словарь русского языка:* Ок. 7000 словар. ст. свыше 35 000 значений: Более 70 000 иллюстрат. примеров // Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582 с.
18. *IAB Russia Influencer Marketing Glossary*, 2021. – 19 с. URL: https://interactivead.ru/wp-content/uploads/2022/05/iab21_glossary_influence.pdf

Научная и учебно–методическая литература

1. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2009. – 480 с.
2. *Акай О.М., Куликова Э.Г.* Пейоративность как функция элиминированных лакун // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. Автономная некоммерческая организация высшего образования Российский новый университет. – Москва – 2021. – №3 – С. 154–162.
3. *Акопова Д.Р.* Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород. – 2013. – №6 (1). – С. 403-409.
4. *Алтунян А.Г.* Анализ политических текстов: Учебное пособие. – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.

5. *Аникин Е.Е.* Стратегия сопоставления в российской и американской рекламе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 // Аникин Евгений Евгеньевич. – ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет». Тюмень, 2008. – 23 с.
6. *Экстремистский текст и деструктивная личность*: моногр. / Антонова Ю.А., Веснина Л.Е., Ворошилова М.Б., Злоказов К.В., Тагильцева Ю.Р., Карапеятн А.А.; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 272 с.
7. *Апресян В.Ю.* Имплицитная агрессия в языке / В.Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2003». Российский НИИ искусственного интеллекта. – Москва, 2023. – С. 32–35.
8. *Архипова Д.И.* Особенности реализации стратегий косвенной вежливости в рамках коммуникативных стратегий политического медиадискурса (на материале выступления М. Зедера в ток-шоу «Маркус Ланц») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т.17. – №2. – С. 579–580.
9. *Балашова Л. В.* Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. – 2014. – №1 (47). – С. 40–50.
10. *Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – 42 с.
11. *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т.12. – № 2. – С. 53–65.
12. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2020. – 592 с.
13. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
14. *Басовская Е.Н.* Дискурсивная глубина как типологический признак медиатекста // Дискурс-Пи. Екатеринбург: Дискурс-Пи. – 2020. – №1 (38). – С. 21–33.
15. *Бергельсон М.Б.* Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19. – Москва, 2005. – 404 с.
16. *Биншейн М.М.* Метафора и ее функции в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Литература и проблема интеграции искусств. сборник статей. Нижний Новгород. – 2020. – С. 30-36.
17. *Биншейн М.М., Самыличева Н.А.* Игровая метафора в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород. – 2021. – С. 275-282.
18. *Биншейн М.М.* Стратегия манипулирования в политическом дискурсе (на материале ТВ-шоу «60 минут») // В сборнике: Русский язык глазами молодого

исследователя. Сборник статей по материалам городской студенческой межвузовской конференции. Нижний Новгород. – 2022. – С. 10-12.

19. *Биншейн М.М.* Особенности применения методики лингвистической экспертизы в политическом медиадискурсе // Студент года 2022, сборник статей II Международного учебно-исследовательского конкурса. Петрозаводск. – 2022. – Т.2. – С. 137-145.
20. *Биншейн М.М., Самыличева Н.А.* Специфика речевого поведения в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Язык - речь - текст в интернет-коммуникации. Нижний Новгород, 2023. – С. 4-12.
21. *Биншейн М. М.* Языковые средства и коммуникативные приемы реализации аттрактивности в текстах политического медиадискурса (на материале ток-шоу «60 минут») // Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – С. 28-36.
22. *Биншейн М.М., Самыличева Н.А.* Лингводискурсивные особенности использования местоимений в политическом дискурсе (на материале политического ток-шоу «60 минут») // Русский язык в школе. 2024. – Т. 85. – № 5. – С. 79–90.
23. *Биншейн М.М., Самыличева Н.А.* Языковые средства и приемы реализации аттрактивности в текстах политического медиадискурса (на материале ток-шоу «60 минут») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – Т5. – С. 203-209.
24. *Биншейн М.М., Бурова И.В., Поспелова Ю.Ю.* Роль российских политических ток-шоу в патриотическом воспитании студентов вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2024. – С. 45-48.
25. *Биншейн М.М., Самыличева Н.А.* Редукционизм как коммуникативный прием убеждения в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2025. – Т.24. – №1. – С. 15-24. DOI https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.2
26. *Борисенко В.А., Мкртчян Т.Ю.* Окказионализм как манипулятивная речевая единица в политическом дискурсе // Южный федеральный университет г. Ростов–на–Дону. – 2020. – №6. – С. 85–95.
27. *Борисова И.Н.* Дискурсивные стратегии в дискурсивном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры, Екатеринбург: АРГО –1996. – С. 21–49.
28. *Борисова С.А., Карнаухова М.В.* К вопросу о семантическом пространстве политического дискурса. – М.: Диалог МГУ – 2000. – С. 30–35.
29. *Борботько В.Г.* Элементы теории дискурса: Учеб. пособие / В.Г. Борботько. – Грозный: ЧИГУ, 1981. – 113 с.
30. *Бочаров Е.В.* Стратегия саморепрезентации и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков Латинской Америки

в ООН) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – Т. 22. – № 1. – С. 120–131.

31. *Бринев К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
32. *Бринев К.И.* Судебная лингвистическая экспертиза как отрасль современной прикладной лингвистики // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 93–99.
33. *Булгакова Н.Е.* Словесные ярлыки как средство языкового насилия (на материале российского политического дискурса XX - начала XXI века): дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Булгакова Надежда Евгеньевна; ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф, Катанова» – Абакан, 2013. – 253 с.
34. Бурмакова Е.А. Речеповеденческая стратегия дискредитации администрации Д. Байдена в политическом ток-шоу: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / Бурмакова Елена Анатольевна; ФГБОУ ВО НГЛУ. – Нижний Новгород, 2025. – С. 23
35. Бусарева С.Г., Жданова Е.А., Иссерс О.С., Помазов А.И., Радбиль Т.Б., Радбиль Н.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Сандакова М.В., Широкова Е.Н. Активные процессы в русском языке Интернета: поликодовость, интерактивность, гипертекстуальность: Коллективная монография. под ред. Т.Б. Радбиля. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. – 346 с.
36. *Вартанов А.С.* Актуальные проблемы телевизионного творчества на телевизионных подмостках: учебное пособие. – Москва, Высшая школа – 2003. – 218 с.
37. *Васильев А.Д.* Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевещании. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2000. – 166 с.
38. *Васильев М.В.* Речевая стратегия «объективная похвала» и её тактики в английских политических дискурсах малой формы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – №6. – С. 81– 90.
39. *Власова О.Б.* Признаки призыва в контексте лингвистической экспертизы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 9 (51). – С. 123–125.
40. *Водак Рут*. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; Пер. с англ. и нем. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной; Волгогр. гос. пед. ун-т, Науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность». – Волгоград: Перемена, 1997. – 138с.
41. *Возженников А.В., Кузнецов А.Н.* СМИ как субъект формирования патриотизма и гражданственности: исторический опыт и перспективы // Коммуникология. – 2022. – Т.10. – №.1. – С. 107–118.
42. *Галанова Е.М.* Диалогические единства с наводящими вопросами: функционально-прагматический и структурно-семантический аспекты: дисс. …

канд. филол. наук: 10.02.01 / Галанова Екатерина Михайловна; ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» – Новосибирск, 2012. –166 с.

43. *Галяшина Е.И.* Основы судебного речеведения: монография / Е.И. Галяшина – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.
44. *Галяшина Е.И.* Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. – Москва, Проспект, 2021. – 424 с.
45. *Гасанов Б.В*. Экспликация и стереотипизация образа семьи в медийном дискурсе политиков: дисс. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / Гасанов Богдан Вадимович; ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» – Ставрополь, 2022. – 216 с.
46. *Глушко В.В., Убушаева И.В.* Средства реализации стратегии диффамации в политическом дискурсе // Вестник Калмыцкого университета. – 2023. – № 2(58). – С. 50–57.
47. *Голев Н.Д.* Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика–1: Проблемы и перспективы. Барнаул. – 1999. – С. 11–58.
48. *Голованова Е.И.* Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособ. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 135 с.
49. *Голубева Т.М.* Персуазивность гиперболы в политическом дискурсе (на материале высказываний британских политиков). // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – №18 (3). – С. 195–205.
50. *Горбачева Е.Н.* Дискурсивная реализация коммуникативных концептов: учеб. пособие / Е.Н. Горбачева. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 192 с.
51. *Горина И.И., Никульникова Я.С.* Оценочная номинация как маркер положительной характеристики субъекта в тексте // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 5 (96). – С. 407–409.
52. *Горностаева А.А.* Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестник РУДН, серия Лингвистика, – 2016. – Т. 20. –№ 1. – С. 57–76.
53. *Грабельников А.А., Гегелова Н.С.* Политические ток–шоу на российских телеканалах // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2018. – С. 234–245.
54. *Грачев М.Н.* К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2003. – С. 34–42.
55. *Грачева Ж.В., Калинкин С.В., Лазоренко А. Ю.* Лингвистическая экспертиза в трудах Воронежской ассоциации экспертов-лингвистов: монография / под ред. М.Е. Новичихиной, А.В. Рудаковой. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. – 357 с.

56. *Громова Н.С.* Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2 (74). – С. 150–155.
57. *Грибовод Е.Г.* Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс: автореф. дисс. … канд. педаг. наук: 23.00.02 / Грибовод Екатерина Григорьевна; ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» – Екатеринбург, 2017. – 189 с.
58. *Дементьев В. В.* «Истерика как оценочная характеристика в политической коммуникации» // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 60–72
59. *Дементьев В.В.* «Мы должны понимать…»: ментальные императивы в речи участников «патриотических» политических ток-шоу // Политическая лингвистика. – 2023. – №5. – С. 12–20.
60. *Демкина Я. Ю.* Сравнительный анализ методик исследования политического дискурса // ДИСКУРС. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 89–102.
61. *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: Изд–во ИНИОН РАН. – 2002. – № 3. – С. 32–43.
62. *Детинко* Ю.И. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография / Ю. И. Детинко, Л. В. Куликова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – 168 с.
63. *Диманте И. В.* Речевое воздействие в процессе коммуникации // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – №2. – С.72–77.
64. *Добросклонская Т.Г.* Методы анализа видео-вербальных текстов // Медиалингвистика. – 2016. – №2 (12). – С. 13–25.
65. *Долгова Л.В.* Возникновение жанра ток–шоу на российском телевидении // История и археология: материалы IV Междунар. науч. конф. – СПб. – 2017. – С. 30-31.
66. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
67. *Ермакова Л.В.* Дискурсивный анализ: учебное пособие. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. – 80 с.
68. *Ерохов В.В.* Приемы речевого воздействия в политическом дискурсе // Материалы Междунар. науч. конф; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. Ун–т». – Екатеринбург, 2016. – С. 39–41.
69. *Ефремов В.А.* Речевой этикет: обращения в современной речи // Русская речь. 2009. – №16. – С. 53–59.
70. *Ефремов В.А.* Речевое поведение антиваксеров: риторический и юридический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т.21. – №3. – С. 90–100.

71. Ефремов В.А. Аффектонимы: семантика, прагматика и лингвокультурология // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – №73. – С. 18– 37.
72. *Желтухина М.Р.* Топологическая суггестивность масс–медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. – Волгоград: изд–во «ВФ МУПК», 2003. – 656 с.
73. *Журавлев А.П.* Категоризация действительности как часть когнитивной функции языка //Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико–биологические науки. – 2017. – С. 62–66.
74. *Забияко А.П.* Экстремизм религиозный. Религиоведение. – М. Академический проект, 2006. – 1296 с.
75. *Залегдинова А.Р.* Коммуникативные стратегии и тактики в дискурсивном пространстве ток-шоу (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Залегдинова Айгуль Рустамовна; ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». – Казань, 2013. – С. 22.
76. *Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М.* Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – №1 (41). – С. 92–98.
77. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Изд. 5–е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 284 с.
78. *Иссерс О.С.* Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 2 (18). – С. 92–104.
79. *Иссерс О. С.* Теоретическая и прикладная лингвистика: курс лекций / Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ), 2017. – 314 с.
80. *Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод // Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.
81. *Кадиева А.А.* Каламбур как основное средство создания комического эффекта в анекдотах // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – №3 (16). – С. 99–103.
82. *Казаков А.А*. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. Политическая коммуникация. – 2013. – №3 (45). – С. 87–90.
83. *Казула Ф.П.* Теория дискурса и дискурс-анализ: как идеи и символы формируют политику // Политическая наука: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН, 2009. – Вып. 4: Идеи и символы в политике: методологические проблемы и современные исследования; ред.-сост. вып. О. Ю. Малинова. – С. 59–78.

84. *Карагодин А.А.* К вопросу о разграничении утверждений о факте и оценочных суждений в юрислингвистике // Юрислингвистика–11: Право как дискурс, текст и слово. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та – 2011. – С. 469–480.
85. *Кара–Мурза Е.С.* Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. Екатеринбург – 2009. – № 1(27). – С. 47–73.
86. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. – М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. – 495 с.
87. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград. – 2000. – С. 5–20.
88. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена. – 2002. – 477 с.
89. *Карасик В.И.* Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – №1. – С. 17–34.
90. *Караулов Ю.Н., Петров В.В.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Изд-во «Прогресс», 2000. – С. 5–11.
91. *Карякин А. В.* Выражение речевой агрессии в дискурсивной практике А. Меркель // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2009. – С. 201–205.
92. *Киданова Н.Л.* К вопросу о коммуникативных тактиках и стратегиях в политическом дискурсе // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития. Псков: Изд: Логос Плюс. – 2015. – С. 13–23.
93. *Киселев А.Г.* Теория и практика массовой информации. – М.: КНОРУС, 2009. – 432 с.
94. *Киянова К.А.* Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель // Язык и текст langpsy.ru. – 2016. – Т.3. – №2.– С. 76–85.
95. *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация: учеб. пособие для ун–тов и вузов. – М.: ПРИОР, 1998. – 224 с.
96. *Ковш М.И.* Авторитетность в новостном медийном дискурсе: дисс. … канд. филол. наук: 5.9.8. / Ковш Максим Игоревич; ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» – М. – 2024. – 198 с.
97. *Кожемякин* Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Белгород: Изд-во БГУ. – 2010. – №12 (83). – С. 13–21.
98. *Козловский Д.В.* Репрезентация мультимодальной эвиденциальной семантики в политическом массмедийном дискурсе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – Т. 19. – № 4. – С. 12-20.

99. *Колесникова С.Н.* Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). – С. 67-69.
100. *Колтунова Е.А., Жарков И.В*. О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации // Неофилология. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 218–227.
101. *Коньков В.И.* Лингвистические исследования политического медиадискурса // Медиалингвистика. – 2018. – №5 (2) – С. 138–161.
102. *Конькова А. С.* Ток–шоу как тип дискурса // Вестник МГЛУ. – 2015. – №20 (731). – С. 221–231.
103. *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 176 с.
104. Копнина Г.А., Кошкарова Н.Н., Сковородников А.П. Языковые последствия современных информационно-психологических войн в русскоязычных массмедиа: постановка проблемы // Русистика. – 2021. – Т.19 – № 4. – С. 383–400.
105. *Копров В. Ю.* Грамматическая безличность в русской языковой картине мира // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы III Международной научно-практической конференции. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. – 2005. – С. 30–36.
106. *Космодемьянская В.И.* Стратегии и тактики в аргументативном полемическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 99–103.
107. *Кошеренкова О.В.* Символика цвета в культуре // Аналитика культурологии. – 2015. – №2 (32). – С. 156–161.
108. *Карамова А.А., Силантьева В.М.* Риторический вопрос и риторическое восклицание в современном политическом дискурсе // Инновационная наука. – 2016. – С. 168–170.
109. *Клушина Н.И.* Мультимедиальный код языка и его роль в политической лингвистике // Политическая лингвистика. – 2020. – № 6. – С. 19-25.
110. *Клушина Н.И.* Нарративные практики в современном российском медиадискурсе // Мир лингвистики и коммуникации (электронный научный журнал). – 2021. –№63. – С. 24-35
111. *Красных В.В.* Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода: Коммуникативный акт, дискурс, текст: дисс. … докт. филол. наук: 10.02.19. / Красных Виктория Владимировна; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова – М.: 1999. – 188 с.
112. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

113. *Кузнецов С.А., Оленников С.М.* Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание) / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом «В. Ема», 2014. – 312 с.
114. *Кузьмина С.В.* Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: социология, политология. – 2011. – Т. 11. – № 2. – С. 54–56.
115. *Кураш С.Б., Аматов А.М., Свищев Г.В*. Военная метафора в политическом дискурсе: тактика и стратегия // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т.4. – №2. – С.12–20.
116. *Кукушкина О.В.* Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе. // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – №1 (41). – С. 118–126.
117. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Методика проведения судебной психолого–лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. – 98 с.
118. *Купина Н.А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры: избранные труды: монография // Н.А. Купина; под общ. ред. Т.В. Матвеевой. – М.: ФЛИНТА; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 272 с.
119. *Кусов Г.В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Кусов Геннадий Владимирович; Волгоградский государственный педагогический университет – Волгоград, 2004. – С. 245.
120. *Лингвистическая экспертиза*: учебное пособие / И.А. Ярощук, Н.А. Жукова, Н.И. Долженко. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. – 96 с.
121. *Ляпун С.В.* Ирония в газетной публицистике конца XX начала XXI веков: стилистический прием и стилевая тенденция // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – 2009. – С. 37–42.
122. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
123. *Марченко Т.В.* Манипулятивный потенциал интертекстуальных включений в современном политическом дискурсе: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Марченко Татьяна Владимировна; Ставропольский государственный университет – Ставрополь, 2007. – 255 с.
124. *Малышева О.П.* Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. – С. 206–209.

125. *Малышев Д.А.* Коммуникативные стратегии и тактики презентации политика в теленовостях: на примере материалов Первого канала, НТВ и РЕН ТВ: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Малышев Дмитрий Андреевич; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова– Москва: 2016 –214 с.
126. *Матвеева О.Н., Вязигина Н.В., Холоденко Ю.В.* Судебная лингвистика: монография. – Барнаул: Концепт, 2015. – 309 с.
127. Матыцина М. С., Гун Сыюй Политический медиадискурс в российском, европейском и китайском языкознании: теоретико-аналитический обзор актуальных направлений // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. – 2024. – Т. 17. – №5. – С. 1611–1617.
128. *Михалева О.Л.* Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
129. *Михалева О.Л.* Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Михалёва Ольга Леонидовна; Кемеровский государственный университет – Кемерово: 2004. – 289 с.
130. *Мишланов В.А., Нецветаева Н.С.* Коммуникативные стратегии и тактики в современном политическом дискурсе (на материале политической рекламы предвыборных кампаний 2003, 2007, 2008 гг.) // Пермский государственный национальный исследовательский университет. Российская и зарубежная филология, – 2000. – №6. – С. 5–13.
131. *Молодыченко Е.Н.* Текстовое моделирование образа врага в истории и политике (на материале текстов президентского дискурса США) // Политическая лингвистика. Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. – 2012. – №4 (42). – С.145–156.
132. Мощева С.В. Самопрезентация в политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Кэмерона) //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2025. – №2. – С. 179–184.
133. *Мулькеева В.О.* Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Мулькеева Валерия Олеговна; Российский государственный педагогический университет – Санкт–Петербург, 2005. – 190 с.
134. *Назарова Т.В., Гримайло Е.А., Мамаев Н.Ю., Коршиков А.П., Ростовская А.В.* Типовая методика судебной лингвистической экспертизы. – М.: ЭКЦ МВД России, 2009. – 80 с.
135. *Наминова Г.А.* Политический дискурс в современной России: проблемы достижения общественного согласия: автореф. дисс. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Наминова Гелла Александровна; Российская академия государственной службы. – Москва, 2001. – 192 с.
136. *Науменко Т.В.* Массовая коммуникация и методы ее воздействия на аудиторию // Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Философия и общество – 2004. – №1 (34). – С. 100–118.

137. *Негрышев А.А.* Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ: Учебное пособие / А.А. Негрышев. – Владимир: ВГГУ, 2009. – 144 с.
138. *Некрасов П.Ф.* Участие прессы в патриотическом воспитании гражданина России: в условиях формирования информационного общества: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Некрасов Петр Феликсович; Моск. гос. соц. ун-т. – Москва, 2001. – 24 с.
139. *Николаева А. В.* Авторская интонация в журналистике // Русская речь. – 2011. – № 1. – С. 74–78.
140. *Никонова Е.А.* Синтаксические стилистические средства как основной инструмент создания модальности в политическом дискурсе (на примере аналитических статей) // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. – Москва: «КДУ», Университетская книга, 2018. – С. 435–439.
141. *Никонова Е.А.* Средства реализации модальности в тексте средств массовой информации (на примере англоязычного политического эссе и аналитической статьи) // Вестник Череповецкого государственного университета – 2019. – №1(88). – С. 86–97.
142. *Никонова Е.А.* Языковые средства ведения современных медиавойн // Проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе. В 2 томах. –2023. – Т.1. – С. 188–191.
143. *Паршина О.Н.* Российская политическая речь: Теория и практика. – М.: Изд–во ЛКИ, 2007. – 232 с.
144. *Петров В.В.* Логическая семантика и язык политики // Новый мировой порядок и политическая общность. Советская ассоциация политических наук: Ежегодник, 1981. – М.: Наука, 1983. – С. 166–173.
145. *Петрова Н.В*. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.
146. *Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В.* Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учебное пособие / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. – 6-е изд., – Москва: ФЛИНТА, 2022. –160 с.
147. *Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И.* Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: методическое пособие. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. – 213 с.
148. *Погребняк Н.В.* Языковая актуализация образа политика в медиадискурсе: стратегии когнитивного воздействия: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.19 / Погребняк Наталья Владимировна; ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет». – Майкоп, 2021. – 24 с.
149. *Подобедова Д.А.* Специфика общественно-политических ток-шоу в России // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2021. – Т. 6. – №3. – С. 65–89.
150. *Полонский А.В.* Русский язык в современных масс–медиа: конфликт между «Словарем» и общественным вкусом. // Белгородский государственный

университет. Научные ведомости, Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №24. – С. 250–255.

151. *Полякова Л.С.* Речевое воздействие: теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. II. Проблемы коммуникации и дискурса. – 2010. – №12. – С.181–121.
152. *Попкова Е.А.* Политические ток-шоу и языковое сознание российской молодежи: к вопросу о формировании ассоциативных полей // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 5 (4). – С. 657–661.
153. *Попова Е.С.* Рекламный текст и проблемы манипуляции: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Попова Елена Сергеевна; ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького». – Екатеинбург, 2005. – 27 с.
154. *Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. – М.: «Наука», 2011. – 328 с.
155. *Почепцов Г.Г.* Слушатель и его роль в актах речевого общения //Языковое общение: Единицы и регулятивы: Межвуз. сб. – Калинин: КГУ. – 1987. – С. 26–38.
156. *Почепцов Г.Г.* Коммуникативные аспекты семантики. – Киев: Вища шк., 1987. – 246 с.
157. *Радбиль Т.Б.* Человеческий фактор в языке: лингвистическая прагматика и теория речевых актов (Основные термины и понятия). – Н. Новгород: Изд–во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 60 с.
158. *Радбиль Н.В.* Коннотативно-оценочные преобразования прилагательного патриотический как средство языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – №2. – С. 66– 83.
159. *Радбиль Т.Б.* Выявление и экспертная квалификация негативно-оценочной информации о лице в свете корпусного анализа интернет-медиа // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка. – Москва, 2023. – С. 275-285.
160. *Радбиль Т.Б., Радбиль Н.В.* Наречия «патриотично» и «патриотически» в языке интернет-сми в свете лингвоаксиологического дискурс-анализа // XV Конгресс МАПРЯЛ. Избранные доклады. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 2046-2051.
161. *Радбиль Т.Б., Юматов В.А.* Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014, № 3 (2). – С. 18–21.
162. *Радбиль Т.Б., Юматов В.А.* Язык и метод в современной судебной экспертизе: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.Ю. Арефьева. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 216 с.

163. *Рассинская, О.В.* Речевые особенности политической коммуникации // Молодой ученый. – 2015. – № 1 (81). – С. 412–413.
164. Рацибурская Л.В. Рискогенность в современном медийном словотворчестве // Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества. – Саратов, 2024. – С. 199– 204.
165. Рацибурская Л.В., Бусарева С.Г. Поликодовость как проявление креативности современного медийного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2024. – Т. 23. – № 4. – С. 142-158.
166. Рацибурская Л.В., Широкова Е.Н. Манипулятивный функционал вторичной номинации в сетевом дискурсе. Медиалингвистика. – 2025. – 12 (1) – С. 77–94.
167. *Ровинская Т.Л.* Роль СМИ в деятельности «зеленых» партий (опыт США и ФРГ) // Вестн. Моск. ун–та. Сер. 12, Политические науки. – 2002. – №6. – С. 85–98.
168. *Романова Т.В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 309 с.
169. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2011. – 688 с.
170. *Руженцева Н.Б.* Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. / Урал. гос. пед. ун–т. – Екатеринбург, 2004. – 294 с.
171. *Румянцева И.М.* Психолингвистические механизмы и методы формирования речи. – М.: ИЯз РАН, 2000. – 34 с.
172. *Румянцева Е.Н.* Регулятивные речевые действия как фактор успешности диалога и компонент коммуникативной стратегии партнеров по общению: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Румянцева, Елена Николаевна – Орел, 2004. – 174 с.
173. *Русакова О.Ф.* Дискурс-анализ публичных коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Ред. Л.Н. Тимофеева. – М.: 2012. – 192 с.
174. *Саломатина М.С., Лазоренко А.Ю.* Использование методики рецептивных схем в лингвистической экспертизе текста // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – №1. – С. 68–70.
175. *Сандакова М.В.* Функционирование словосочетаний «относительное прилагательное + существительное» в языке современных газет (на материале московской и кировской прессы) // «ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИИ»: Материалы и исследования. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. – Нижний Новгород: изд. «Дятловы горы», 2013. – С. 128–133.
176. *Савельев А.Н.* Русофобия в России. 2006–2007 гг. Аналитический доклад. – М.: Русский информационный центр, 2008. – 102 с.

177. *Сауляк В.Е., Эва да Силва Н.К.* Медийная монополия и политическая конкуренция // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2011 – №3. – С.134–145
178. *Седов К.Ф.* Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: дисс. … докт. филол. наук: 10.02.01. / Седов Константин Федорович; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского – Саратов, 1999. – 436 с.
179. *Сенько Е.В., Цакалиди Т.Г.* Функциональный динамизм русского словообразования (на примере суффикса –ант в современном русском языке) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2017. – № 12. – Ч. 1. – С. 150–154.
180. *Сидоренко Е. В.* Тренинг влияния и противостояния влиянию. – СПб.: Речь., 2004. – 256 с.
181. *Сковородников А.П.* Расширение фигуральных возможностей языка современной газеты // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей. М., 2003. – С. 564.
182. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии. // Риторика – Лингвистика. Сб. статей. – Смоленск, Издательство СГПУ. – 2004. – №5. – С. 5–11.
183. *Сковородников А.П.* Коммуникативные стратегии и тактики // Эффективное речевое общение: базовые компетенции: словарь-справочник. – Красноярск: Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2012. – С. 246–247.
184. *Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. – 2012. – С. 36–42.
185. *Сковородников А.П., Королькова Э.А.* Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. Политическая коммуникация. – 2015. – № 3(53). – С.160–172.
186. *Скрипаль А.А.* Метафора как характеристика политического дискурса // Вестник ВолГУ. – 2011. – №9 (9). – С. 36–38.
187. *Соколова Е.П.* Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. – 2010. – №9(4). – С. 274–280.
188. *Соколова Т.П.* Неймингговая экспертиза: генезис, проблемы, перспективы // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 3. – С. 142–150.
189. *Солганик Г. Я.* Основы лингвистики речи. – М.: Издательство МГУ, 2010. – С.128.

190. *Соловьев А.И.* Политические коммуникации. – М.: Аспект–Пресс, 2004. – 332 с.
191. *Соломатина А.О.* Содержательно-информативные показатели текстов политической коммуникации в аспекте реализации стратегий положительной и отрицательной презентации: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. О. Соломатина; Краснодар, 2016. – 166 с.
192. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. – М.: РГБ, Воронеж 2001. – 276 с.
193. *Стернин И.А.* Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж: «Истоки», 2011. – 66 с.
194. С*тернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В.* Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие. – Ярославль: Изд–во «Канцлер», 2013. – 80 с.
195. *Стибун В.В., Стрельникова А.А., Шурыгина Э.И.* Политическая коммуникация. // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики – СПб.: 2006. – № 27. – С. 219–222.
196. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. / В. Н. Телия. М.: Наука, 1981. – 269 с.
197. *Токарева М.В.* Языковая концептуализация когнитивно выделенных компонентов в ситуации слухового восприятия // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – С. 97–103.
198. *Троицкая Т.Б.* Средства реализации полемической стратегии в немецкоязычном публицистическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук :10.02.04 / Т. Б. Троицкая. – М., 2008. – 26 с.
199. *Ухвачев Г.И., Куимова М.В.* Некоторые особенности политической речи // Молодой ученый. – 2015.– №10. – С. 1046–1047.
200. *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ. 2008. – 878 с.
201. *Федорова Л.Л.* Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Российская академия наук (Москва). – 1991. – №6. – С. 46–50.
202. *Филинский А.А.* Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.19. / Филинский Алексей Анатольевич; Тверской. гос. ун–т. – Тверь, 2002. – 15 с.
203. *Филиппова А.В.* Стереотипизация образа женщины в политической прессе германии мирного времени (на примере креолизованных текстов) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2014. – С. 128–129.
204. *Хади А.А.* К вопросу об определении понятий «политический язык» и «политический дискурс» в средствах массовой информации. // Al–Adab Journal. – 2019. – С. 55–66.

205. *Хамидова Л.В.* Употребление перифрастических выражений в современной публицистической речи: на материале газет: автореф. дисс. канд. … филол. наук: 10.02.01 / Хамидова Людмила Васильевна; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2000. – 17 с.

206. *Харченко В.К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе, 1976, № 3. – С. 67–68.

207. *Хлопотунов Я.Ю.* Конфронтационные коммуникативные стратегии в американском политическом дискурсе: дисс. … канд. филол. наук: 5.9.6 / Хлопотунов Ярослав Юрьевич; ФГАОУ ВО "Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ". – Москва, 2022. – 231 с.

208. *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. Пособие / 2–е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 128 с.

209. *Чудинов А.П.* Современная политическая коммуникация: учебное пособие. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун–т, 2009. – 292 с.

210. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: учебное пособие. – М: Флинта: Наука, 2013. – 254 с.

211. *Шарифуллин Б.Я.* Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: Проблема инвективы // Юрислингвистика–5. Барнаул. – 2004. – С. 120–131.

212. *Шарифуллин Б.Я.* Проблема инвективы: лингвистический и юрислингвистический статус // Юрислингвистика–8. – Барнаул. – 2007. – С. 301–306.

213. *Шигабетдинова Г.М., Кулагина* А.И. Феномен «Политические ток-шоу» в современной российской тележурналистике // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2023. – №3– С. 4–6.

214. *Шилихина К.М.* Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. Политическая коммуникация. – 2011. – №4(38). – С.177–182.

215. *Шейгал Е.И.* Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Саратов: Изд–во Сарат. ун–та. –1999. – №28. – С. 204–222.

216. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 440 с.

217. Шейгал Е.И. Проблемы анализа политического дискурса // Русский язык в современном обществе: (функциональные и статусные характеристики). Серия «Теория и история языкознания» РАН. – М.: 2005. – С. 51–70.

218. *Широкова Е.Н.* Тенденции оформления чужой речи в масс-медийном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2015. – №14 (6). – С.191–195.

219. *Широкова Е.Н.* Новостные интернет-заголовки: онтологический и ортологический аспекты // Научный диалог. – 2021. – №12. – С.122-138.

220. *Широкова Е.Н.* Сверхсильная речевая агрессия дисфемизмов в контексте информационной войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2024. – №5. – С.243–251.
221. *Широкова Е.Н.* Знаки вторичной номинации как средство ведения информационной войны // Медиалингвистика. Материалы VIII международной научной конференции. – Санкт- Петербург, 2024. – С. 416-419.
222. *Шмелева Т.В.* Лицо как модусный субъект изъяснительной конструкции в языке медиа // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 8-1. – С. 46-53.
223. *Шмелева Т.В*. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы // Жанры речи. – 2018. – № 4 (20). – С.270–276.
224. *Юдина Н.В., Селиверстова О.А*. Лингводискурсивное исследование конструкции “мягкая сила”: теоретический и практический аспекты (на материале печатных СМИ РФ и США) // МАГИЯ ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике. Сборник научных трудов. В 2 томах. Т. 1. – 2017. – С. 361– 367.
225. *Юдина Н.В.* К вопросу о восприятии языковой политики Российской Федерации современными носителями русского языка / Юдина Н.В., Ковалева Т.А. // Мир русского слова. – 2020. – № 4. – С.11– 15.
226. *Юдина Т.В.* Дискурсивное пространство политической речи // сборник «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб.: Изд–во СПбГПУ, 2004. – С. 172–185.
227. *Юдина Т.В.* Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04 – Москва, 2001. – 233 с.
228. *Agnieszka Sowińska* A critical discourse approach to the analysis of values in political discourse: The example of freedom in President Bush's State of the Union addresses (2001–2008). // Discourse & Society, Vol. 24, No. 6, 2013. P. 792–809.
229. *Blakar R.M*. Language as a means of social power. – In: Pragmalinguistics, J. Mey (ed.). The Hague–Paris, Mouton, 1979. – P. 131–169.
230. *Burkhardt* A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // J. Klein und H. Diekmannshenke (Hrsg.) Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. – P. 75–100.
231. *Fairclough Isabela, Fairclough Norman*. Political Discourse Analysis. A Method for Advanced Students. Routledge, 2012. – 275 p.
232. *Fairclough. N.* Political Discourse in the Media. An Analytical Framework, in A. Bell and P. Garrett (eds) Approaches to Media Discourse, pp. 142–62.
233. *Fetzer A.* The Pragmatics of Political Discourse: Explorations across cultures // Journal of Language and Politics, Vol. 13, No. 4, 2013, pp. 863–868.

234. *Ferrari Federica*. Metaphor at Work in the Analysis of Political Discourse: Investigating a 'preventive War' Persuasion Strategy. // Discourse & Society, vol. 18, no. 5, 2017. P. 603–625.
235. *Harris Z.* Discourse analysis // Language. 1952. V. 28. № 1. P. 1–30.
236. *Harold D. Lasswell.* Democracy Through Public Opinion. – New York: Bantam 1941. – 190 p.
237. *Ilie Cornelia* Semi–institutional discourse. The case of talk shows. // Journal of Pragmatics 33, 2001. – P. 209–254.
238. *Larson Ch.* Persuasion: Perception and Responsibility. – Belmont: Wadsnorth Publishing Company, 1995. – 278 p.
239. *Musolff Andreas.* Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios - Bloomsbury Academic, 2016. – 209 p.
240. *Patrona Marianna*. Conversationalization and media empowerment in Greek television discussion programs // Discourse & Society Vol. 17, No. 1. 2006. – P. 5-27.
241. *Ralph Schroeder* Media systems, digital media and politics Social Theory after the Internet: Media, Technology, and Globalization, 2018. pp. 28-59.
242. *Richard Rogers, Sabine Niederer* The Politics of Social Media Manipulation. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2020. pp. 19-70.
243. *Stephen E. Bennett, Richard S. Flickinger, Staci L. Rhine.* Political Talk over Here, over There, over Time // British Journal of Political Science, Vol. 30, No., 2000. pp. 99–119.
244. *Teun A. van Dijk, Walter Kintsch* Strategies of Discourse Comprehension. - New York, Academic Press, 1983. – 389 p.
245. *Teun A. van Dijk* What is political discourse analysis? // Blommaert J., Bulkaen C. Politikal linguistics. Volume 11, Issue 1, Jan 1998 – P. 11–52.
246. *Teun A. van Dijk.* Discourse and power // Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
247. *The Pragmatics of Political Discourse: Explorations across cultures* Edited by Anita Fetzer [Pragmatics & Beyond New Series 228] 2013 pp. 1–18.
248. *Vivian Roese Vasterman*, Peter (ed.), From Media Hype to Twitter Storm. News Explosions and Their Impact on Issues, Crises, and Public Opinion. Amsterdam University Press, 2018. pp. 313-332.
249. 曹德军：政治修辞如何改变人们的认知？/《中国政治学》2022 年第四辑 [Цао Дэцзюнь: Как политическая риторика меняет восприятие людей? / Китайская политология, №4, 2022] URL: https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/5710.htm (дата обращения 25.07.2023)